

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Бурова Евгения Евгеньевна

**ЗНАЧИМОСТЬ ОЗНАЧАЮЩЕГО: ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ,
ВЫРАЖАЕМЫЕ ПРОСОДИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ РУССКОЙ
ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Ташлыкова Марина Борисовна

Иркутск – 2024

Оглавление

Введение	3
1 Просодия как объект лингвистического исследования	21
1.1 Представления о просодии в лингвистике	22
1.2 Теоретическая база настоящего исследования	36
Выводы по главе 1	41
2 Типы семантической информации, выражаемые просодией	43
2.1 Просодия как источник информации о референциальном статусе местоимения <i>мы</i>	43
2.2 Соотношение вербального и просодического компонентов устной речи: роль интонации в формировании содержательной стороны высказывания	51
Выводы по главе 2	77
3 Типы синтаксической информации, выражаемые просодией	79
3.1 Проблема сегментации устной речи в контексте современных лингвистических исследований	80
3.2 Опора на просодические критерии: паузация	85
3.3 Комбинация критериев при сегментации речи	90
3.4 Различия в характеристике сегментов, выделенных паузами, в двух глубинных интервью	94
Выводы по главе 3	98
4 Типы прагматической информации, выражаемые просодией	100
4.1 Просодия в контексте фазовых значений завершенности / незавершенности	100
4.2 Интонационная структура высказывания как маркер коммуникативного статуса говорящего	156
Выводы по главе 4	184
Заключение	186
Список литературы	189

Введение

Работа посвящена изучению просодии русской устной речи. В предпринимаемом исследовании под просодией по сложившейся традиции понимается набор некоторых акустических признаков, таких как частота основного тона, длительность, интенсивность, тембр, паузы (в таком значении термин «просодия» близок термину «интонация» в широком смысле).

Просодия традиционно рассматривается как разновидность означающего, как план выражения языкового знака (см., например, [Апресян, 1995, с. 180, 181, 183]). При этом значимость просодии, ее важность для организации устного дискурса, для передачи разнообразных его составляющих становится все более очевидной для лингвистов, хотя вряд ли можно признать, что исследование просодического компонента звучащей речи осуществлено исчерпывающим образом.

Актуальность настоящего исследования определяется рядом обстоятельств. Главным из них является особое внимание современной русистики к феномену устного дискурса, неотъемлемой частью которого является просодия. Этот интерес, как известно, в значительной мере связан с «антропоцентрическим поворотом», ознаменовавшим смену научных парадигм во второй половине XX в. Такие изменения способствовали сближению лингвистики с другими науками (психологией, социологией, нейрофизиологией), развитию интегративных процессов, выражающихся в расширении объекта исследования лингвистики [Кибрик, 2010], перемещению в центр внимания таких фактов, которые ранее оставались вне поля зрения ученых или находились на периферии проблемного поля.

Именно в рамках антропоцентрической парадигмы началась активная работа по исследованию разговорной речи. Значительный вклад в разработку этой проблематики внесла группа ученых под руководством Е. А. Земской: в их работах был представлен детальный анализ функционирования языковых единиц

всех уровней в устной разговорной речи, осмысливались условия ее употребления, демонстрировалась связь разговорной речи с ситуациями общения, жестами и мимикой говорящих и т.п. [Земская, 1981, 1983, 2004; Русская разговорная речь, 1973].

Позднее, когда коммуникативные характеристики говорящего стали рассматриваться во всем их многообразии, оформился мультимодальный, или мультиканальный, подход к изучению устного дискурса, который постулирует, что в процессе коммуникации задействованы сразу несколько информационных каналов: вербальный (сегментный), просодический и визуальный [Кибрик, 2018]. Сторонники такого подхода полагают, что каждый канал играет свою роль в обеспечении речевого взаимодействия, а потому без внимания к той информации, которая поступает по невербальным каналам, невозможно получить полные и достоверные данные о том, как действительно осуществляется человеческая коммуникация. Так, например, А. А. Кибрик, один из идеологов мультимодального подхода, утверждает, что «принципиальной разницы между вербально передаваемой информацией и информацией, передаваемой просодически или жестами, не существует. Только подход, признающий мультимодальность коммуникации, имеет шанс на создание реалистической лингвистики будущего» [Кибрик, 2010, с. 148].

Еще раз подчеркнем, что полученные в рамках данного подхода результаты однозначно демонстрируют важность изучения всех каналов, по которым осуществляется коммуникативное взаимодействие. На этом фоне актуальность изучения просодии представляется тем более очевидной, поскольку без просодических средств устный дискурс вообще не может существовать.

Степень разработанности темы исследования.

Как известно, исследование просодии русской речи началось с выделения интонационных конструкций русского языка, которое осуществила Е. А. Брызгунова во второй половине 70-х гг. XX века [Брызгунова, 1977, 1980, 1982]. Описание интонационных конструкций остается актуальной задачей и в

наши дни: уточняется репертуар ИК и их свойства, разрабатываются механизмы просодического членения и просодической разметки текстов [Князев, 2016; Кривнова, 2007, 2017; Янко, 2006, 2008а, 2008б, 2015, 2016, 2020 и т.д.].

В контексте антропоцентрической научной парадигмы и выдвинувшихся на первый план мультимодальных (мультиканальных) исследований звучащей речи в изучении просодии выделились также новые аспекты, как теоретические, так и прикладные.

К числу особенно активно обсуждаемых теоретических вопросов относятся вопросы о соотношении просодии с другими компонентами языкового выражения (с грамматическим контекстом) [Dehé, 2014; Couper-Kuhlen, 1996; Фрейдина, 2013; Niebuhr, 2013; Кобозева, 2014]; о функциях, связанных со смысловозначительным потенциалом интонационных средств [Couper-Kuhlen, 1996; Беленикина, 2010; Elordieta, 2012; Великая, 2008; Демонова, 2008; Niebuhr, 2013; Gussenhoven, 2007]; об особенностях участия просодии в коммуникации [Couper-Kuhlen, 1996; Янко, 2008а, 2015; Безяева, 2002; Коростелёва, 2010, 2011; Фрейдина, 2013; Великая, 2008; Шевченко, 2012; Wennerstrom, 2001; Niebuhr, 2013]; об интонации как специфическом средстве выражения эмоций [Потапова, 1997, 2014]; о проблемах просодического членения звучащего текста [Кривнова, 2007, 2017; Князев, 2016 и т.д.]. В кругу прикладных задач следует особо выделить задачи, связанные с автоматическим анализом и синтезом речи [Кобозева, 2014; Банков, 2010]; с обучением интонированию [Фрейдина, 2013]; с разработкой методики исследования просодии [Синёв, 2010; Szczeprek Reed, 2011]; с производством судебной лингвистической экспертизы [Бринев, 2009а, 2009б].

Анализ научной литературы, таким образом, показывает, что просодия остается одним из тех объектов исследования, которые продолжают вызывать устойчивый интерес лингвистов.

Своеобразным свидетельством изменения отношения к просодии, понимания ее значимости стало существенное увеличение объема сведений о ней в вузовских учебниках по фонетике. Так, авторы учебного пособия [Князев, 2011]

подчеркивают: «Мы стремились отразить ... достижения фонетической науки последних десятилетий – а следует отметить, что эти десятилетия характеризуются не только появлением огромного количества новых фактов, полученных в результате применения естественно-научных методов исследования, но и выработкой принципиально новых подходов к описанию звуковой коммуникации. Этим обусловлено ... существенное расширение сведений из области речепроизводства и речевой акустики» [Князев, 2011, с. 4].

В пособии, в частности, подробно рассматриваются основные и вторичные функции интонации. К основным относится функция оформления (интонация превращает слова в высказывания), функция членения потока речи (с помощью интонационных средств осуществляется сегментация крупных единиц на более мелкие) и функция выделения определенной единицы из числа однородных. К вторичным функциям авторы относят модальную и эмоциональную [Князев, 2011, с. 166].

В разделе, посвященном просодии, содержится чрезвычайно важное утверждение, что «в процессе коммуникации значительная часть информации передается не при помощи лексических смыслов слов, а при помощи интонационных средств» [Князев, 2011, с. 170] (ср. цитату из [Кибрик, 2010, с. 148] на с. 4).

Эта же мысль проводится в трудах представителей Московской семантической школы.

Показательно, например, что в своем онлайн-курсе «Семантика (Московская семантическая школа и близкие теории)» В. Ю. Апресян, характеризуя первый принцип МСШ («семантика на всех уровнях языка и семантическая мотивация»), начинает с семантики интонаций, которая обнаруживается в оформлении разных речевых актов (*Он пришел vs Он пришел?*) или разных значений многозначного слова (*Купи еще ↓помидоров vs Купи ↑еще помидоров*), в актуальном членении предложения (*Маша пришла vs ↑Маша пришла*) [<https://www.coursera.org/learn/moscow-semantic-school>].

Тем не менее следует подчеркнуть, что в изучении просодического компонента звучащей речи остаются существенные лакуны.

Во-первых, изучение интонационных (просодических) средств проводится в основном на материале адаптированных текстов, не являющихся проявлениями спонтанного дискурса в условиях естественной коммуникации. Это не позволяет составить исчерпывающего представления о характеристиках просодического компонента звучащей речи.

Именно поэтому исследование звучащей речи в той форме, в какой она существует в условиях реальной коммуникации, т.е. в спонтанном, неподготовленном проявлении, представляет собой актуальную исследовательскую задачу.

Чтобы осуществить такое исследование, необходимо в первую очередь определиться с тем, «как следует графически представлять устный дискурс, чтобы сделать его предметом систематического лингвистического анализа» [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 17], то есть разработать систему дискурсивной транскрипции. «Дело в том, что устный дискурс, по своей природе текучий и континуальный, не может быть предметом научного рассмотрения, если он представлен лишь в форме звука. Чтобы всерьез заниматься анализом дискурсивного процесса, он должен быть репрезентирован в графической форме, представлен как объект, который можно рассматривать с разных точек зрения. Такая графическая репрезентация, именуемая в современной лингвистике транскрипцией устного дискурса, или дискурсивной транскрипцией, должна отражать сущностные свойства устного дискурса, включая сегментацию на дискурсивные единицы, паузацию, просодию (акценты, тоны в акцентах, темповые различия и т. д.). Поскольку большинство релевантных различий в устном дискурсе реализуется недискретно, необходимо отличать значимые оппозиции от незначимых, существенные явления от несущественных. На практике это означает разработку десятков и сотен различных конвенций,

которые позволяли бы принимать транскрипционные решения осмысленно и систематично» [Там же].

Самый серьезный вклад в решение этой задачи внесла группа исследователей под руководством А. А. Кибрика и В. И. Подлесской, которая сформулировала общую идеологию дискурсивной транскрипции и предложила подробный формат для транскрибирования устного русского дискурса.

Важно, однако, что предлагаемый названными выше исследователями формат и научные обобщения основаны на описании монологического дискурса. «Хотя роль слушателя рассказов всегда очевидна и иногда проявляется в виде самостоятельных реплик, в нашем материале отсутствуют некоторые явления, характерные для обычного свободного диалога. Разработка теоретических моделей и транскрипционных конвенций для более широкого круга форм дискурса – дело дальнейших исследований» [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 18].

Во-вторых, несмотря на отчетливо сформулированную в современной лингвистике идею о том, что при помощи интонации в процессах коммуникации передается значительная часть информации, что семантика существует на разных уровнях (см. выше, с. 6), в том числе на уровне просодии, до сих пор не осуществлено систематическое описание просодии как означающего, как «смыслоразличительн[ого], но не смыслов[ого] средств[а] языка» [Апресян, 1995, с. 183].

Ю. Д. Апресян подчеркивает: «Коль скоро просодии тяготеют к плану выражения, их основная функция должна быть подобна основной функции фонем. Это действительно функция смыслоразличения. Разница между фонемами и просодиями состоит лишь в том, что фонемы различают морфы, а просодии – лексемы и целые высказывания. Хотя основным типам просодии самим по себе нельзя приписать никакой постоянной семантической или прагматической интерпретации, вне просодии никакому высказыванию нельзя приписать единственного содержания» [Апресян, 1995, с. 183].

Сам Ю. Д. Апресян внес существенный вклад в описание тех ситуаций, когда просодия представляет лексикографический интерес, продемонстрировал корреляции акцентных выделений с синтаксическими и семантическими свойствами лексем, а также рассмотрел те случаи, когда лексема, входящая в высказывание, полностью определяет его интонационную конструкцию.

«Просодия как ключ к пониманию смысла» рассматривается в статье [Кобозева, 2014]. Авторы показывают, что просодия «играет существенную роль в кодировании смысла высказывания, <...> дополняет пропозициональное содержание компонентами коммуникативно-прагматического свойства, а иногда и меняет это содержание» [Кобозева, 2014, с. 27].

Как показывают предварительные наблюдения, именно эта роль просодии не получила еще исчерпывающего осмысления, осуществленного в рамках системного подхода.

Нам представляется плодотворным для описания роли просодии в устном дискурсе провести параллель между функциями просодии и содержательными аспектами языковых знаков.

Нетрудно заметить, что функции, выделенные в [Князев, 2011] (см. выше, с. 6), коррелируют с разными типами информации, передаваемой языковыми знаками: функция оформления, модальная и эмоциональная функции соответствуют прагматическим типам информации, функция членения потока речи связана с синтактикой, а выделение единицы из числа однородных может маркировать семантические различия.

Подобные корреляции легко продемонстрировать с помощью примеров, некоторые из которых стали уже хрестоматийными.

В высказываниях типа *Казнить нельзя помиловать* пауза (точнее, ее локализация) двумя способами членит высказывание на сегменты и устанавливает синтаксические связи между разными компонентами предложения, т.е. принимает участие в выражении информации, относящейся к синтактике.

В высказываниях типа *Купи еще яблок* акцентное выделение маркирует частеречные и семантические различия: если просодически выделенным является компонент *еще*, то перед нами наречие, выражающее значение ‘вдобавок к объектам того же типа’ (*еще 1.1* согласно [Активный словарь русского языка]); если просодически выделена словоформа *яблок*, *еще* является частицей, выражающей значение ‘вдобавок к объектам другого типа’ (*еще 1.2* согласно [Активный словарь русского языка]).

В высказываниях типа *Как здесь красииво!* увеличение длительности звука (нефонологическая долгота) и использование определенной ИК (например, ИК-6) может выражать оценку. Оценочное содержание высказывания, отражающее отношение говорящего к чему-либо, как известно, составляет прагматику языкового выражения [Кобозева, 2000].

Уже эти примеры демонстрируют способность просодии выражать информацию о соотношении высказывания с действительностью (семантический аспект), оформлять цельные фрагменты высказывания (синтаксический аспект), выражать информацию об участниках коммуникации и их установках (прагматический аспект).

Вышеизложенное обуславливает основное методологическое решение, принятое в настоящем исследовании: здесь предпринимается попытка описать роль просодии в устном дискурсе с учетом «оптики», задаваемой выделением трех аспектов семиотики в теории Ч. Морриса [Моррис, 1982].

Как известно, идеи Ч. Морриса получили широкое распространение и применение в лингвистике как науке, изучающей одну из знаковых систем. Термины «семантика, синтактика, прагматика» стали традиционно использоваться для указания на отношение знаков к объектам действительности и понятиям о них (семантика); на отношение знаков друг к другу (синтактика); на отношения знаков к человеку, который пользуется языком (прагматика / дейктика) [Степанов, 1998, с. 176].

Предварительный анализ имеющегося в нашем распоряжении фактического материала показал, что далеко не все типы семантической, синтаксической и прагматической информации, выражаемые просодией, описаны и осмыслены в научной литературе. Дополнение и уточнение существующих научных представлений о данном феномене является актуальной исследовательской задачей.

Таким образом, **актуальность** предпринятого исследования определяется необходимостью

- детального описания функций просодии для всесторонней и многоаспектной характеристики устного дискурса;
- системного анализа просодии как означающего; выявления участков, которые обнаруживают корреляцию между просодией, с одной стороны, и семантикой, синтактикой, прагматикой – с другой;
- дополнения и корректировки представлений об интонационных конструкциях РЯ;
- уточнения процедуры аннотирования звучащей речи;
- определения возможностей просодического анализа для решения разнообразных прикладных задач, включая задачи производства лингвистической экспертизы текста.

Все вышеизложенное в той или иной мере соотносится с одной из важнейших задач современной лингвистической науки – задачей создания естественной грамматики русского языка, которая строится с опорой на его реальное бытование, на данные устной формы этого языка [Кибрик, <https://tube.sfu-kras.ru/node/2183>].

Материал исследования представляет собой записи устной речи двух разновидностей.

Во-первых, это аудио- и видеоматериалы, направленные сотрудникам кафедры русского языка и общего языкознания ИГУ на лингвистическую

экспертизу по уголовному делу о подготовке и организации убийства по найму. Материалы содержат диалог продолжительностью 57 мин. 34 сек.

Во-вторых, это аудиозаписи глубинных интервью, собранные в рамках проекта «Устная история Иркутска и технологии oral history в междисциплинарной перспективе». Они представляют собой развёрнутые (каждое около 60 минут) неподготовленные полуструктурированные интервью, в которых информанты отвечают на вопросы интервьюера о собственном прошлом, истории своей семьи, города и страны. Этот материал рассматривается как устный дискурс нарративного типа. Детальному анализу подвергаются два глубинных интервью (длительность первого 1 ч. 13 мин. 7 сек., длительность второго 47 мин. 48 сек.). Полные тексты исследуемых интервью можно найти в подготовленном сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания ИГУ учебном пособии «Глубинное интервью как материал для лингвистического исследования» [Михалёва, 2013].

Общий объем исследуемого звучащего текста составляет 2 ч. 58 мин. 30 сек. Материал анализируется в аспекте его тональных характеристик и особенностей паузации. Выбор материала обусловлен потребностью решения разных исследовательских задач и описания разных типов информации. Например, информация о коммуникативных статусах выводится из диалога, а о линейной организации дискурса – из глубинного интервью, представляющего собой практически монологическую речь. Объединение двух типов материала в рамках диссертационного исследования осуществляется на основании неподготовленности текстов: диалог представляет собой расшифровку аудио- и видеозаписей, полученных оперативным путем, а источником глубинных интервью являются аудиозаписи, сделанные в ходе непринужденной беседы.

Ограничение объема материала обусловлено, в первую очередь, трудоемкостью обработки больших массивов аудио- и видеозаписей, которая осуществляется с помощью специализированных компьютерных программ (не случайно фактический материал проекта «Рассказы о сновидениях»,

реализованного коллективом исследователей, составляет около 2 часов звучащего текста).

Указанное ограничение, с одной стороны, не позволяет экстраполировать полученные в ходе исследования выводы на устный дискурс в целом, однако, с другой стороны, дает возможность наметить пути его дальнейшего исследования в том ракурсе, в котором выполнена настоящая работа. Кроме того, для верификации полученных выводов привлекаются фрагменты других интервью, содержащие рассматриваемые языковые факты.

Объект диссертационного исследования – просодическая составляющая устной (звучащей) спонтанной речи; **предмет** – типы информации, выражаемые просодией.

Цель данного исследования – выявить и детально охарактеризовать типы информации, выражаемые просодическим компонентом неподготовленной звучащей речи, в соотнесении с тремя аспектами функционирования языкового знака.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) осмыслить основные теоретические представления, сформулированные в ходе исследования просодического компонента коммуникации в современной лингвистической науке;

2) апробировать системный подход к исследованию просодии спонтанной устной речи как плана выражения семантических, синтаксических и прагматических аспектов смысла языковых выражений;

3) выявить и детально проанализировать контексты, в которых просодические различия коррелируют с семантическими; определить, какие типы информации могут быть выражены просодией;

4) рассмотреть просодию в связи с синтаксическим аспектом функционирования высказывания, определить степень корреляции такого просодического средства, как пауза, с синтактикой неподготовленной звучащей речи; оценить надежность критерия паузации для сегментации устного нарратива;

5) выявить и рассмотреть просодические средства, выражающие различные типы прагматической информации;

б) установить, с какими аспектами функционирования высказывания просодия взаимодействует в наибольшей степени.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных лингвистов в следующих областях:

- теоретическая фонетика (Е. А. Брызгунова, Л. Л. Касаткин, В. Б. Касевич, С. В. Князев, С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова, Б. М. Лобанов, Р. К. Потапова, Н. Д. Светозарова, Т. Е. Янко)

- теория дискурса и дискурсивный анализ (Е. А. Гришина, А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, Н. А. Коротаев, В. И. Подлеская, О. В. Федорова,);

- лингвистическая семантика и теория референции (Ю. Д. Апресян, И. Ю. Гранева, И. М. Кобозева, Б. Ю. Норман, Е. В. Падучева);

- исследования устной разговорной речи (И. Н. Борисова, Ю. В. Дараган, Е. А. Земская, О. Б. Сиротинина);

- теория коммуникации (М. Г. Безяева, И. Н. Борисова, Х. В. Грайс, В. И. Карасик, А. А. Коростелёва).

В диссертационном исследовании применяются общенаучные **методы**, такие как анализ, синтез и индукция, а также частные лингвистические методы, к которым относится контекстуальный анализ и анализ словарных дефиниций.

Методика исследования заключается в описании тональных характеристик высказывания в целом и различных его элементов, в том числе маркеров хезитации (удлиненных реализаций фонем, заполненных пауз), а также в фиксации длительности незаполненных пауз. Проанализированные просодические средства, как правило, соотносятся с вербальным компонентом речи и с тем содержанием, которое выражается в отвлечении от просодии. Это необходимо для наиболее полной характеристики смыслов, выражаемых интонацией. Анализ проводится с использованием программы Speech Analyzer. Speech Analyzer – это компьютерная система автоматического распознавания

звучащей речи, активно применяющаяся в современных лингвистических исследованиях. С ее помощью осуществляется детальная расшифровка текстов устного дискурса, поскольку, анализируя представленную программой осциллограмму, можно зафиксировать длительность звуков, слогов, фраз, пауз, охарактеризовать интенсивность речи и структуру слога. Кроме того, изучение тонограммы высказывания позволяет описать происходящие в нем изменения частоты основного тона. Программа Speech Analyzer также способна отразить и некоторые артикуляционные особенности речи.

На Рисунке 1 тонограмма показывает, что в данном фрагменте происходит понижение тона, паузы отсутствуют. Осциллограмма отражает большую интенсивность произнесения в начале фрагмента и меньшую в конце.

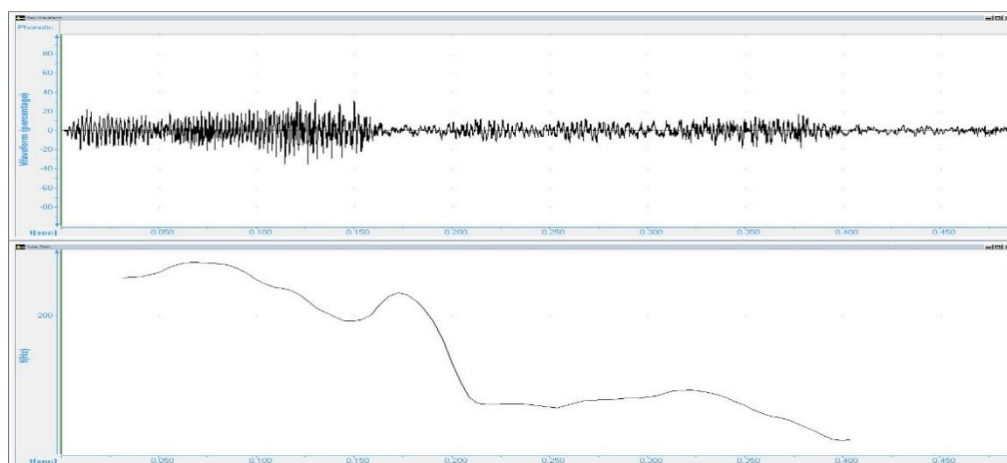

Рисунок 1 – Осциллограмма и тонограмма в программе Speech Analyzer

Для установления длительности паузы Speech Analyzer измеряет расстояние между курсорами, отображая результат в нижней части экрана. В нашем исследовании результат измерения длительности паузы округляется до десятых долей секунды.

На Рисунке 2 курсор зеленого цвета расположен в начале паузы, а курсор красного цвета маркирует ее завершение. В нижней части экрана находится количественный показатель, обозначающий длину паузы (обведен красным овалом). С учетом округления этого показателя до десятых длительность паузы составляет 0,9 секунды.

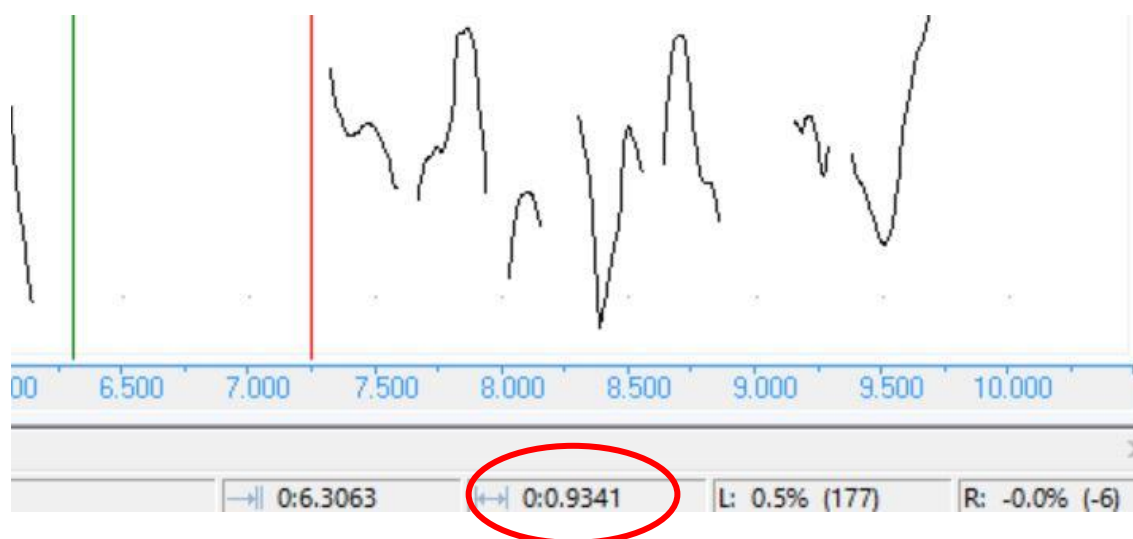

Рисунок 2 – Измерение длительности паузы в программе Speech Analyzer

При помощи такой методики проводится подробный и точный анализ просодических средств, обнаруженных в исследуемом материале.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые

- обоснован системный подход к исследованию просодии спонтанной (неподготовленной) речи: просодия рассматривается как означающее, способное выражать различные типы информации, соотносимые с аспектами функционирования языкового знака;

- рассмотрены группы примеров, в которых просодические различия коррелируют с содержательными: установлено, что просодия может передавать информацию о референциальных свойствах слова, а в случаях с несовпадением вербальной и просодической стороны высказывания – эксплицировать иллокутивное намерение говорящего, не выраженное на лексическом и грамматическом уровне;

- продемонстрировано отсутствие прямой корреляции такого просодического средства, как пауза, с синтактикой неподготовленной звучащей речи; установлено, что рассматриваемый просодический критерий является ненадежным для сегментации неподготовленного нарратива на отрезки, обладающие значимостью, самостоятельностью и связностью; сформулирована

гипотеза о том, что пауза в спонтанной речи в большей степени связана с плавностью порождения дискурса, чем с оформлением речи и делением ее на линейные единицы;

- уточнены представления об интонационных конструкциях русского языка, в частности, предложена корректировка характеристики ИК-1;

- выявлены и рассмотрены просодические средства, выражающие различные типы информации, которые относятся к ситуации общения и тем самым коррелируют с прагматикой высказывания: это маркеры коммуникативного значения незавершенности и маркеры коммуникативного статуса говорящего.

Теоретическая значимость работы обусловлена ее включенностью в современную исследовательскую парадигму, которая базируется на представлении о том, «что устная форма языка является основной, фундаментальной и исходной», что наши сведения «о любом естественном языке являются неполными и даже искаженными, если они не основываются на данных устной формы этого языка» [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 26].

Диссертационное исследование вносит вклад в изучение спонтанного устного дискурса, поскольку позволяет дополнить и значительно уточнить представления о функциях просодии через установление ее корреляции с содержательными компонентами языковых выражений. Результаты предпринятого в работе анализа демонстрируют различные аспекты значимости просодии как означающего, обнаруживают высокую степень корреляции просодического компонента с семантическим и прагматическим и минимальную – с синтаксическим.

Наряду с этим работа открывает дальнейшие перспективы для изучения просодии в рамках системного подхода, соотносящего просодию с семантикой, синтактикой и прагматикой.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы могут быть использованы в преподавании теоретических и

прикладных лингвистических дисциплин (фонетика современного русского языка, лингвистическая семантика, дискурс-анализ, методы акустического анализа речи и т.п.). Полученные данные могут найти применение при составлении учебных пособий, а также написании выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров. Материалы исследования могут найти применение в практике преподавания русского языка как иностранного. Разработанная в диссертации методика анализа устного спонтанного дискурса может использоваться при производстве лингвистической экспертизы звучащего текста и при аннотировании текстов глубинных интервью для корпусов устной речи.

Положения, выносимые на защиту.

1. Исследование просодии как означающего, как смыслоразличительного средства языка целесообразно осуществлять в рамках системного подхода, задающего «матрицу» возможных корреляций: просодия и семантика, просодия и синтактика, просодия и прагматика.

2. Просодия может выражать информацию семантического характера, в частности – информацию о референциальном статусе слова. В анализируемом материале наличие / отсутствие паузы после местоимения маркирует различие статусов (нереферентный / референтный соответственно), которое мотивировано содержательно: *мы*, отделенное от последующего контекста паузой, используется тогда, когда речь идет о значимых исторических событиях, являющихся фактами групповой памяти («номинативная» функция); неакцентированное *мы* – во всех прочих случаях, когда говорящий указывает на определенное множество объектов, включая его самого (дейктическая функция).

3. Просодия может выражать информацию семантического характера, эксплицируя иллокутивное намерение говорящего, не оформленное лексически или грамматически. В подобных случаях имеет место «рассогласование» вербального и просодического компонентов высказывания: в высказывании отсутствует эксплицитное указание на выражение требования (императив, глагол *требовать*, слово *надо*, конструкция с союзом *чтобы*), но присутствует

интонация требования, которая является средством экспликации импликатур, возникающих на вербальном уровне.

4. Корреляция такого просодического средства, как паузация, с синтактикой неподготовленной звучащей речи – вопреки традиционным представлениям – в рамках рассмотренного материала проявляется крайне слабо: одинаковые или близкие по продолжительности паузы могут выделять существенно различающиеся объемом передаваемого содержания фрагменты, и наоборот, разные по продолжительности паузы могут выделять сходные по объему передаваемого содержания фрагменты. Наличие пауз, возникающих вследствие речевых сбоев, т.е. имеющих хезитационную природу, является дополнительным фактором, не позволяющим напрямую связать паузацию с синтаксической организацией речи.

5. Коррелируя с прагматикой высказывания и обладая функциональной значимостью, просодия выражает различные типы информации, относящиеся к ситуации общения. Преобладание тех или иных интонационных конструкций, особенности просодических маркеров хезитации в речи коммуниканта позволяют охарактеризовать его как ведущего или ведомого.

6. Особенности реализации интонационных конструкций в имеющемся материале демонстрируют их способность выражать информацию прагматического характера: маркированными, прагматически нагруженными являются ИК-3, ИК-4 (маркер незавершенности), ИК-2 (маркер категоричности); ИК-1 представляет собой своеобразный «интонационный нуль», нейтрализующий противопоставленные друг другу коммуникативные значения.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Первая глава отражает основные теоретические представления, связанные с русской просодией, и их осмысление; вторая глава посвящена типам семантической информации, выражаемым просодией; третья – типам синтаксической информации; четвертая – типам прагматической информации.

Степень достоверности результатов проведенного исследования.

Достоверность представленных результатов обеспечивается, с одной стороны, разнообразием фактического материала, с другой – избранной методологией, используемыми методами и тщательностью проведенного анализа.

Апробация работы.

По теме диссертации сделаны доклады на 7 конференциях:

Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 10-14 апреля 2017 г.);

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения» (г. Иркутск, 26-28 апреля 2016 г.);

Научно-практической конференции Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ «Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики» (г. Иркутск, 6 апреля 2016 г.; 27 марта 2017 г.; 28 марта 2018 г.; 27 марта 2019 г.);

Конференции молодых ученых «”Цифра” в социально-гуманитарных исследованиях: метод, поле, реальность?» (г. Иркутск, 14-16 ноября 2022 г.).

Основные положения научной работы изложены в 6 публикациях, в том числе в 4 статьях в научных изданиях, включённых в перечень ВАК Минобрнауки РФ.

1 Просодия как объект лингвистического исследования

Как уже отмечалось во введении, в последние годы большое внимание уделяется изучению коммуникации в рамках мультимодального подхода. Так, например, широкое распространение получили исследования информации, передающейся по визуальному каналу – через «язык тела» и другие явления, которые раньше традиционно относились к паралингвистическим.

Укажем здесь, в первую очередь, на работы Г. Е. Крейдлина (в том числе на написанную под его руководством коллективную монографию «Язык и семиотика тела»), на исследования Е. А. Гришиной и тех ученых, которые принимают постоянное участие в конференции «Гришинские чтения» (<https://www.ruslang.ru/conference/grishinskie-chteniya-2022>); на Мультимодальный корпус МУРКО, созданный в рамках Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-murco.html>). МУРКО позволяет изучать устную речь, используя не только ее письменную фиксацию, но и ее реальное звучание и жестовое сопровождение. В корпусе осуществлена разметка жестов с учетом их объективных (активный и пассивный орган, ориентация в пространстве, направление движения и т.п.) и субъективных характеристик (тип и значение). Результаты исследований позволяют утверждать, что жесты могут быть дейктическими, т.е. указывающими на реально присутствующий или воображаемый референт; изобразительными, т.е. передающими слушающему какую-то смысловую информацию, дополняющую или дублирующую слова; могут представлять собой жестовые ударения, т.е. движения руки, согласованные с ударным слогом в слове, и т.д. Кроме того, существуют и работы, посвященные, например, описанию глазодвигательного поведения [Федорова, 2008, 2010, 2014, 2016, 2019, 2020].

Особое место в мультимодальной лингвистике занимает исследование просодического канала передачи информации и всего, что связано с интонационными средствами языка.

В данной главе диссертации рассматриваются главным образом некоторые теоретические установки, касающиеся характеристики просодического компонента коммуникации, который в лингвистике последних лет изучается наряду с другими невербальными аспектами общения (упомянутыми выше жестами, мимикой, глазодвигательным поведением) и является составляющей мультимодальной коммуникации.

1.1 Представления о просодии в лингвистике

В контексте антропоцентрической научной парадигмы и вышедших на первый план мультимодальных (мультиканальных) исследований звучащей речи в изучении просодии обнаружилось новые аспекты. Анализ современной научной литературы по проблеме позволяет представить их следующим образом.

1. Теоретические вопросы.

1.1. Вопрос о соотношении просодии с другими компонентами языкового выражения (с грамматическим контекстом).

В работе [Dehé, 2014], например, показано, что, вопреки распространённому представлению, в спонтанном и полуспонтанном английском языке парентеза может не выделяться просодически; а в исследовании [Couper-Kuhlen, 1996] устанавливается относительная автономность просодии и синтаксиса. В рамках данного аспекта также изучается просодия британской публичной речи во взаимодействии с лексико-грамматическими средствами [Фрейдина, 2013]; исследуется корреляция между интонационной и артикуляционной динамикой в английском языке, зависимость просодии от грамматики в датском, просодические алломорфы, влияющие на словоизменение, в эстонском языке, интонационные особенности чтения на немецком языке и степень их связи с грамматическим контекстом [Niebuhr, 2013]. Кроме того, на материале русского языка рассматриваются основные случаи расхождения между

смыслоразличительными просодическими признаками и знаками пунктуации [Кобозева, 2014].

1.2. Вопрос о функциях, связанных со смыслоразличительным потенциалом интонационных средств.

В научной литературе выражается точка зрения, что просодия имеет особую значимость для понимания высказываний и кодирует важные смыслы [Couper-Kuhlen, 1996; Беленикина, 2010; Elordieta, 2012]. Например, в [Couper-Kuhlen, 1996] сравниваются два отрывка из выступления на итальянском радио, где просодические сигналы подтверждения имеют противоположные смыслы; также описываются просодически выражаемые значения частицы *oh* в английском языке; наряду с этим характеризуются встречающиеся в немецком языке интонационно маркированные почему-вопросы с семантикой упрека.

Освещается роль просодии в формировании смысловой структуры монолога в двух видах коммуникации: в сценической и спонтанной речи на английском языке [Великая, 2008]. Рассматривается выражаемая просодией семантика недовольства в русском и английском языках [Демонова, 2008]. Исследуются различительные возможности словесного ударения и тональных акцентов в шведском, немецком и английском языках [Niebuhr, 2013]. Широко представлены и экспериментальные работы по восприятию тональных и интонационных изменений на материале разных языков. В частности, рассматривается смыслоразличительная функция движения тона в тональных языках [Gussenhoven, 2007].

1.3. Проблема участия просодии в коммуникации (исследование интонации как коммуникативной единицы).

В данном аспекте просодия рассматривается как одна из составляющих коммуникации, социальная по своей сути. Так, например, устанавливается, что просодия является важной частью процесса общения, т.к. маленькие дети при интерпретации услышанного и выстраивании ответной реакции ориентируются в первую очередь на нее [Couper-Kuhlen, 1996]. Изучаются интонационные

стратегии русской речи в сравнении с интонационными стратегиями речи на других языках. Под интонационными стратегиями понимается совокупность интонационных средств и выражаемых ими коммуникативных значений [Янко, 2008а]. В исследовании показано, что система коммуникативных значений (значение ремы, интеррогативности, императивности, темы, известного в вопросе, контраста, верификации и др.), которая была описана первоначально только для русского языка и для которой интонация является основным средством выражения, представлена и в других языках: английском, французском, немецком, польском, датском. Сравнительный анализ просодии осуществляется не только на материале разных языков, но и на материале разных вариантов одного языка [Янко, 2015]. Интонация русского языка изучается как особая единица коммуникативного уровня звучащей речи, функционирующая совместно с лексическими и грамматическими элементами, способными выражать целеустановку в высказывании [Безяева, 2002]. Кроме того, интонация рассматривается с точки зрения ее значимости как коммуникативного средства в разных языках, например, в польском и русском [Коростелёва, 2010, 2011]. В уже упомянутом коллективном исследовании о просодии британской публичной речи изучаются интонационные средства в социокультурном контексте [Фрейдина, 2013]. Также освещаются вопросы порождения монологического текста, психологии его восприятия и интерпретации на материале английского языка, изучается роль просодии в делимитации звучащего монолога [Великая, 2008]. Рассматривается влияние на просодию дискурса ритмического, информационного и прагматического факторов [Шевченко, 2012]. Просодия английского языка квалифицируется как необходимый объект дискурс-анализа [Wennerstrom, 2001]. Сравнивается ритмическая организация прозаической и поэтической речи немецких певцов и актеров; устанавливается, насколько бегло и ритмично произносятся односложные слова в американском варианте английского в различных коммуникативных условиях; изучается влияние коммуникативной ситуации на восприятие просодических сигналов в родном и неродном языке;

исследуется влияние знаний говорящего и слушающего на акцентирование дискурсивных маркеров на материале голландского языка [Niebuhr, 2013].

1.4. Изучение интонации как специфического средства выражения эмоций.

В работах, посвященных этой стороне звучащей речи, определяется, какие тональные свойства высказывания отражают ту или иную эмоцию. К примеру, обнаружено, что такую эмоцию, как ярость, маркируют высокая степень громкости, быстрый темп речи, широкий диапазон высоты основного тона, изрезанный контур основного тона и т.д., а радость характеризуется средней громкостью, достаточно медленным темпом речи, широким диапазоном высоты основного тона [Потапова, 1997, 2014].

1.5. Исследование просодического членения звучащего текста.

В рамках данной проблемы рассматривается так называемый просодический шов, т.е. фонетические явления, появляющиеся на границе между синтагмами. Просодический шов в русском языке изучен довольно подробно, в частности, выявлено несколько степеней его глубины [Кривнова, 2007, 2017; Князев, 2016 и т.д.].

2. Прикладные задачи.

2.1. Проблемы, связанные с автоматическим синтезом и анализом речи.

В рамках данного круга проблем, с одной стороны, описываются случаи расхождения просодии и пунктуации с целью решения проблемы автоматического синтеза звучащей речи [Кобозева, 2014]. С другой стороны, разрабатывается способ анализа фразовой просодии с помощью компьютерной программы «Просодия 1.0» [Банков, 2010].

2.2. Вопросы обучения интонированию.

Специалисты, работающие в этой сфере, решают методические задачи обучения мастерству публичной речи на уровне просодии [Фрейдина, 2013].

2.3. Методика исследования просодии.

Так, например, исследователи, разрабатывая методику анализа просодии американского варианта английского языка, рассматривают различные взгляды на

просодию, вводят понятия минимальной просодемы и просодической детерминанты [Синёв, 2010]. Другие авторы на материале реальных разговоров на английском языке объясняют основные понятия и методы интерпретации просодии, дают практические рекомендации по ее анализу [Szczerpek Reed, 2011].

Как представляется, отдельного внимания заслуживают исследования в области просодии русского языка, т.к. для предпринятого исследования они играют ключевую роль. Интонационные (просодические) элементы устной русской речи являлись предметом изучения многих ученых-лингвистов. Рассмотрим наиболее значимые концепции в этой области.

Безусловно, начать нужно с исследований Е. А. Брызгуновой, внесших огромный вклад в представление об интонации русского языка. Работы этого автора посвящены исследованию интонации, которая понимается, с одной стороны, широко: в понятие интонации входят тон, интенсивность, длительность и тембр. С другой стороны, Е. А. Брызгунова конкретизирует понятие интонации как системы просодических средств, включающей тип ИК, место центра ИК, членение на синтагмы, паузы. Важнейшим результатом исследований Е. А. Брызгуновой является выделение семи ИК, характерных для русской устной речи. ИК отличаются друг от друга движением тона в центре, т.е. в ударном слоге того слова, на которое падает логическое ударение, а также уровнем тона предцентра и постцентра. ИК может состоять только из центра, из предцентра и центра, из центра и постцентра, а также из предцентра, центра и постцентра [Брызгунова, 1977, 1980, 1982]. Система ИК имеет для предпринятого нами исследования особое значение, поэтому позволим себе более подробно охарактеризовать выделенные Е. А. Брызгуновой конструкции, предварительно представив систему условных обозначений, используемых в классификации. В приводимых примерах полужирным выделен центр ИК, после которого следует информация о направлении тона в нем, выраженная с помощью специальных символов: / – восходящий тон; \ – нисходящий тон; / \ – восходяще-нисходящий

тон; \ / – нисходяще-восходящий тон; \ \ – нисходящий тон с усиленным словесным ударением; _ / – ровный тон с повышением в конце.

«ИК-1: на гласном центра тон понижается, например, при произнесении названия (*Какие у них **обычай** *).

ИК-2: на гласном центра движение тона ровное или нисходящее, усилено словесное ударение, и это отличает ИК-2 от ИК-1, например, при выражении вопроса (*Какие \ \ у них **обычай**?*).

ИК-3: на гласном центра тон резко повышается, например, при повторении вопроса в ответе (*Какие у них **обычай** / ?*).

ИК-4: на гласном центра тон понижается, затем повышается; высокий уровень тона держится до конца конструкции, например, при выражении сопоставительного вопроса (*А у **них** _ / ? Какие у **них** _ / **обычай**?*).

ИК-5: два центра; на гласном первого центра тон повышается, на гласном второго центра – понижается, например, при выражении оценки (*Какие / у них **обычай** \ !*).

ИК-6: на гласном центра тон повышается, высокий уровень тона держится до конца конструкции; ИК-6 отличается от ИК-4 более высоким уровнем тона на гласном центра, например, при выражении 1) недоумения, 2) оценки (*Какие у них **обычай** / !*).

ИК-7: на гласном центра тон резко повышается, гласный заканчивается смычкой голосовых связок, и это отличает ИК-7 от ИК-3, например, при выражении экспрессивного отрицания (*Какие / у них **обычай**!*)» [Брызгунова, 1980, <https://rusgram.narod.ru/136-154.html>].

Первые четыре из перечисленных выше ИК являются в русском языке наиболее употребительными и, следовательно, входят в число основных.

С идеями Е. А. Брызгуновой о структуре ИК сходны идеи Л. Л. Касаткина о тональных контурах (далее – ТК) [Касаткин, 2006]. Под интонацией Л. Л. Касаткин понимает ритмико-мелодическую сторону речи, и основными интонационными средствами, по мысли исследователя, являются тональные

средства. Для удобства исследования тональных средств вырабатывается понятие тонального контура, обозначающего движение тона на протяжении фонетической синтагмы. Подобно ИК, ТК имеют центр – слог, на который падает основное ударение фонетической синтагмы. Л. Л. Касаткин описывает шесть ТК, используя систему условных обозначений, сходную с системой обозначений в классификации Е. А. Брызгуновой.

- ТК-1 служит для выражения завершенности в повествовательном предложении: *Поздняя о\сень.*

- ТК-2 выражает неожиданное обнаружение высокой степени признака, действия, состояния: *Какой компот/ вкусный!*

- ТК-3 выражает незавершенность речи: *Мама\ша\ пьет сок?*

- ТК-4 встречается в неполных вопросительных предложениях с сопоставительным союзом *а*, в вопросах с оттенком требования: *А Мама\ша/?*

- ТК-5 встречается в вопросительных предложениях с вопросительным словом, а также выражает высокую степень признака, действия, состояния: *Какой/ у нее го\лос! Куда/ ты идешь\?*

- ТК-6 встречается в вопросительных, повествовательных и придаточных предложениях: *Ты работу\ закон\чила? Она зарабатывает мно\го. Когда\ она проснется, | дай ей молока.*

Две представленные выше классификации тональных средств имеют ряд сходств и различий. Наблюдаются соответствия между ИК и ТК, с одной стороны, и отсутствие соответствий для некоторых ИК в системе ТК и наоборот – с другой. Представим сходства и различия между ИК и ТК в виде таблицы. Напротив каждой ИК, в противоположной ячейке, укажем соответствующую ей ТК. Пустота в противоположной ячейке будет означать отсутствие соответствия (Таблица 1).

Таблица 1 – Соотношение ИК и ТК

ИК-1	ТК-1
ИК-2	ТК-4
ИК-3	ТК-3
ИК-4	
ИК-5	ТК-5
ИК-6	ТК-2
ИК-7	
	ТК-6

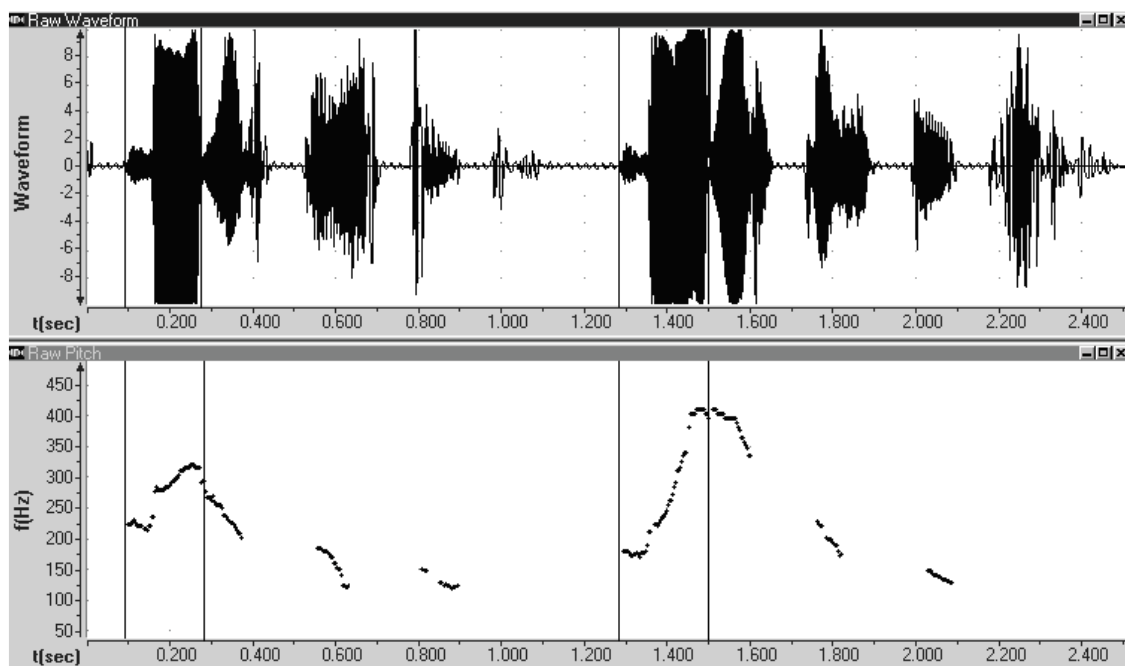
Классификация Е. А. Брызгуновой получила распространение в работах других ученых, которые, в свою очередь, стремятся усовершенствовать и расширить имеющиеся сведения о ИК. С. В. Кодзасов рассматривает минимальные единицы интонационной структуры высказывания – интонымы [Кодзасов, 1999]. ИК, являясь единицами более высокого уровня, состоят из интоном. В состав ИК, по мнению С. В. Кодзасова входят, например, следующие интонымы: восходящий, нисходящий, ровный тоны; интенсивность на акценте; глоттализация в виде гортанной смычки. Указанные компоненты вступают в комбинации, давая гораздо большее число ИК, чем выделено Е. А. Брызгуновой. В высказывании *Ты сделал(+), что я требовал?* сочетаются две интонымы: восходящий тон и интенсивность на акценте. Они образуют в приведенном примере единую ИК. С другой стороны, интенсивность на акценте в высказывании такого типа может отсутствовать. В таком случае реализуется другая ИК. В состав интоном также входит такой просодический признак, как «таймирование», т.е. ориентация тонального перелома на гласный (\ г), начальнослоговой согласный (\ с), начало слога в целом (\): *Это сделала Потапова(\); Я выбираю Потапову(\ г); Всех позвали: Потапову, Петрову,*

Иванову... (с). С. В. Кодзасов считает необходимым подробное описание инвентаря интоном и создание словаря интоном и ИК.

На сложность интонационной структуры речи также обращает внимание Н. Д. Светозарова [Светозарова, 1982, 1988], которая рассматривает мелодические рисунки основных интонационных типов и подчеркивает, что типичные, эталонные мелодические рисунки основных интонационных типов, реализуемые в безупречном нормативном произнесении изолированных высказываний, в спонтанной речи значительным образом изменяются. Кроме того, в живой речи часто наблюдается несовпадение между коммуникативным типом высказывания и интонацией, а также возникают сложности в поиске интонационного центра синтагмы.

Следует сказать, что идеи Е. А. Брызгуновой, Л. Л. Касаткина, С. В. Кодзасова, Н. Д. Светозаровой получили продолжение и развитие в работах Т. Е. Янко, которая в своих трудах рассматривает интонационные стратегии русской речи и сравнивает их с интонационными стратегиями в других языках, тем самым осуществляя сопоставительный просодический анализ [Янко, 2008а]. По утверждению автора, в русском языке выделяется два основных типа коммуникативных значений. К первому типу относятся системные значения, имеющие регулярные, стандартные средства выражения (значение темы, ремы, вопроса, императива, эмфазы, незавершенности). Такие значения способны соединяться с другими и образовывать комбинации. Ко второму типу можно отнести значения уникальных иллокутивных актов, которые в системе языка не соединяются с другими значениями. Однако для разных языков могут быть в большей или меньшей степени характерны определенные средства выражения коммуникативных значений. Например, универсальным интонационным средством выражения темы является повышение тона на ударном слоге акцентоносителя темы, но во французском и английском языках достаточно частотной можно считать тему, которая выражается комбинацией восходящего и нисходящего тонов. ИК, по мысли Т. Е. Янко, могут иметь варианты в живой

речи. Исследователь использует систему ИК Е. А. Брызгуновой, однако формулирует собственные принципы отождествления интонационной структуры с ИК. Например, Т. Е. Янко указывает на проблему разграничения ИК-2 и ИК-3 в живой речи. Как следует из классификации Е. А. Брызгуновой, в ИК-2 тон на гласном центра понижается, а в ИК-3 – повышается, однако ИК являются, по мысли Т. Е. Янко, некими инвариантами, которые имеют варианты употребления. Поэтому при соотнесении интонационных единиц с определенными ИК важно учитывать фактор значения. Например, в предложении *Бабушка спит* тон на центре (на ударном слоге акцентоносителя) повышается, но мы не можем сказать, что в данном предложении реализуется ИК-3, т.к. данная ИК встречается в вопросительных предложениях. Кроме того, если сравнить данное повествовательное предложение с вопросительным *Бабушка спит?*, то можно заметить, что подъем тона в этом примере более крутой, чем в повествовательном предложении, начинается он на более низких частотах, а заканчивается на более высоких, т.е. реализуется в большем диапазоне частот. Отсутствие предударного начала в повествовательном предложении обуславливает подъем на ударном слоге (Рисунок 3). Учитывая все перечисленное, Т. Е. Янко определяет акцент в предложении *Бабушка спит* как ИК-2, а в предложении *Бабушка спит?* как ИК-3 [Янко, 2008а, с. 37-38].

Бабушка спит

Бабушка спит?

Рисунок 3 – Осциллограмма и тонограмма высказываний *Бабушка спит* и *Бабушка спит?* [Янко, 2008а, с. 38]

В другой своей работе Т. Е. Янко выделяет еще одну ИК для наддиалектного русского языка [Янко, 2016]. Эту ИК автор называет просодией эмфатического членения текста на отдельные кванты информации. Основным критерием, определяющим фонологический статус конструкции, является ее способность иметь особую дискурсивную функцию либо ограниченный набор дискурсивных функций, отличных от функций других просодических единиц в системе. Для выделяемой Т. Е. Янко ИК такой дискурсивной функцией является подчеркнутое членение речи на фрагменты, соответствующие отдельным квантам информации: говорящий делит речь на части, чтобы придать квантам смысла автономное, самостоятельное звучание. Существенным признаком конструкции в целом служит удлинение артикуляции. Вот один из примеров, в которых, по мнению исследователя, используется данная ИК.

• *Молодая СЕМЬЯ, там... трехлетний РЕБЕНОК, да? э-э-э, любящие молодые ЛЮДИ...*

На Рисунке 4 представлена тонограмма данного высказывания.

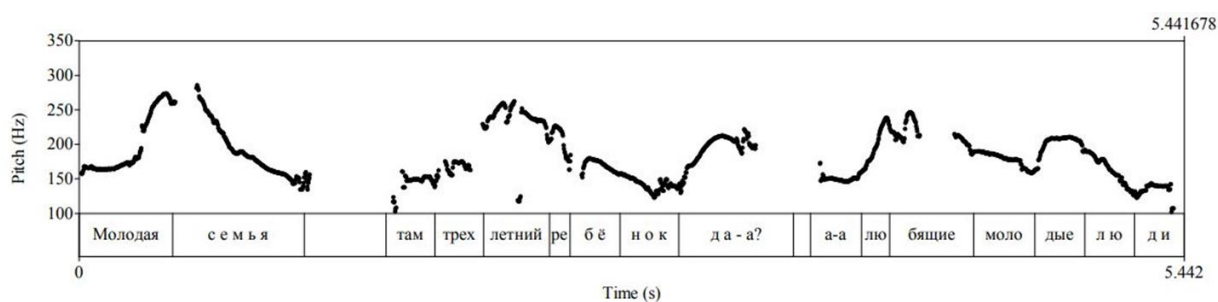

Рисунок 4 – Тonoграмма высказывания *Молодая семья, там... трехлетний ребенок, да? э-э-э, любящие молодые люди...* [Янко, 2016, с. 849]

Для нотации ИК Т. Е. Янко предлагает использовать автосегментную модель Дж. Пьерхамберт со специальной системой обозначений. Так, конструкция эмфатического членения речи на отдельные кванты информации будет выглядеть следующим образом: ((HL* - ;L%):) → ←, где HL* – падение тона на ударном слоге акцентоносителя, L – низкий уровень заударного слога, ; – заударный слог, который находится на относительно низком уровне, тем не менее расположен выше той точки, которая была достигнута в результате падения на ударном слоге. Двоеточие обозначает пролонгированную артикуляцию; две направленные друг к другу стрелки говорят о том, что перед нами конструкция, подвергающаяся компрессии.

Для Б. М. Лобанова, в отличие от Т. Е. Янко, главным является не установление вариантов ИК, а определение их инвариантной структуры [Лобанов, 2014, 2015]. Исследователь представляет ИК 1–7 в виде универсальных мелодических портретов (УМП) в координатах «Частота – Время». УМП – это средние тональные и временные параметры, в рамках которых ИК реализуются в речи. На Рисунке 5 слева изображены мелодические (тональные) контуры ИК-1 для различных фраз, произнесенных диктором-мужчиной, справа изображены мелодические контуры ИК-1 для тех же фраз, произнесенных диктором-женщиной. Жирная кривая описывает усредненные данные для всех использованных реализаций ИК. Приведем список анализируемых фраз: 1. Он гул¹яет. 2. Он гул¹яет в парке. 3. Он гул¹яет в парке с собакой. 4. Он заним¹ается.

5. Он заним¹ается в библиотеке. Эти фразы располагаются на графиках сверху вниз.

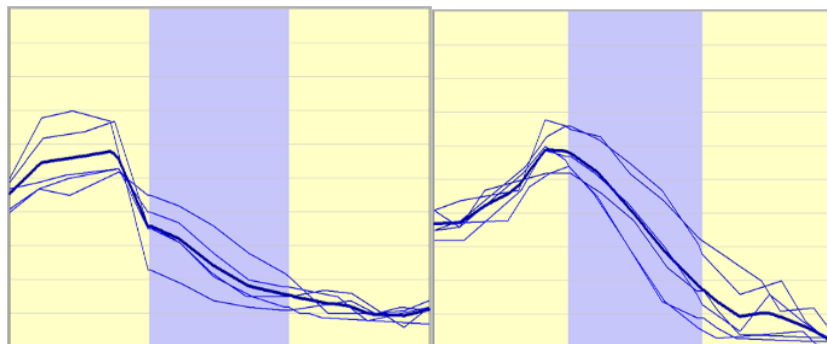

Рисунок 5 – ИК-1 – УМП мужского и женского голосов
[Лобанов, 2014, с. 335]

Б. М. Лобанов видит необходимость создания УМП ИК для более точной и правильной разработки компьютерных моделей анализа и синтеза интонационных характеристик речи.

Результатами фонетических исследований интонации пользуются в своих работах М. Г. Безяева и А. А. Коростелёва [Безяева, 2002; Коростелёва, 2010, 2011]. Они рассматривают интонацию как единицу коммуникативного уровня звучащей речи, способную в комбинации с другими единицами (грамматическими, лексическими) выражать определенную целеустановку. Под целеустановкой понимается «языковой способ представления, организации информации адресантом (говорящим), имеющий целью тот или иной вид воздействия на адресата, и как типичного его представителя – слушающего (вопрос, требование, просьба, совет, предложение, угроза, предостережение, возражение, подтверждение и т.д.)» [Безяева, 2002, с. 12]. М. Г. Безяева анализирует способы выражения волеизъявления в русском языке и отмечает, что интонационные различия могут маркировать разные целеустановки. Так, при выражении требования используется ИК-2, а при выражении просьбы – ИК-3: *Берите чемодан (ИК-2)! Лезь на чердак (ИК-2)! Отдавай мои лыжи, дерзкая девчонка (ИК-2)! Подвези меня по дороге на станцию (ИК-3). Оставьте*

телефончик (ИК-3). Ты прибери, пожалуйста (ИК-3). Еще Е. А. Брызгунова отмечала, что оппозиция ИК-2 и ИК-3 типично различает просьбу и требование [Брызгунова, 1982, с. 114], а М. Г. Безяева, в свою очередь, подчеркивает, что «ИК-2 является настолько сильным средством выражения требования для носителей русского языка, что другие средства (совершенный вид, средства вежливости) не могут ей противостоят. ИК-2 с резким падением тона актуализирует обязательность исполнения действия и вызывает у совершенного вида реализацию значения ‘невозможности неисполнения’, а у *пожалуйста* реализацию значения ‘негативного отношения говорящего к позиции слушающего’» [Безяева, 2002, с. 232].

М. Г. Безяева в качестве материала для анализа использует речь персонажей различных фильмов на русском языке. Вслед за ней А. А. Коростелёва анализирует звучащую речь в фильмах, изучает эмоциональный диалог в кино. В одной из работ А. А. Коростелёва, в частности, сравнивает между собой русские и польские переводы иностранных фильмов, отмечая, что в переводах на русский язык различные смысловые оттенки выражены с помощью интонации, а в польских переводах – лексическими средствами [Коростелёва, 2010]. Такое различие, по утверждению А. А. Коростелёвой, обусловлено особенностями языковых систем. «В русском языке ИК и их модальные реализации обладают собственной семантикой и способны различать достаточно сложные коммуникативные смыслы, в то время как в польском языке интонация играет скорее сопроводительную, а не смыслоразличительную роль. В качестве примера можно привести реплику из одного японского мультфильма. В этом мультфильме волшебник Фудзимото видит над морем огни, предвещающие появление Богини Океана, которая является его женой и матерью его детей. Фудзимото испытывает благоговейный трепет перед Богиней и говорит своим детям: — Это Она! // Она пришла! //. В русском переводе восторг передан с помощью ИК-6 и ИК-6, тяготеющей к ИК-3, которые формируют ореол особой важности вокруг происходящего. В польском переводе Фудзимото говорит своим дочерям: —

Matka... nadchodzi, – т.е. ‘Ваша мать близится/надвигается’. Оттенок благоговейного трепета воссоздается здесь с помощью использования глагола *nadchodzić*, который в польском языке применяется к временам года, стихийным бедствиям, явлениям природы» [Коростелёва, 2010, с. 49-50].

Все вышеперечисленные исследования интонации указывают на ее особую роль для русского языка. Интонационные средства способны выразить информацию, заменив при этом средства вербальные. Учитывая значимость системы интонационных средств, необходимо выявить актуальные для нашего исследования теоретические представления.

1.2 Теоретическая база настоящего исследования

В данной части работы будут прокомментированы теоретические представления, актуальные для нашего исследования, и описана последовательность действий, осуществляемых нами при анализе материала.

Прежде всего отметим, что при рассмотрении эмпирического материала используется система интонационных конструкций (ИК) Е. А. Брызгуновой, получившая широкое распространение в современных исследованиях просодии звучащей речи как наиболее полная и отражающая значимые для русской речи интонационные различия.

При соотнесении тональной структуры высказывания с определенной ИК мы руководствуемся тем фактом, что в речи, как утверждает в работе Т. Е. Янко, не так часто встречаются идеальные, прототипические интонационные структуры, поэтому тональный контур, оформляющий спонтанное высказывание, может не соответствовать стандартным параметрам, свойственным той или иной ИК [Янко, 2008а]. Учитывая данное обстоятельство, при анализе интонации мы ориентируемся на общий смысл высказывания, а также пытаемся найти наиболее подходящую, близкую представленному тональному контуру ИК.

Для идентификации смыслов, выраженных в ИК, мы будем пользоваться данными, изложенными в [Безьева, 2002; Коростелёва, 2010, 2011].

Более подробная характеристика ИК, представленная, например, в [Кодзасов, 1999, Янко 2016], является, на наш взгляд, избыточной для решения поставленных нами задач, т.к. в [Безьева, 2002; Коростелёва, 2010] было доказано, что для русского языка особой значимостью обладает именно движение тона в ИК.

Точные данные относительно реализующихся в анализируемых материалах ИК, как уже отмечалось во введении, получены с помощью компьютерной программы Speech Analyzer. Данная программа, наряду с программой Praat, позволяет фиксировать все значимые просодические элементы речи. Однако преимущества программы Speech Analyzer перед программой Praat, как представляется, заключаются прежде всего в удобстве сегментации больших отрезков речи, а также в наглядности фиксируемых программой изменений тона и громкости речи. Именно данные просодические параметры играют для нас первостепенную роль.

Программа Speech Analyzer успешно применялась учеными и для выполнения дискурсивной транскрипции. Дискурсивная транскрипция упрощает проведение различных видов лингвистических исследований звучащей речи, т.к. она представляет устный дискурс в удобной для анализа форме. Транскрайбер (то есть человек, который занимается транскрибированием дискурса) анализирует полученные с помощью программы данные и переводит их в форму письменных расшифровок, на которых недискретная звучащая речь предстает в виде дискретной структуры, состоящей из элементарных дискурсивных единиц (далее – ЭДЕ). При записи слов транскрайбер опирается на стандартную русскую орфографию, т.е. не фиксирует сегментные фонетические особенности речи. Дискурсивная транскрипция имеет среднюю степень детализации: в ней подробно размечены паузы и тональные акценты, но отсутствует разметка тембров и некоторых типов фонации. [Рассказы о сновидениях, 2009]. Перечисленные

характерные черты иллюстрирует пример дискурсивной транскрипции из корпуса звучащей речи «Рассказы о сновидениях» (<http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=00dreams>).

(1) 38.50 26. ··(0.25) я вернулся /домой,

(2) 39.64 27. и их-х ··(0.07) \увидел.

Здесь отображены две ЭДЕ. В скобках указана длительность пауз, косые линии показывают направление тона в акцентах (в первой строке акцент восходящий, во второй – нисходящий), запятая после первой ЭДЕ свидетельствует о том, что она нефинальная. Между ЭДЕ, как видно из транскрипции, нет пауз, однако внутри второй ЭДЕ имеется небольшая пауза хезитации, указывающая на возникшие при порождении дискурса трудности. Как следует из транскрипции, паузе хезитации предшествует удлинённый звук [x].

В последнее время дискурсивная транскрипция выполняется во многом для формирования лингвистических корпусов, которые создаются с помощью программы ELAN, связанной со звуковым анализатором Praat, т.е. загрузка данных осуществляется через эту программу непосредственно. Поэтому лингвисты, занимающиеся созданием устных корпусов, предпочитают программу Praat программе Speech Analyzer. Однако для фонетических исследований программа Speech Analyzer по-прежнему остается актуальной [Князев, 2016; Кривнова, 2017].

Кроме того, программа Speech Analyzer может применяться не только для транскрибирования текстов устного дискурса, но и для изучения собственно интонации, интонационных стратегий живой речи [Янко, 2008а].

Важная теоретическая установка, которая используется в предпринятом исследовании, касается осмысления просодии как означающего. С этой идеей напрямую связана одна из поставленных задач. О роли просодии как означающего подробно пишет Ю. Д. Апресян в статье «Типы лексикографической информации об означающем лексемы», вошедшей в книгу «Избранные труды, т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография». Просодия

относится к плану выражения, т.к. некоторые типы акцентных выделений (синтагматическое и фразовое ударение) выполняют функцию стандартного мелодического оформления нейтрального высказывания [Апресян, 1995, с. 180], а первые пять ИК асемантичны, что проявляется в их способности обслуживать много разных и несовместимых друг с другом значений. Например, ИК-3 «обслуживает общий вопрос (*Антон пришел?*), повествовательное предложение (*Москва – столица СССР*), перечислительное высказывание (*журналы за октябрь, ноябрь и декабрь*), повелительное высказывание (*Закройте, пожалуйста, дверь*), условное высказывание (*Если бы вы встретили Бориса...*)» [Апресян, 1995, с. 182].

Замечание

Нельзя не отметить, что термин *означающее* довольно часто применяется исследователями исключительно по отношению к звуковой оболочке морфем, слов и предложений, т.е. к сегментным фонетическим единицам (звукам / фонемам). Например, в учебном пособии Б. Ю. Нормана находим: «Основной и первичной материей языка является звук. Иными словами, план выражения языковых единиц – морфем, лексем, предложений – имеет звуковую природу» [Норман, 2009, с. 212]. Та же позиция отражена и в идее Л. Ельмслева о фигурах плана выражения [Ельмслев, 2006]. Согласно данной идее, означающее делится на фигуры, которыми являются фонемы.

Впрочем, некоторые лингвисты полагают, что просодия (интонация) сама по себе является знаком. С. С. Хромов придерживается именно такой точки зрения, приводя следующие аргументы: 1) в русском языке существуют фразеологизмы, для которых интонационное оформление играет главную роль (*Вот тебе на!*); 2) иногда реплики в диалоге не содержат вербального компонента, вместо этого используются графические символы, отражающие интонацию (– ???; – !!!); 3) в языке существует междометная лексика, функционирование которой полностью зависит от используемой интонации, а

выражение значений с помощью сегментных средств в таких случаях отсутствует;

4) некоторые значения в русском языке передаются только интонационно, например, значение вопросительности в высказываниях типа *Директор пришел?*, где вербальный компонент не содержит никаких показателей данного значения [Хромов, 2014, с. 109].

Как представляется, и сегментные фонетические средства, и компоненты интонации в совокупности образуют собой некую форму, которая может передавать то или иное содержание в зависимости от контекста и выполнять смысловозначительную функцию. Более того, как отмечалось ранее, и такое просодическое средство, как паузация, вносит вклад в выражение разных элементов смысла.

На основании вышеизложенного в настоящей работе высказывание и / или его значимые части рассматриваются как языковые знаки, причем фразовая просодия (наряду с линейными единицами) **квалифицируется как их означающее¹**.

Итак, в предпринятом исследовании просодическому компоненту речи мы приписываем роль означающего, выражающего различные типы семантической, синтаксической и прагматической информации. При анализе конкретного материала мы, во-первых, ориентируемся на показания программы *Speech Analyzer*, во-вторых, соотносим информацию о движении тона в высказывании с информацией о движении тона в ИК, осуществляя процедуру отождествления интонационной структуры высказывания с определенной ИК, в-третьих, делаем вывод о смысле, выражаемом ИК. При необходимости мы анализируем не только тональные характеристики речи, но и другие элементы просодической структуры высказывания, например, паузы различной природы.

¹ Такой подход можно назвать нетипичным для лингвистической традиции, поскольку, во-первых, как уже было сказано, означающим чаще считают только сегментные фонетические единицы, из которых состоят знаки, а во-вторых, предложение (высказывание) характеризуется как составной знак или комбинация знаков, являющаяся периферийным объектом семиотической теории языка.

Выводы по главе 1

Анализ научной литературы, осуществленный в настоящей главе, демонстрирует, что в изучении просодии имеются существенные достижения. Сформировался достаточно большой круг теоретических вопросов, положенных в основу научного осмысления просодических явлений. Среди таких вопросов, например, соотношение просодии с другими компонентами языкового выражения, т.е. с грамматическим контекстом; функции, связанные со смыслоразличительным потенциалом интонационных средств; особенности участия просодии в коммуникации; интонация как специфическое средство выражения эмоций; проблема просодического членения звучащего текста. Кроме того, наметился ряд прикладных задач, таких как автоматический анализ и синтез речи, обучение интонированию, разработка методики исследования просодии и др.

Осмысление накопленного другими исследователями опыта позволяет сформулировать исходные принципы и подходы, положенные в основу анализа эмпирического материала в данной работе.

1) В диссертационном исследовании используется традиционная система ИК русского языка как наиболее отвечающая задачам работы, а также учитывается возможность варьирования ИК в условиях естественной коммуникации.

2) Тональные характеристики и длительность пауз определяются на основании результатов, отображенных программой автоматического анализа речи Speech Analyzer, позволяющей рассматривать фрагменты речи различной длины, описывать изменения частоты основного тона и временные характеристики отрезков.

3) В работе не используется фонетическая транскрипция как избыточная при исследовании суперсегментных фонетических единиц. Высказывания представлены в орфографической записи, пауза обозначена косой чертой. В

отдельных частях работы, посвященных паузам, в скобках указана их длительность, а обозначение в виде косой черты не используется.

2 Типы семантической информации, выражаемые просодией

Как уже отмечалось, семантика отражает соотношение знака с действительностью, а просодия как означающее способна выражать содержательные компоненты подобного рода. В данной главе мы проанализируем весь отобранный эмпирический материал на предмет выражения просодией семантической информации.

2.1 Просодия как источник информации о референциальном статусе местоимения *мы*²

Обратимся в первую очередь к текстам глубинных интервью, т.к. в речевых произведениях такого рода семантический аспект высказывания, как представляется, в меньшей степени испытывает на себе влияния коммуникативной ситуации, в которой находится говорящий: речь напрямую не связана с коммуникативной ситуацией, она содержит рассказ о событиях прошлого, рассуждения о настоящем и т.д.

В ходе исследования текстов двух глубинных интервью (обозначим говорящих с помощью инициалов М. С. и Д. Д.) удалось выявить интересную особенность семантики, связанную с референциальным статусом местоимения *мы*, занимающим позицию субъекта в предложении. Эту особенность маркируют просодические компоненты высказывания.

Семантика личного местоимения *мы* изучена в лингвистике довольно хорошо. В самом общем смысле это местоимение указывает на группу лиц, включающую в себя автора, а также группу, с которой автор высказывания себя отождествляет. Указывая на группу лиц, включающую в себя говорящего, местоимение *мы* реализует, в частности, значения «я + ты», «я + вы», «я + они». Кроме того, в текстах может встретиться авторское *мы*, употребляемое вместо *я*,

² Данный параграф написан с использованием материалов, ранее изложенных в статье [Бурова, 2022].

иногда, при выражении сочувствия, можно наблюдать употребление *мы* вместо *вы*, например, в речи врачей [Норман, 2002]. Все эти значения подробно описаны в научной литературе. Однако, как показал анализ, референциальный статус местоимения *мы* требует более детального изучения.

Мы проанализировали начальные фрагменты двух выбранных глубинных интервью. Длительность фрагментов составила 20 минут в том и в другом случае. В указанный промежуток М. С. рассказывает о себе до войны, о войне, об Иркутске, об органах государственной безопасности. Рассказ Д. Д. включает в себя следующие темы: о приезде в Иркутск после войны, об Иркутске в прошлом, о деятельности Д. Д. в Иркутске, об Иркутске в настоящем.

В рассказе М. С. местоимение *мы* в позиции субъекта используется довольно часто и в разнообразных контекстах. В ходе анализа просодической составляющей текста глубинного интервью нам удалось выявить различное интонационное оформление рассматриваемого местоимения. Наиболее характерными являются два совершенно различных способа оформления данного местоимения в тексте: 1) *мы* произносится без паузы, сливаясь с последующим текстом; 2) *мы* отделяется от последующего текста с помощью паузы.

Проиллюстрируем эти два типа употреблений примерами.

Вначале сопоставим два фрагмента, в одном из которых местоимение *мы* произносится без паузы, а в другом – с паузой.

(1) Жукову было приказано/ сибирскими дивизиями/ ликвидировать этот выступ который немцы захватили город Ельня и вклинились в нашу оборону/ вот мы здесь/ сибиряки...

На Рисунке 6 мы можем видеть осциллограмму и тонограмму сегмента, содержащего местоимение *мы*. Между курсорами находится рассматриваемое местоимение, после которого пауза программой не зафиксирована.

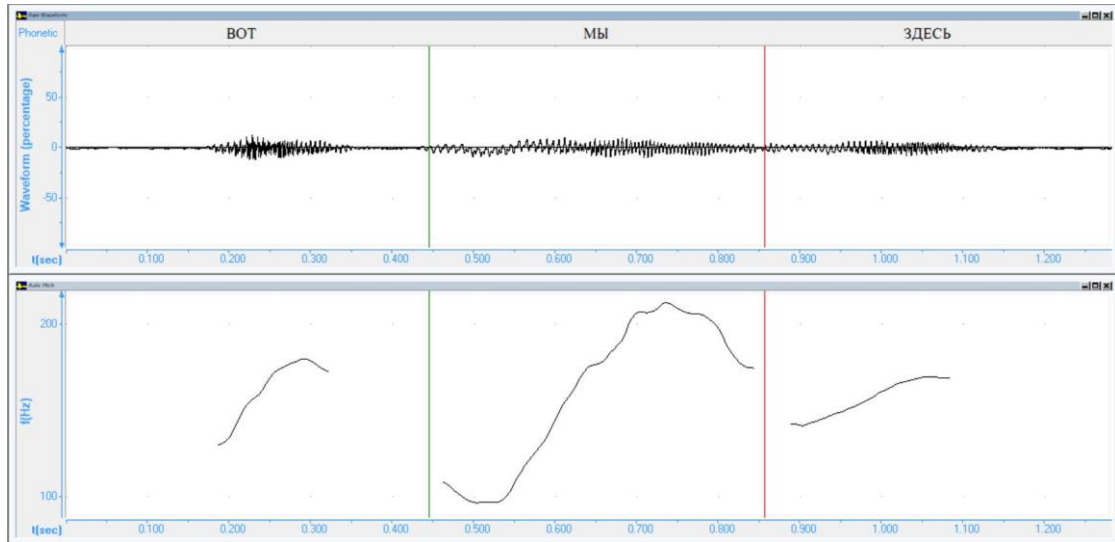

Рисунок 6 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (1)

(2) *Война началась/ двадцать второго/ двадцать пятого **мы**/ своей дивизией погрузились в эшелоны...*

На Рисунке 7, представленном ниже, можно увидеть, что местоимение *мы* отделяется от последующего контекста довольно длительной паузой. Между курсорами находится анализируемое местоимение, красным овалом обведен участок осциллограммы, отображающий паузу. Длительность паузы равна примерно 1 секунде.

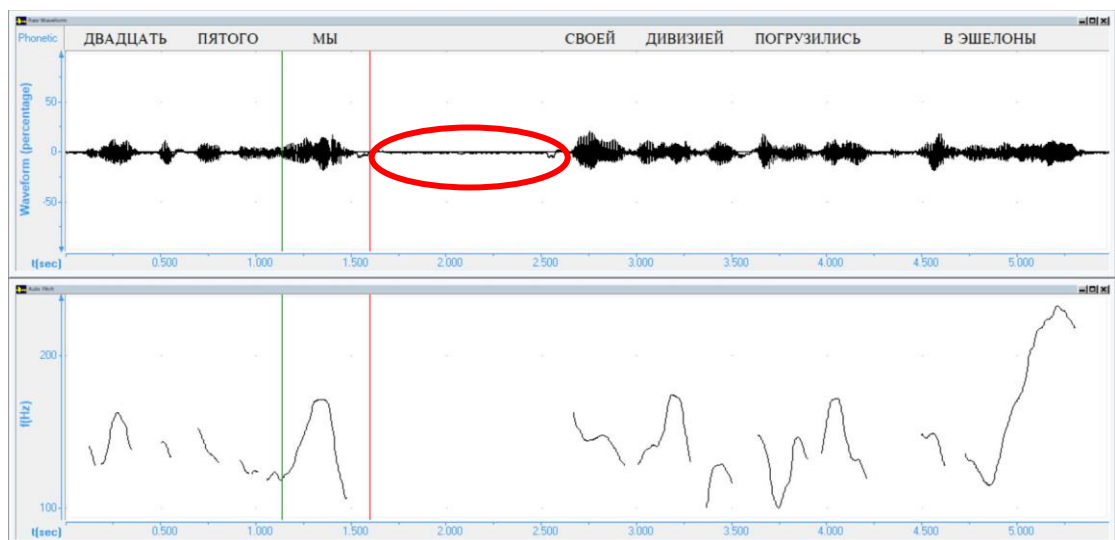

Рисунок 7 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (2)

Приведем еще два примера употреблений первого типа (без паузы).

(3) ***Мы** когда разведали эту деревню/ расположение// немецких войск там...*

На Рисунке 8 мы можем наблюдать, что после местоимения нет паузы.

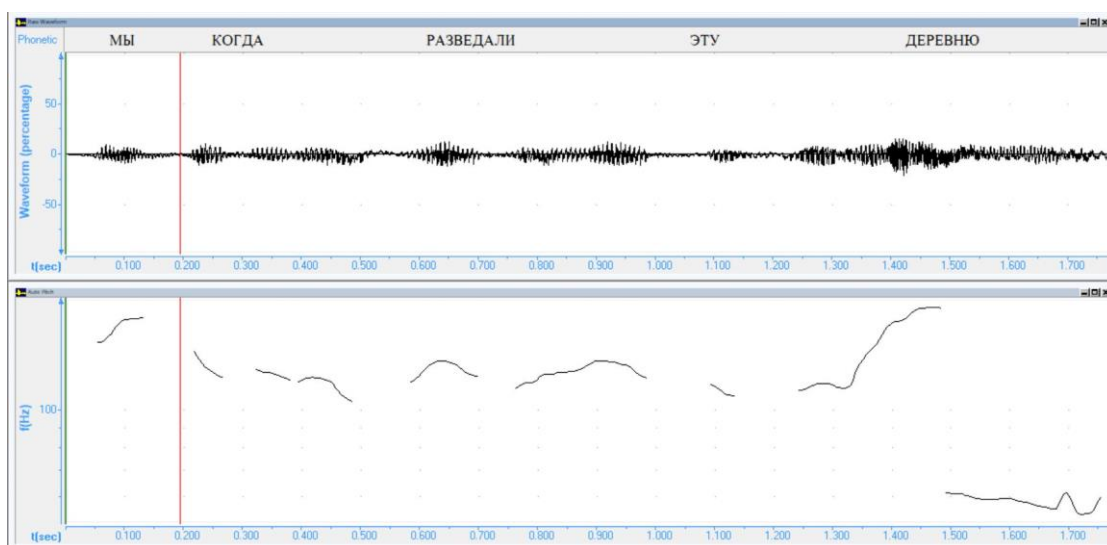

Рисунок 8 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (3)

(4) *Мы переходили линию фронта/ у меня пять взводов было...*

В данном примере *мы* также не выделяется говорящим в самостоятельный сегмент (Рисунок 9).

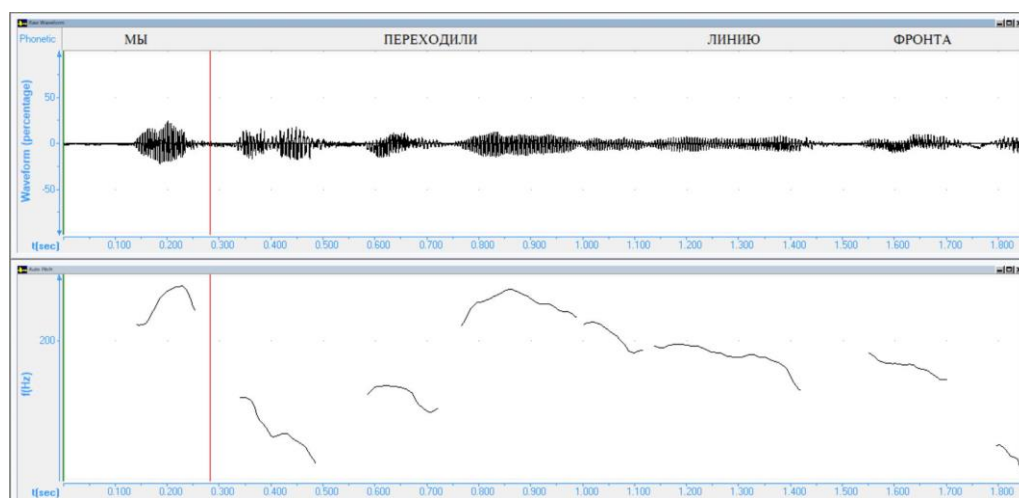

Рисунок 9 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (4)

Теперь рассмотрим высказывания, в которых местоимение отделяется от последующего текста с помощью паузы, тем самым формируя самостоятельный сегмент речи либо являясь завершающей частью более крупного сегмента.

(5) *И впервые/ в июле сорок первого года когда армия отходила/ мы/ перешли в контрнаступление...*

Программа Speech Analyzer показала, что пауза после местоимения *мы* в данном случае составляет около 1 секунды (Рисунок 10).

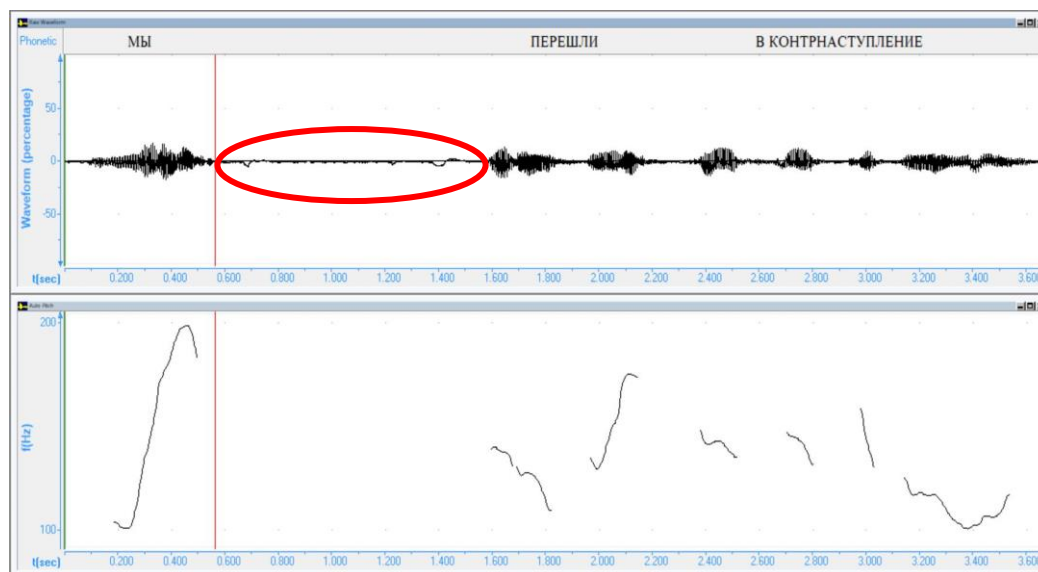

Рисунок 10 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (5)

(6) *Мы*/ освободили Ельню и продвигаться дальше...

Рисунок 11 показывает, что в приведенном примере пауза длится не так долго (около 0,5 секунды), однако продолжительность ее всё же значительна.

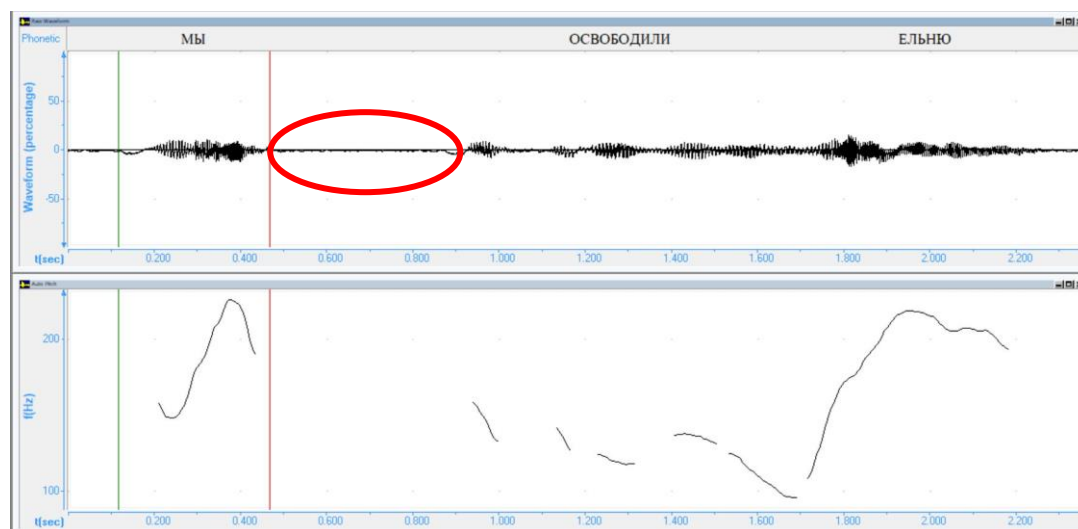

Рисунок 11 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (6)

На наш взгляд, причины такого различного просодического оформления местоимения *мы* связаны с содержанием высказывания. В случаях когда речь идет о не столь значительных с исторической точки зрения событиях, происходивших или произошедших с говорящим, местоимение *мы* никак не

акцентируется с помощью просодии. А в высказываниях, в которых говорящий сообщает о значимых исторических событиях, являющихся фактами групповой памяти, местоимение *мы* отделяется от последующего контекста с помощью паузы. Кроме того, такое просодическое выделение местоимения свидетельствует о его особой эмоциональной окрашенности, что зафиксировано в аудиозаписи.

По утверждению некоторых исследователей, местоимение *мы* выступает в двух типах употребления: референтном и нереферентном. Первый тип употребления характеризуется дейктической функцией, т.е. местоимение *мы* указывает на определенное множество объектов, включая говорящего, а второй – скорее номинативной, т.е. местоимение *мы* в таком случае называет неопределенное множество объектов, целый коллектив [Гранева, 2008]. Можно предположить, что в исследуемом нами тексте глубинного интервью в контекстах, где *мы* выделяется с помощью паузы и получает эмоциональную окраску, употребление данного местоимения приближается к нереферентному.

Интересно, что просодически маркированное *мы* встречается у М. С. почти исключительно в рассказе о войне. Исследователи отмечают, что обычно рассказы пожилых людей о войне содержат, наряду с личными переживаниями, общеизвестные, значимые факты. Воспоминание о событии, как правило, включает в себя само событие и воспоминание о том, как его вспоминали. Сильные переживания, связанные с войной, часто проявляются в рассказах как стандартные воспоминания, так, как будто все участники войны в какой-то период пережили одно и то же [Вельцер, 2005]. Для передачи идеи коллективности рассказчик вынужден использовать местоимение *мы*.

В интервью с М. С. *мы* в позиции субъекта, выделенное с помощью паузы, встречается вне рассказа о войне лишь однажды. И здесь мы также можем наблюдать скорее нереферентное его употребление.

(7) *Мы/ следовали/ все работники/ органов следовали заповеди нашего первого чекиста Феликса Эдмундовича Дзержинского.*

Пауза после местоимения длится 0,6 секунды, т.е. она достаточно продолжительна. Свидетельством в пользу квалификации данного употребления как нереферентного служит квантор всеобщности *все*, употребленный в том же контексте.

Нужно подчеркнуть, что пауза после *мы* не всегда просодически маркирует это местоимение. Например, если *мы* завершает синтаксическую конструкцию, то постановка паузы после него является вполне закономерной.

(8) В двадцать восьмом году родители мои/ с семьей мы/ переехали в Красноярский край.

Как видно, местоимение в данном случае завершает вставную конструкцию, с двух сторон выделенную паузами. Пауза после местоимения *мы* длится 0,4 секунды.

В речи другого интервьюируемого, Д. Д., просодически маркированное *мы* в позиции субъекта не встречается, как нет у него и рассказа о войне (такая тема не обнаруживается в интервью). Пауза после местоимения *мы* наблюдается один раз, однако лишь потому, что *мы* является завершающим элементом синтаксической конструкции (придаточного предложения).

(9) В то время когда приехали мы/ впечатление было не очень.

Пауза после местоимения длится 0,3 секунды.

Проведенный нами анализ показал, что местоимение *мы* в позиции субъекта оформляется в речи одного из говорящих разными просодическими средствами, что, на наш взгляд, неслучайно и может свидетельствовать о различных референциальных статусах слова. Таким образом, можно считать, что просодический компонент в данном случае играет роль источника информации о референциальном статусе местоимения.

Заметим также, что в неосновном материале (в текстах других глубинных интервью) не встречается развернутого повествования о войне, как и, впрочем, в интервью с Д. Д. Нарратив в них чаще содержит воспоминания, основанные на

личном опыте, рассказ о себе, а не отражение коллективной памяти. Приведем несколько примеров.

- *Ну мы сразу шли в театр музыкальной комедии.*
- *Мы взяли с собой дрова.*
- *Мы с ней (с правнучкой – Е. Б.) очень дружим.*

Здесь речь идет о конкретных лицах, событиях и фактах, а график (Рисунки 12-14) не фиксирует паузу после местоимения *мы*.

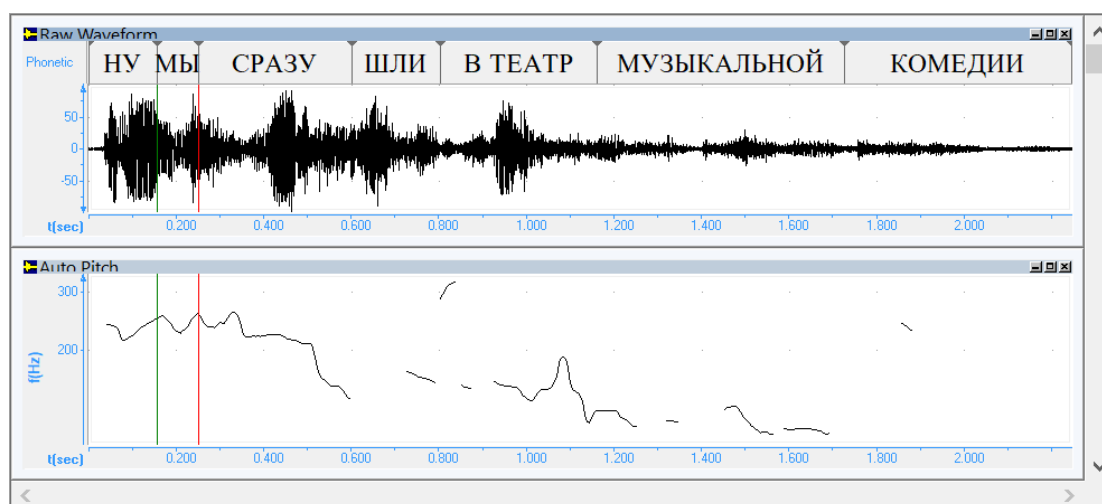

Рисунок 12 – Осциллограмма и тонограмма высказывания *Ну мы сразу шли в театр музыкальной комедии*

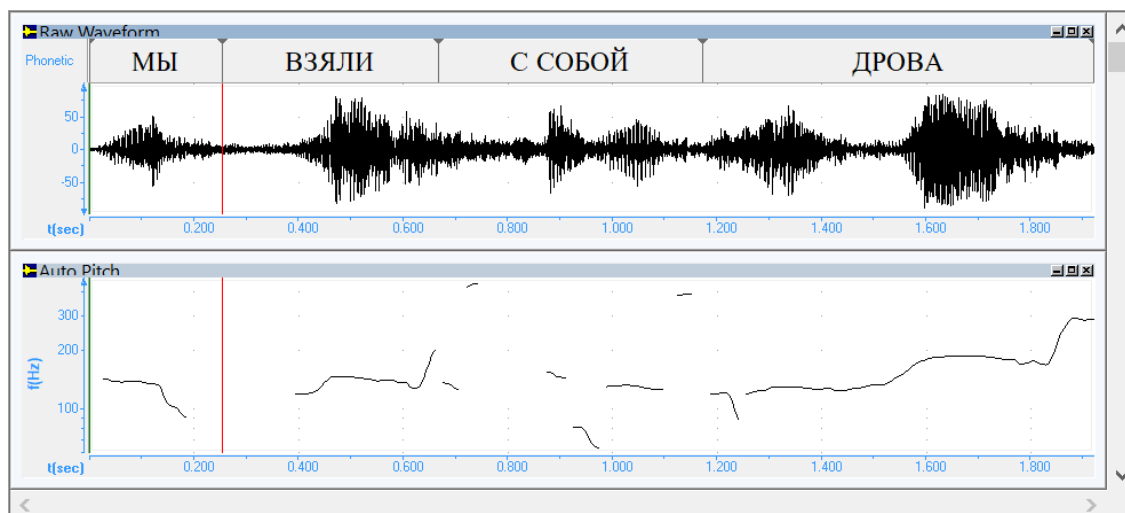

Рисунок 13 – Осциллограмма и тонограмма высказывания *Мы взяли с собой дрова*

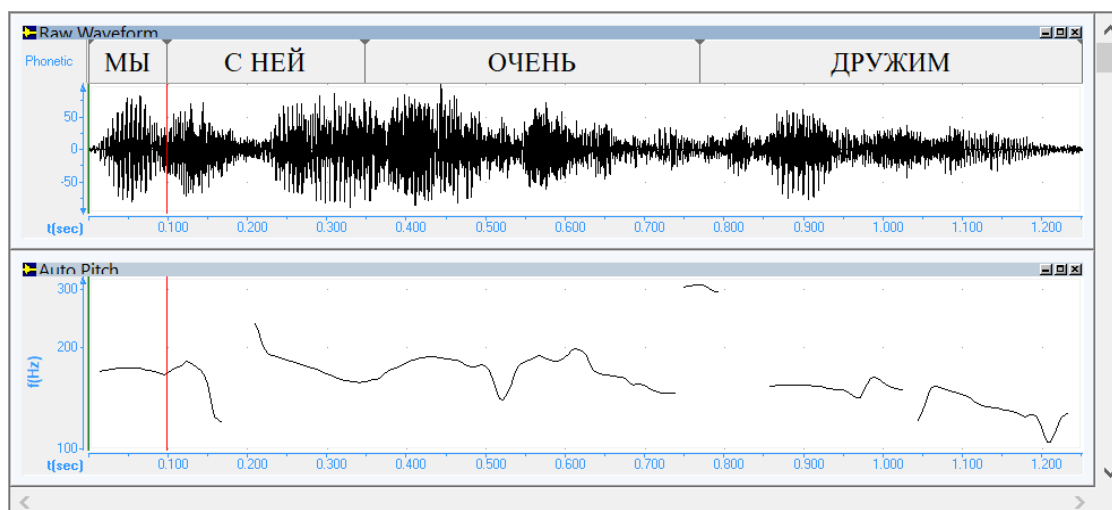

Рисунок 14 – Осциллограмма и тонограмма высказывания *Мы с ней очень дружим*

Таким образом, в имеющихся в нашем распоряжении текстах глубинных интервью не встречается просодически выделенное *мы*, которое в интервью с М. С. квалифицируется нами как нереферентное.

2.2 Соотношение вербального и просодического компонентов устной речи: роль интонации в формировании содержательной стороны высказывания³

В данной части работы анализируются материалы иного характера. Они были предоставлены следственными органами и представляют собой диалог, в котором один из собеседников, Горшков (фамилия изменена – *Е. Б.*), нанимает второго (в стенограммах, предоставленных следователем, обозначен как Мужчина) в качестве киллера. Отметим, что заказчик (Горшков) хочет представить убийство как несчастный случай. Для того чтобы потенциальный киллер это понял, Горшков пользуется глаголом *обставиться* и существительным *обстава*, указывающими на его стремление выдать одно за другое. При этом Горшков ни разу не использует слова, прямо называющие то действие, которое необходимо выполнить (например, *убийство, убить*).

³ Данный параграф написан с использованием материалов, ранее изложенных в статье [Бурова, 2019а].

Как упоминалось ранее, данный диалог исследовался в рамках лингвистической экспертизы, в ходе которой была подробно проанализирована вербальная составляющая предоставленных материалов.

Мы же в настоящей работе сосредоточимся на просодической стороне одного из имеющихся в распоряжении экспертов текста.

Изучение материала показало, что рассматриваемый диалог «содержит два типа высказываний: в одном из них вербальный и просодический компоненты согласуются, т.е. между ними наблюдается соответствие, во втором – находятся в некотором несоответствии, что, несомненно, влияет на интерпретацию смысла высказывания в целом. Оба типа высказываний обнаруживаются в репликах Горшкова, именно поэтому мы будем рассматривать их в качестве примеров» [Бурова, 2019а, с. 186].

Важно отметить, что при описании материала для каждого высказывания будет приводиться тонограмма и подробное описание представленного на ней тонального контура. Это обусловлено тем, что в спонтанной речи полностью тождественные в отношении движения тона высказывания не встречаются, и мы считаем необходимым в каждом из случаев объяснить наш выбор в пользу той или иной ИК.

Остановимся вначале на высказываниях, интонационная структура которых согласуется с лексической и грамматической структурой.

1. Такую согласованность мы можем увидеть в повествовательных предложениях, содержащих сообщение об объектах действительности и фактах, с акцентоносителем, оформленным с помощью ИК-1. Рассмотрим несколько таких примеров. Акцентоноситель в них выделен жирным шрифтом, некоторые высказывания состоят из двух сегментов (например, сложные предложения из двух частей) и поэтому имеют два акцентоносителя.

(1) Вот в этом квартале.

В приведенном примере график на Рисунке 15 отражает незначительное нисходящее движение тона на ударном слоге акцентоносителя, резких падений

тона программа на данном участке не фиксирует. Поэтому мы относим представленную интонационную структуру к ИК-1.

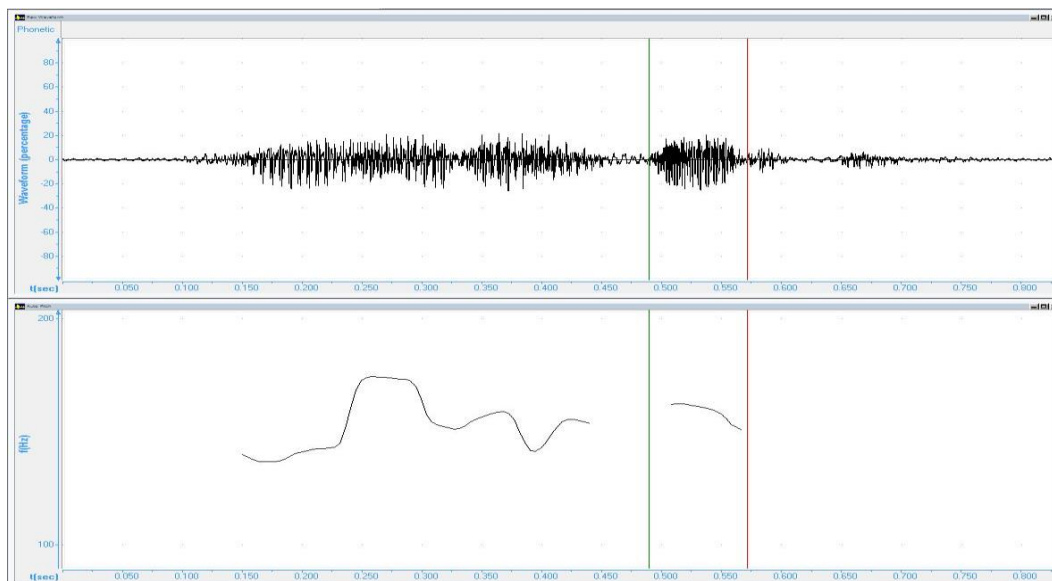

Рисунок 15 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (1)

(2) *Он прямо щас дома.*

В ударном слоге акцентоносителя, согласно графику, изображенному на Рисунке 16, происходит незначительное повышение тона и последующее его понижение, что позволяет в контексте иллюстрации сообщения отождествить такую интонацию с ИК-1.

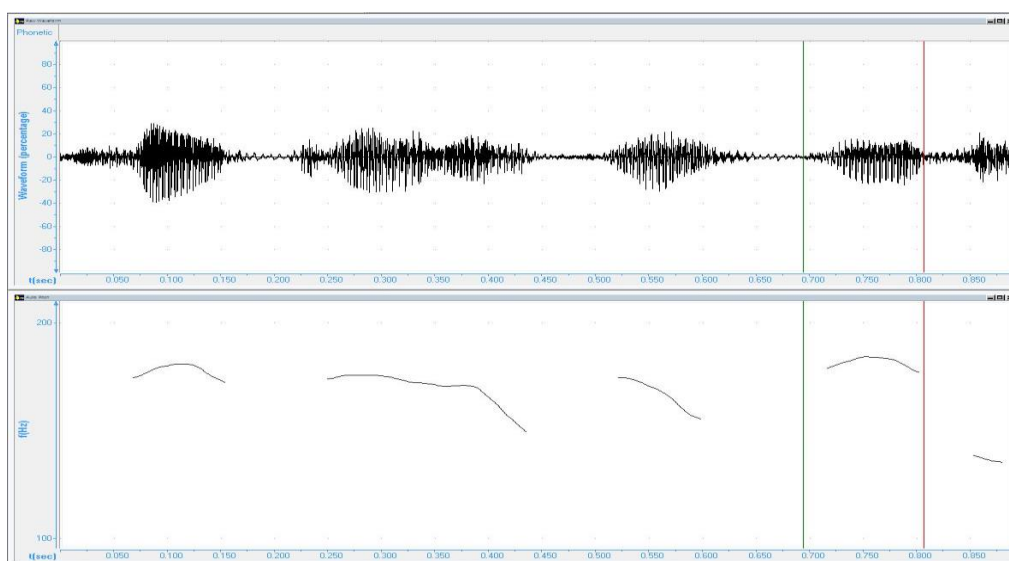

Рисунок 16 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (2)

(3) *Машина стоит.*

График на Рисунке 17 отражает в данном случае практически ровный тон в ударном слоге и небольшое понижение в конце. Такое движение тона сходно с движением тона в предыдущем высказывании. Поэтому мы отождествляем его с ИК-1.

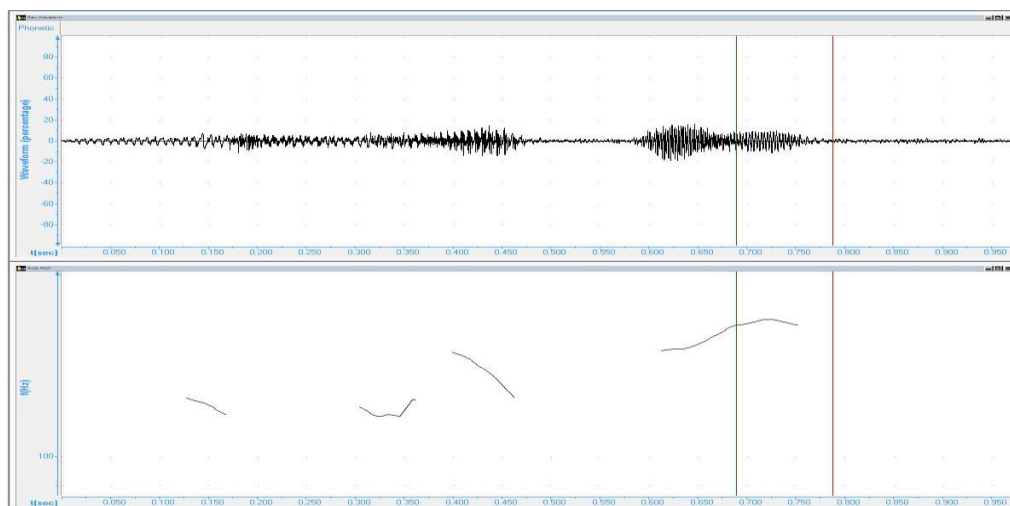

Рисунок 17 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (3)

(4) *Я тебе покажу трассу, куда он ходит на стоянку.*

Как было отмечено ранее, некоторые высказывания делятся на две части, которые необходимо рассматривать отдельно, т.к. каждая из них содержит свой акцентоноситель. На первом графике продемонстрирован отрезок *Я тебе покажу трассу*. Движение тона в ударном слоге акцентоносителя (т.е. в центре) к концу слога становится нисходящим, но остается практически в рамках предцентра (Рисунок 18). На втором графике изображена тональная структура отрезка *куда он ходит на стоянку*. Здесь также наблюдается нисходящее движение тона на ударном слоге акцентоносителя, остающееся, однако, примерно в рамках предцентра (Рисунок 19). Резких скачков тона в данном сегменте не наблюдается. Согласно вышесказанному, в обеих частях представлена ИК-1.

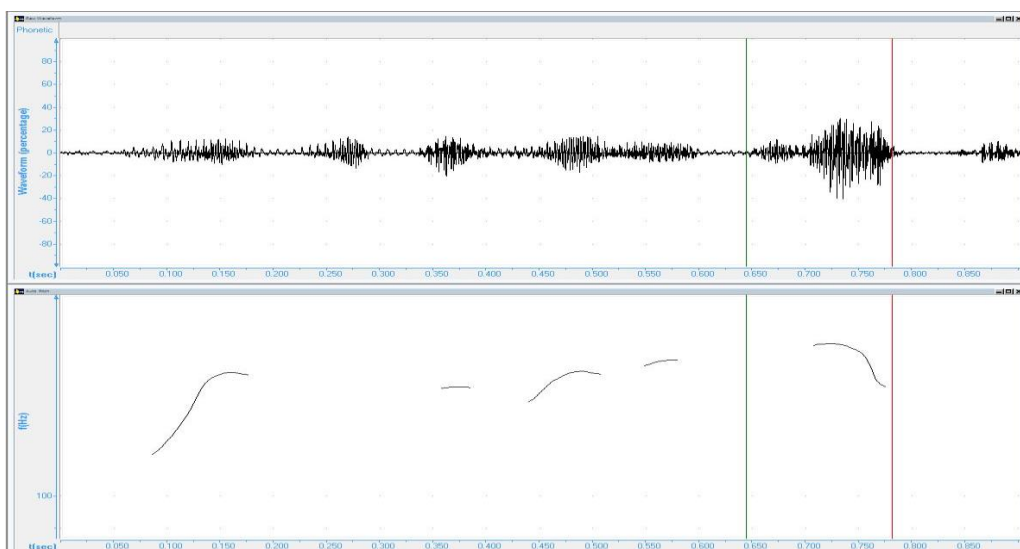

Рисунок 18 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (4):
акцентоноситель *трассу*

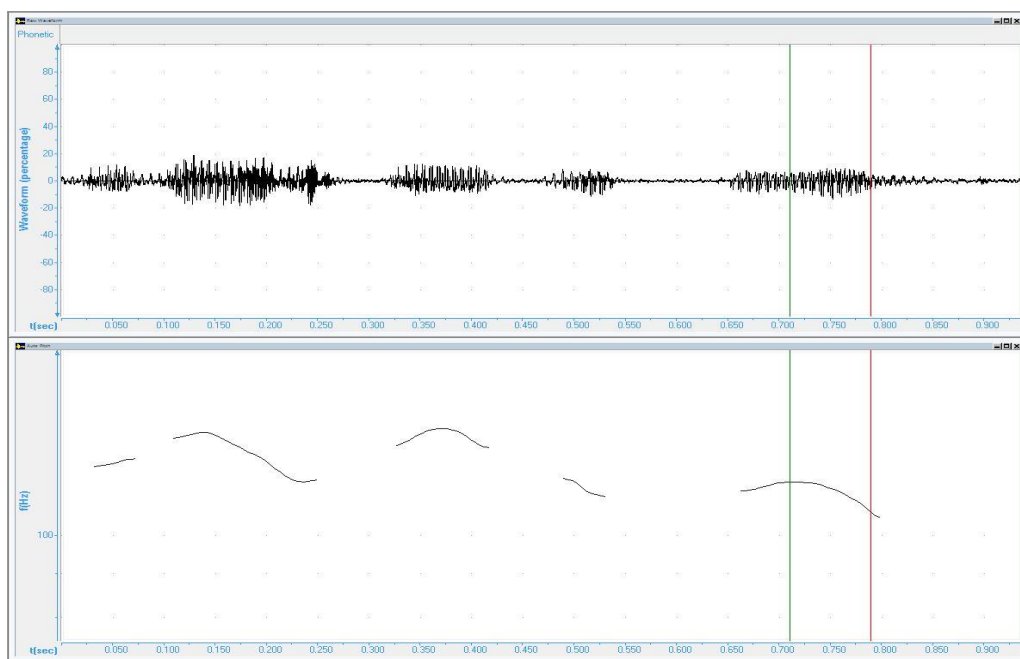

Рисунок 19 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (4):
акцентоноситель *стоянку*

(5) *В соседнем квартале.*

В данном высказывании, как и в предыдущем, наблюдается нерезкое понижение тона в центре, не выходящее в значительной степени за рамки предцентра (Рисунок 20), что позволяет нам отождествить движение тона в данном случае с ИК-1.

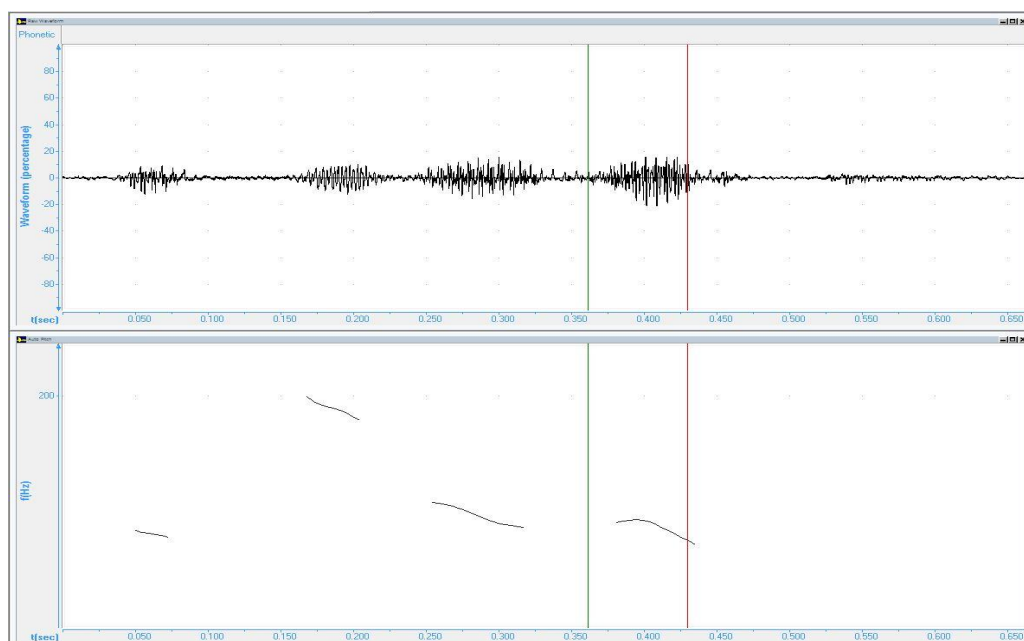

Рисунок 20 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (5)

(6) *Ценности* все как бы можешь себе *оставлять*.

Горшков делает акцент в данном высказывании на двух словах – *ценности* и *оставлять*. На первом графике (Рисунок 21) выделено движение тона в ударном слоге слова *ценности*. Как можно заметить, движение тона в ударном слоге восходяще-нисходящее. Однако подъем здесь только компенсирует отсутствие предцентра, значимым же является последующее движение тона вниз. Тон опускается незначительно, поэтому мы снова имеем дело с ИК-1. На втором графике (Рисунок 22) между курсорами находится тональная кривая ударного слога слова *оставлять*. Мы наблюдаем небольшой подъем тона на согласных звуках слога и движение тона вниз на гласном. Тон в ударном слоге не опускается ниже уровня тона предцентра, следовательно, перед нами, скорее всего, ИК-1.

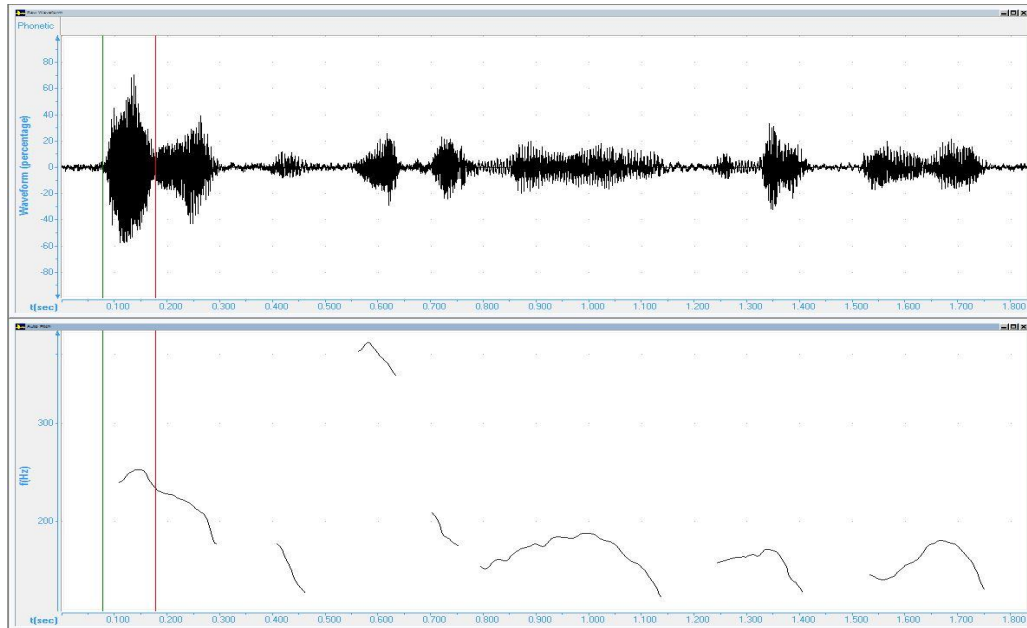

Рисунок 21 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (6):
акцентоноситель *ценности*

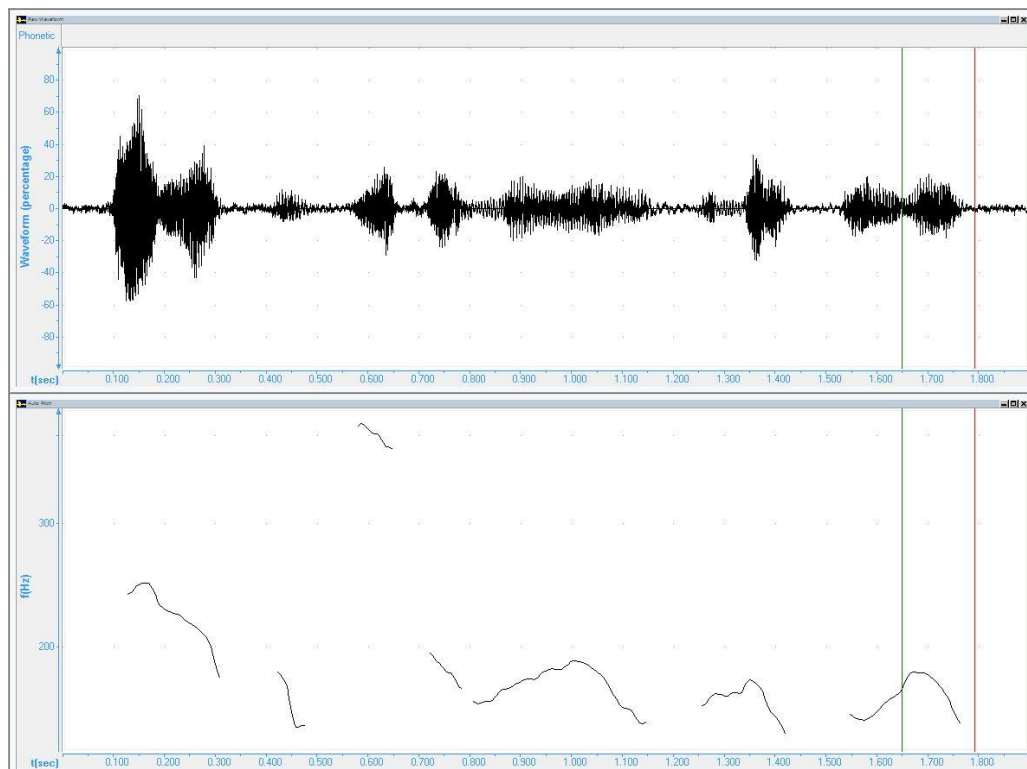

Рисунок 22 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (4):
акцентоноситель *оставлять*

2. Соответствие между вербальным и просодическим компонентом присутствует в общих вопросах, требующих ответа «да» или «нет». Такие

вопросы в диалоге оформляются типично, с помощью ИК-3. Тон на ударном слоге акцентоносителя в данном случае повышается.

(7) *Понял, да?*

На графике, изображенном на Рисунке 23, можно наблюдать повышение тона, которое регулярно встречается в общих вопросах, являясь стандартным средством их оформления. Описываемая интонационная структура относится к классу ИК-3.

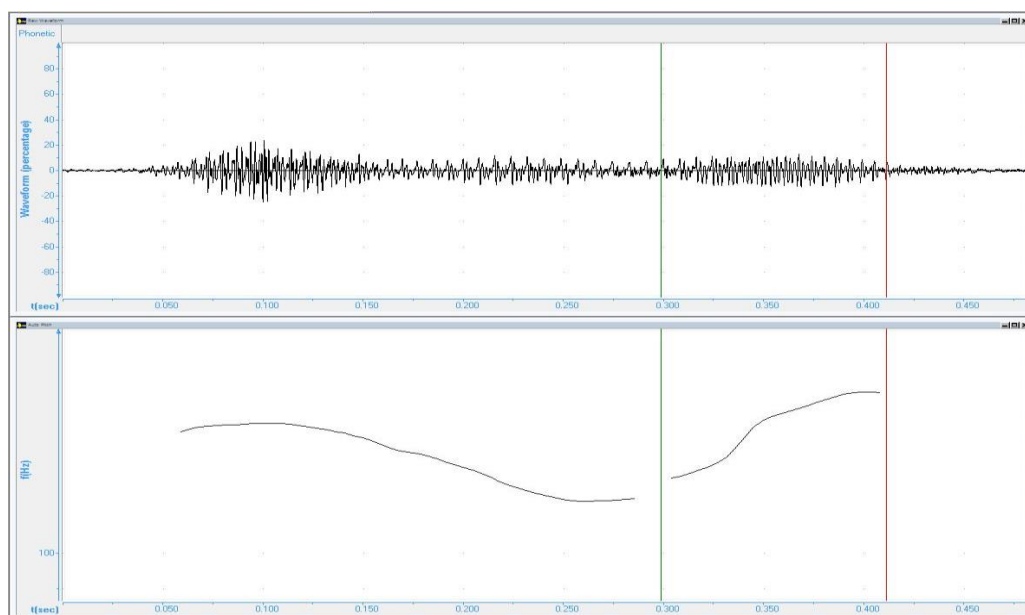

Рисунок 23 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (7)

(8) *Ты город хорошо знаешь?*

В ударном слоге акцентоносителя, как показывает график на Рисунке 24, происходит небольшое повышение тона вначале с небольшим понижением в конце. Отнести такую тональную структуру к ИК-3 заставляет, во-первых, иллокуция вопроса, а во-вторых, резкий скачок тона после предцентра и произнесение ударного слога на заметно более высокой частоте.

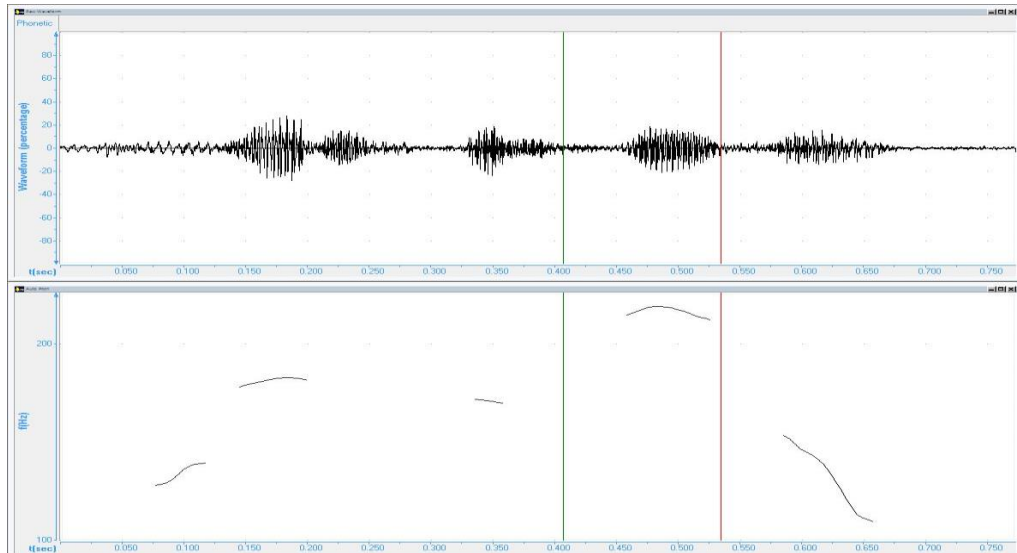

Рисунок 24 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (8)

(9) Вот это вот всё запомнишь, да?

В данном примере, изображенном на Рисунке 25, мы снова сталкиваемся с восходяще-нисходящим движением тона в центре, однако в контексте иллокуции вопроса для нас наиболее важным при отождествлении интонационной структуры с ИК-3 является наличие тонального подъема вначале, нежели понижение, происходящее в меньшем диапазоне частот.

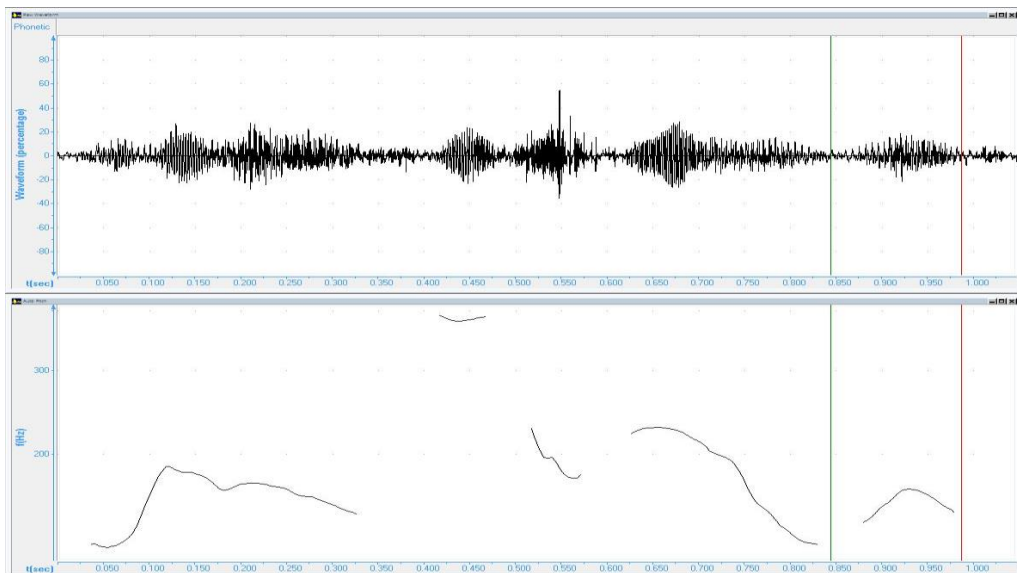

Рисунок 25 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (9)

(10) Вот его окошки, третий этаж, видишь?

На графике отображено восходящее движение тона в ударном слоге акцентоносителя (Рисунок 26), поэтому мы относим этот тональный контур в контексте вопросительного предложения к ИК-3.

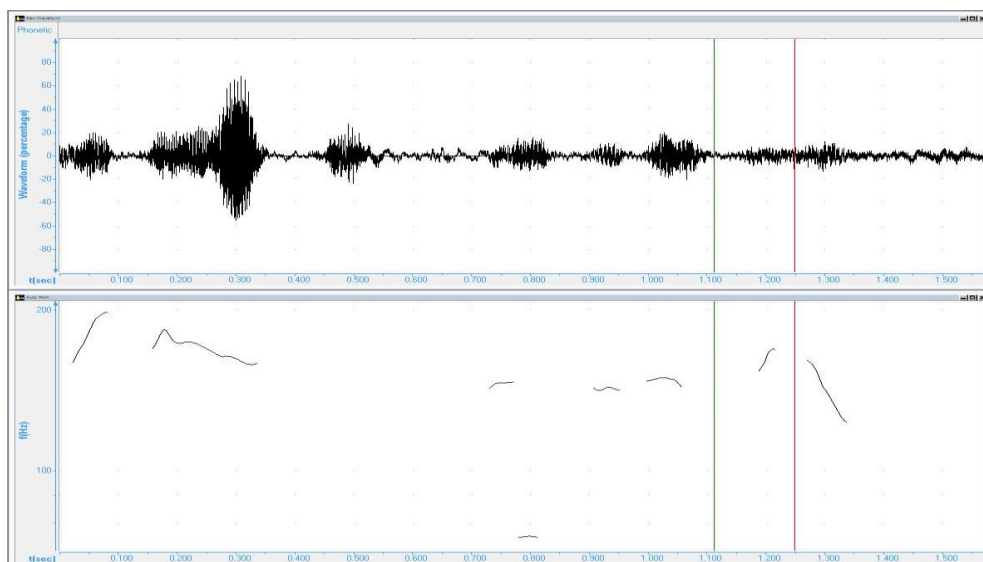

Рисунок 26 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (10)

3. Вербальный и интонационный компоненты согласуются (соответствуют друг другу) в конструкциях волеизъявления, которые оформляются в тексте с помощью ИК-2, что позволяет отнести их к категории требований, т.е. таких побудительных высказываний, в которых проявляется категоричность. На вербальном уровне волеизъявительная интенция может выражаться грамматически. Грамматическим средством выражения волеизъявления (требования) является форма повелительного наклонения. Рассмотрим несколько примеров, содержащих императив.

(11) Ну то есть как бы **подумай** как.

В данном примере наблюдается заметное, резкое падение тона в центре и последующее понижение тона в постцентре, уровень постцентра ниже уровня предцентра, ударный слог начинается на частоте, более высокой, чем частота предцентра (Рисунок 27). Все перечисленные характеристики типичны для ИК-2.

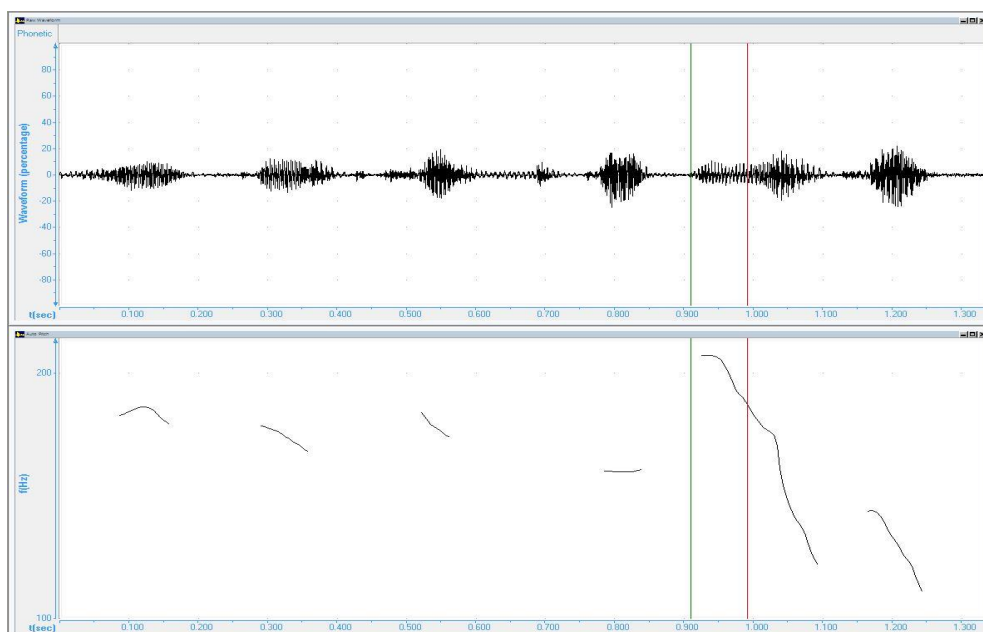

Рисунок 27 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (11)

(12) Два-три дня дай.

Здесь мы имеем дело с менее типичным случаем ИК-2. Между тем тон в предцентре ниже, чем тон в центре, в центре происходит нисходящее движение тона, правда, не такое резкое, как в предыдущем примере, а постцентр отсутствует (Рисунок 28). При отнесении рассматриваемой интонационной структуры к ИК-2 мы руководствовались противопоставлением восходящей и нисходящей интонации в предложениях с императивом. Восходящая интонация характерна для выражения просьбы, а нисходящая – для выражения требования. Просьбы оформляются с помощью ИК-3, а требования – с помощью ИК-2. В нашем примере мы видим нисходящую интонацию, поэтому относим данное высказывание к категории требований, а интонацию в ударном слого акцентоносителя (формы повелительного наклонения) отождествляем с ИК-2.

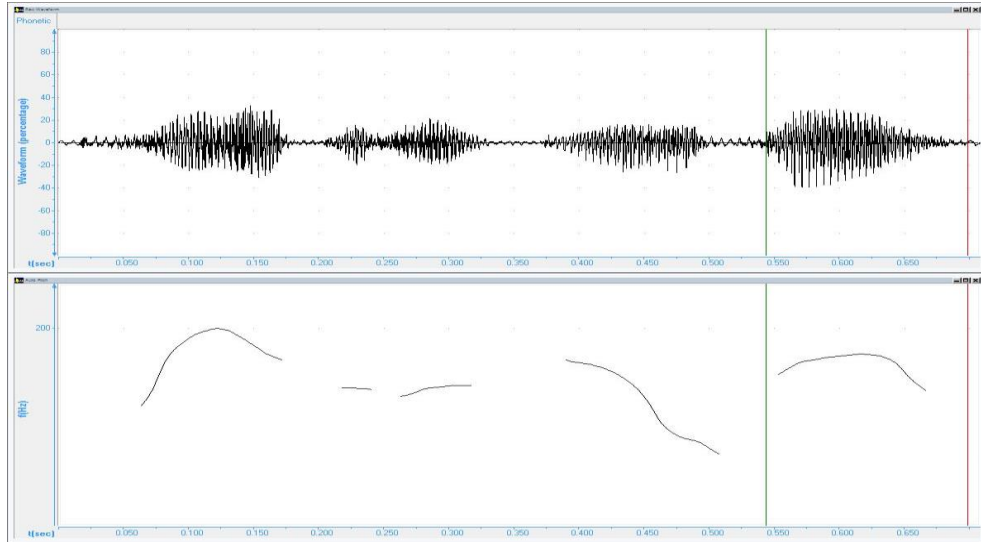

Рисунок 28 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (12)

(13) *Главно, че-нибудь забери.*

На Рисунке 29, изображающем движение тона в приведенном выше примере, отображается типичное для ИК-2 резкое падение тона в ударном слоге акцентоносителя.

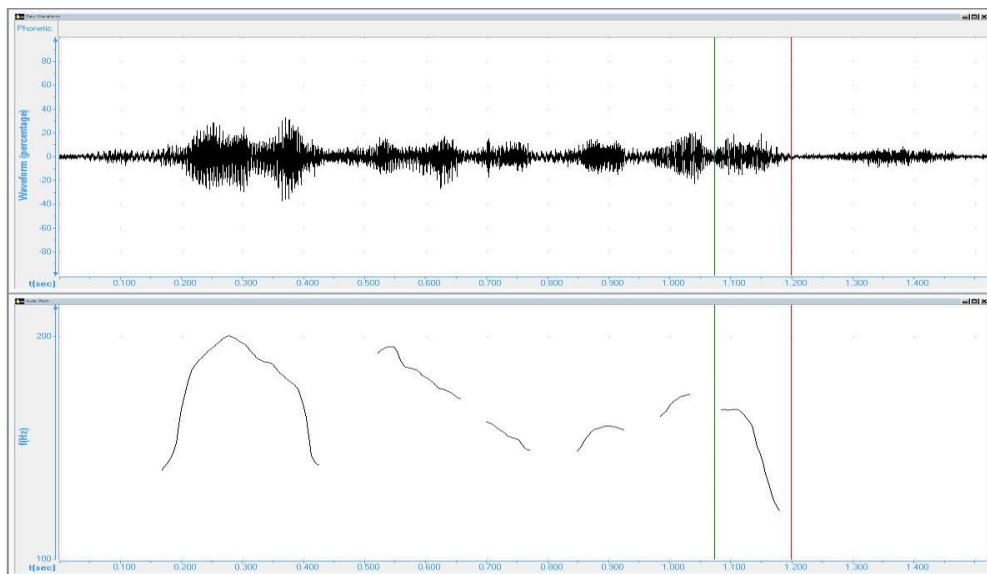

Рисунок 29 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (13)

(14) *Ну, самое главное, возьми че-то.*

График на Рисунке 30 показывает восходяще-нисходящее движение тона в ударном слоге формы *возьми*. Подъем тона происходит на согласных звуках, а на гласном уже происходит понижение. Тон в предцентре ниже уровня тона в центре, что характерно для ИК-2, постцентр на графике не отображается.

Нисходящая интонация на гласном центра и акцентированная форма повелительного наклонения позволяют усмотреть в данном высказывании наличие ИК-2.

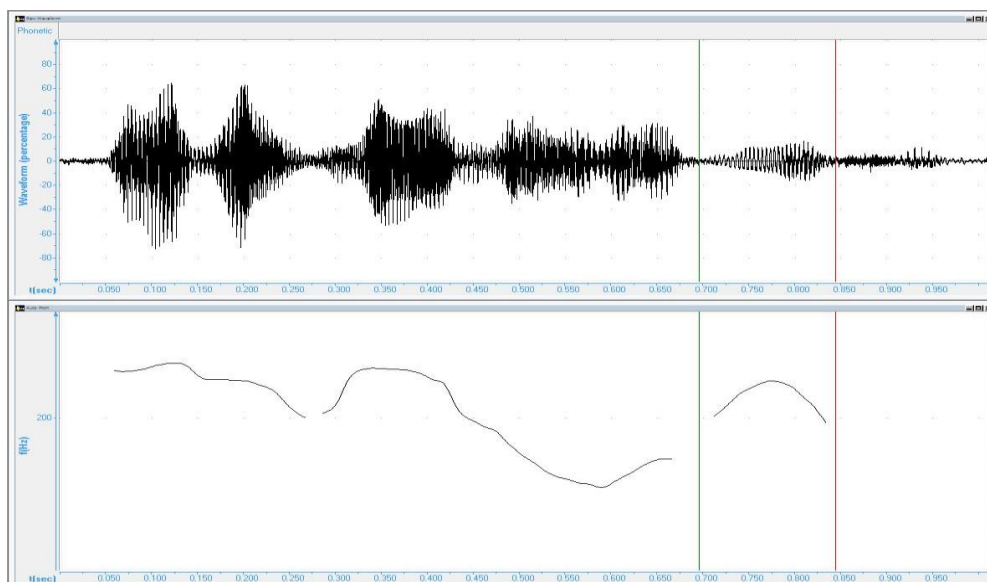

Рисунок 30 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (14)

Волеизъявительные высказывания, представленные в диалоге, могут и не содержать формы повелительного наклонения, а представлять собой конструкции с несемантическим союзом *чтобы*. На вербальном уровне такие структуры обнаруживают двойственность интерпретации, т.к. в них имплицирован элемент, указывающий на интенцию говорящего. Интенцией может быть желание (*Я хочу, чтобы...*), требование (*Я требую, чтобы... Надо, чтобы*) и т.д. Анализ интонации таких высказываний позволяет исключить двойственную интерпретацию. Обратимся к примерам.

(15) *Чтобы это было все наглядно.*

Как мы можем видеть на графике (Рисунок 31), программа зафиксировала падение тона в ударном слове акцентоносителя с последующим заметным понижением тона в постцентре, что является довольно типичным для ИК-2.

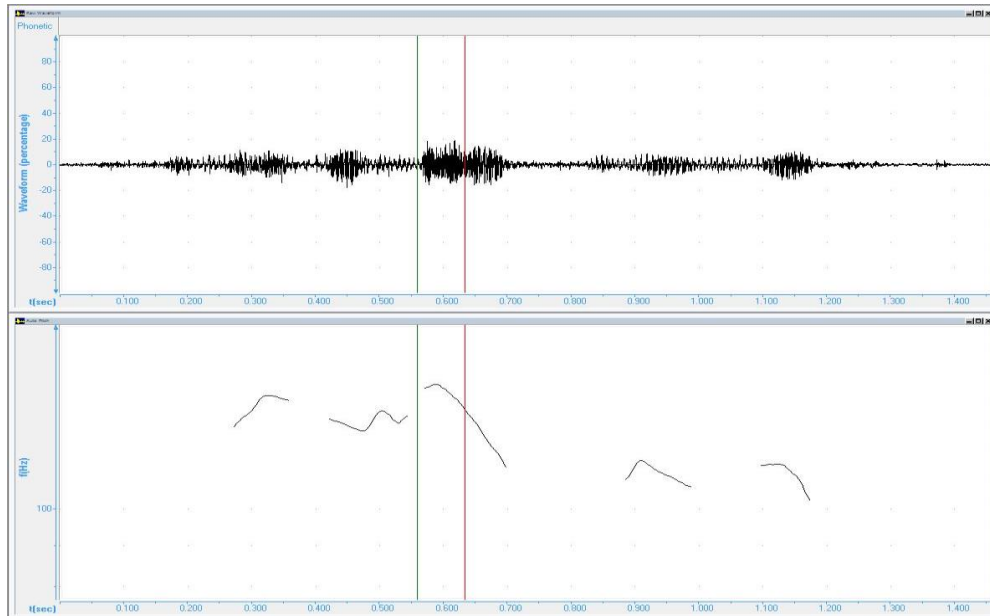

Рисунок 31 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (15)

Конструкция с союзом *чтобы* может употребляться для выражения желания, однако интонация свидетельствует о том, что в данном отрывке Горшков выражает не желание, а требование, оформляя сказанное с помощью ИК-2. Причем логическое ударение в данном высказывании падает на слово *было*, что подчеркивает особую важность для Горшкова самого факта осуществления собеседником определенных действий.

(16) *Чтобы все это **было** / наглядно.*

График, как можно убедиться, здесь также изображает нисходящий тон в центре с последующим понижением (Рисунок 32), что позволяет отнести эту структуру к ИК-2.

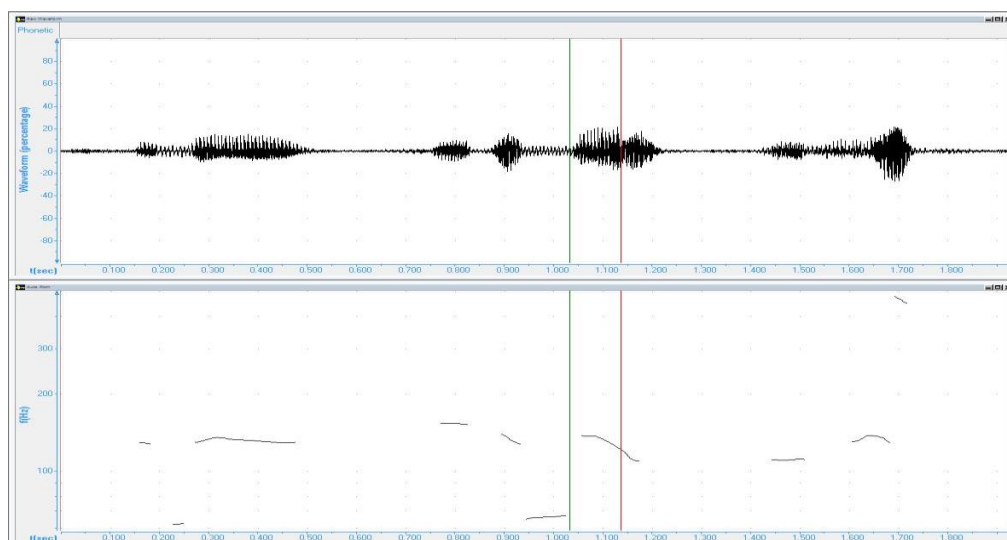

Рисунок 32 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (16)

В данном высказывании с помощью интонационных средств выражена та же идея, что и в предыдущем высказывании. Но также здесь присутствует требование выполнить все в соответствии с указанным сценарием (*наглядно*), слово *наглядно* отделено от остальной части высказывания достаточно длительной паузой. Это позволяет акцентировать внимание слушающего на этом слове.

(17) *А просто здесь надо **посмотреть**, чтобы **осталось**.*

Данное высказывание (предложение) состоит из двух частей, в обеих акцентоноситель произносится с интонацией, соответствующей ИК-2. Мы наблюдаем в первом случае резкое падение тона в центре, уровень тона предцентра ниже начального уровня тона центра, постцентр отсутствует (Рисунок 33). Во второй части происходит падение тона в центре с последующим понижением тона в постцентре (Рисунок 34). Такая интонация придает значение безальтернативной необходимости действия. На вербальном уровне необходимость выполнения действия обозначена словом *надо* ('необходимо, следует; нужно' [МАС]). Второй отрезок с несемантическим союзом *чтобы* вновь отражает не желание говорящего, а требование.

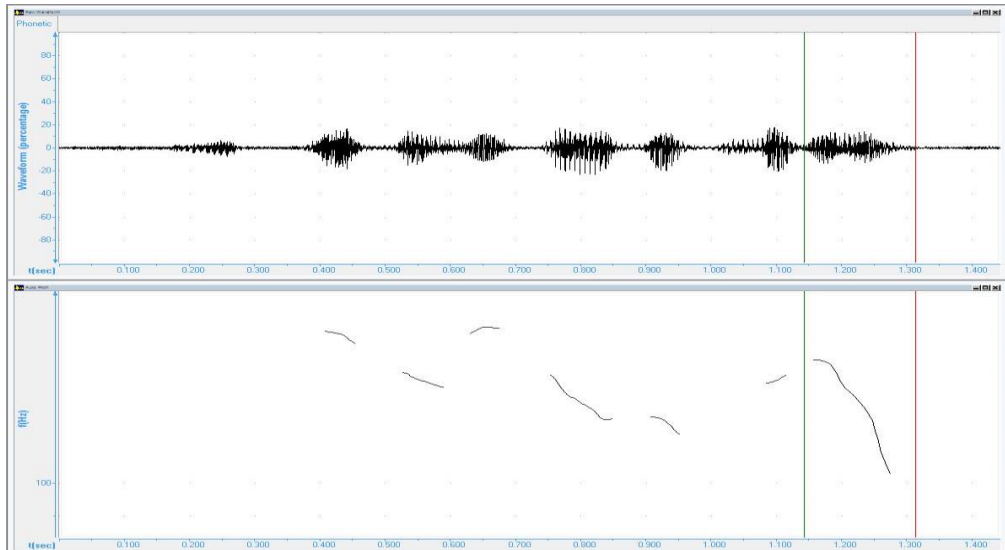

Рисунок 33 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (17):
акцентоноситель *посмотреть*

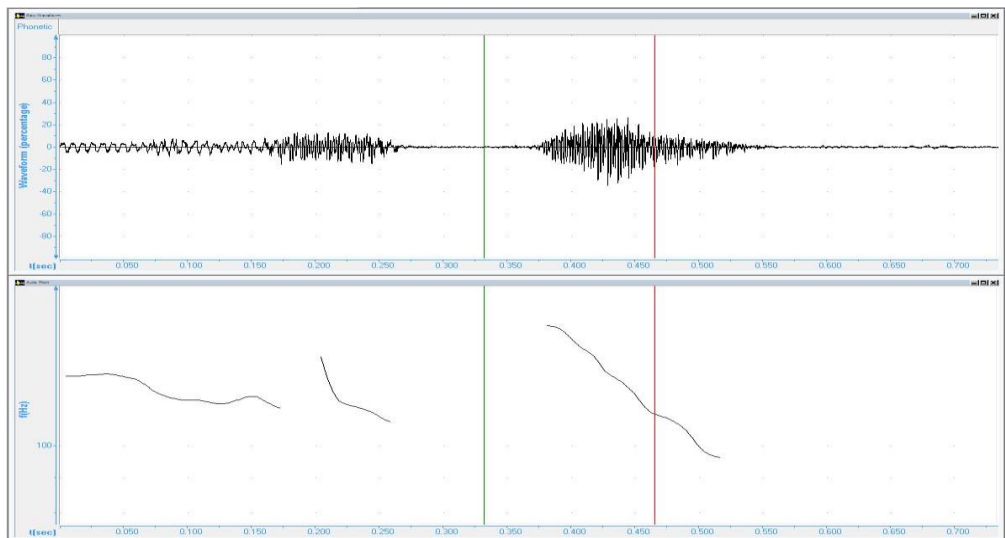

Рисунок 34 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (17):
акцентоноситель *осталось*

Следующий пример содержит целевой союз *чтобы* в сочетании с инфинитивом. Такая конструкция близка по смыслу конструкции волеизъявления:

(18) *То есть чтобы обставиться.*

На графике (Рисунок 35) представлена типичная для ИК-2 интонационная структура: тон в предцентре ниже начального тона в центре, в ударном слого происходит резкое падение тона, продолжающееся в постцентре, тон в постцентре ниже уровня тона в предцентре.

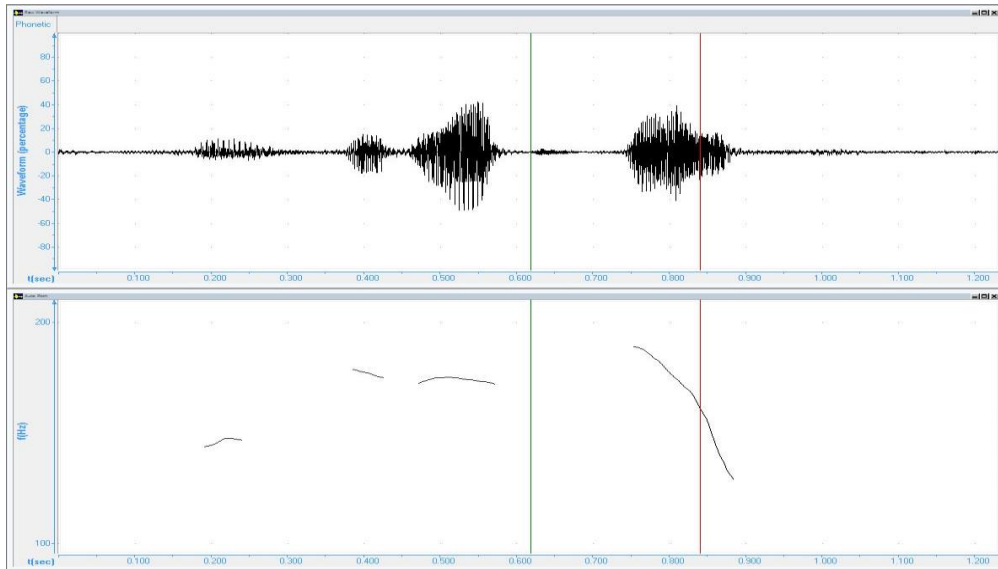

Рисунок 35 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (18)

В приведенном примере использован целевой союз *чтобы*, который указывает на то, что некоторое действие (*обставиться* – ‘выдать одно за другое, обмануть, запутать’) является конечной точкой, целью, результатом неких действий. В данном случае необходимые для достижения цели действия описаны в предыдущей реплике Горшкова: *Можешь даже взять, там че-то будет громоздкое – отошел, выбросил, а че-то надо – себе оставь*. Далее следует реплика *То есть чтобы обставиться*. Горшков просит украсть некоторые вещи, чтобы выдать обычное убийство за убийство с целью ограбления. Интонация требования здесь подчеркивает необходимость достижения цели (*обставиться*), а следовательно, необходимость совершения действий, которые приведут к указанному результату.

В некоторых высказываниях отсутствует союз *чтобы*, и функцию выражения волеизъявления выполняют другие средства:

(19) ***Шмутки** не надо, а вот именно там **барсетка**...*

Приведенное в пример предложение состоит из двух частей, говорящий, соответственно, делает акцент на двух словах. На первом графике (Рисунок 36) выделен ударный слог акцентоносителя в части *Шмутки не надо*. По причине отсутствия предцентра в ударном слоге вначале происходит повышение тона, затем тон снижается и продолжает значительно снижаться в постцентре. Поэтому

такую интонационную характеристику (при наличии слова *надо*) можно соотнести с ИК-2. На втором графике (Рисунок 37) выделен ударный слог акцентоносителя отрезка *а вот именно там барсетка*. Слово *барсетка* произносится здесь достаточно типично для ИК-2: мы видим падение тона в центре с последующим его падением в постцентре. В данном случае с помощью ИК-2 выражен категорический запрет брать одежду, вещи лица, о котором идет речь, и требование взять барсетку с документами. На вербальном уровне требование выражено лексическим средством (словом *надо*).

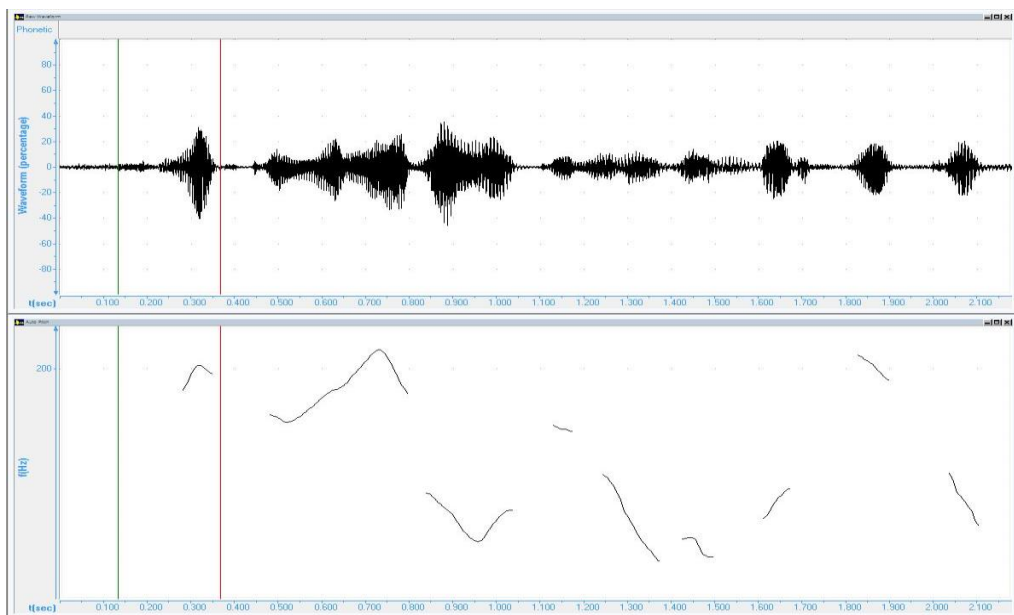

Рисунок 36 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (19):
акцентоноситель *имутки*

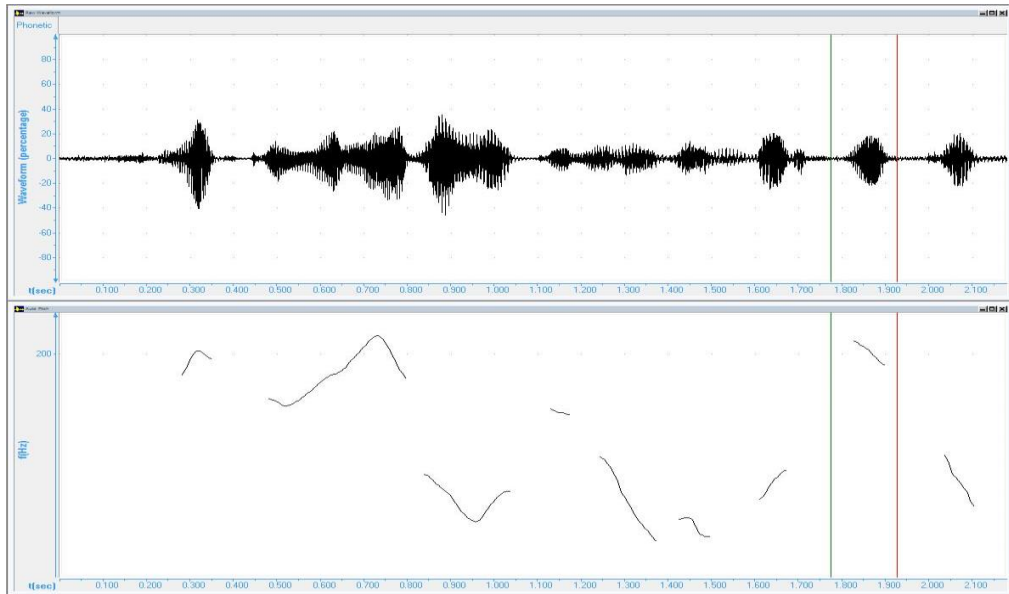

Рисунок 37 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (19):
акцентоноситель *барсетка*

«Сложнее интерпретировать высказывания, в которых просодический компонент по своей семантике не так очевидно соотносится с компонентом вербальным. Из такого неочевидного соотношения, по нашему мнению, возникает новая информация, извлечь которую можно в результате анализа обеих сторон высказывания. В рассматриваемом материале встречается несовпадение следующего характера: в высказывании отсутствует эксплицитное указание на выражение требования (императив, глагол *требовать*, слово *надо*, конструкция с союзом *чтобы*), но присутствует интонация требования.

Разберем подробно несколько примеров, которые представляют собой повествовательные предложения или их части, которые, на первый взгляд, употребляются с целью сообщения информации и стандартно должны быть оформлены с помощью ИК-1» [Бурова, 2019а, с. 188].

(20) *Щас вариантик вообще простой.*

Повествовательное предложение, которое чаще оформляется с помощью ИК-1, здесь оформлено с помощью ИК-2 (Рисунок 38). Наблюдается произнесение ударного слога слова *простой* на гораздо более низкой частоте, чем произнесение предшествующего слога (предцентра). В ударном слоге тон продолжает падать. ИК-2, как известно, означает, что говорящий предполагает

только один вариант (или несколько конкретных вариантов) развития событий, а слушающий должен выполнить нечто, т.к. он в состоянии это выполнить. Следовательно, ИК-2 отражает безапелляционность высказывания. В приведенном примере резкое падение тона в ударном слоге слова *простой* (1. ‘не сложный, не трудный, легко доступный для понимания, выполнения, управления и т. п.’ [МАС]) служит для подчеркивания идеи обязательного выполнения несложных действий. Легкость действий выражена с помощью лексического значения слова *простой* и с помощью слова с суффиксом субъективной оценки *вариантик*, усиливающим эффект. Таким образом, на вербальном уровне выражается информация о простоте действий, а просодия вносит в высказывание новую информацию и помогает слушающему понять, что действия не просто являются легкими, но они еще и обязательны для выполнения.

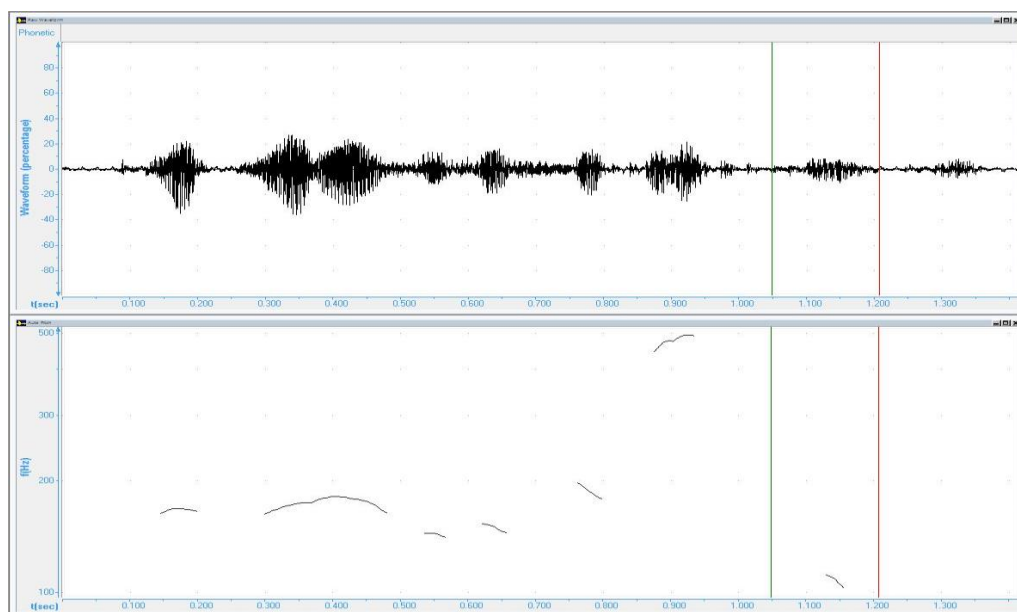

Рисунок 38 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (20)

(21) Там / шлепок такой, метр сорок.

Это высказывание, следующее в диалоге сразу за рассмотренным выше, на лексическом уровне поддерживает идею простоты и легкости. На это указывает упоминание о маленьком росте некоторого лица, выраженное в форме гиперболы (во втором диалоге сообщается, что его рост примерно метр шестьдесят), а также слово *шлепок*. В [АРГО] зафиксирован фразеологизм *шлепок майонезный* со

значением ‘дурак, простофиля’. В анализируемом примере, как кажется, слово *шлепок* имеет сходное значение. Говорящий хочет подчеркнуть, что с таким человеком будет легко справиться. На интонационном уровне снова выражается идея безальтернативности, обязательности выполнения чего-либо для говорящего, поддержанная ИК-2: на графике отражается падение тона на ударном слоге акцентоносителя и дальнейшее падение тона в постцентре (Рисунок 39). ИК-2, по всей видимости, выполняет в анализируемом примере функцию выражения требования осуществить некоторые действия в отношении названного лица.

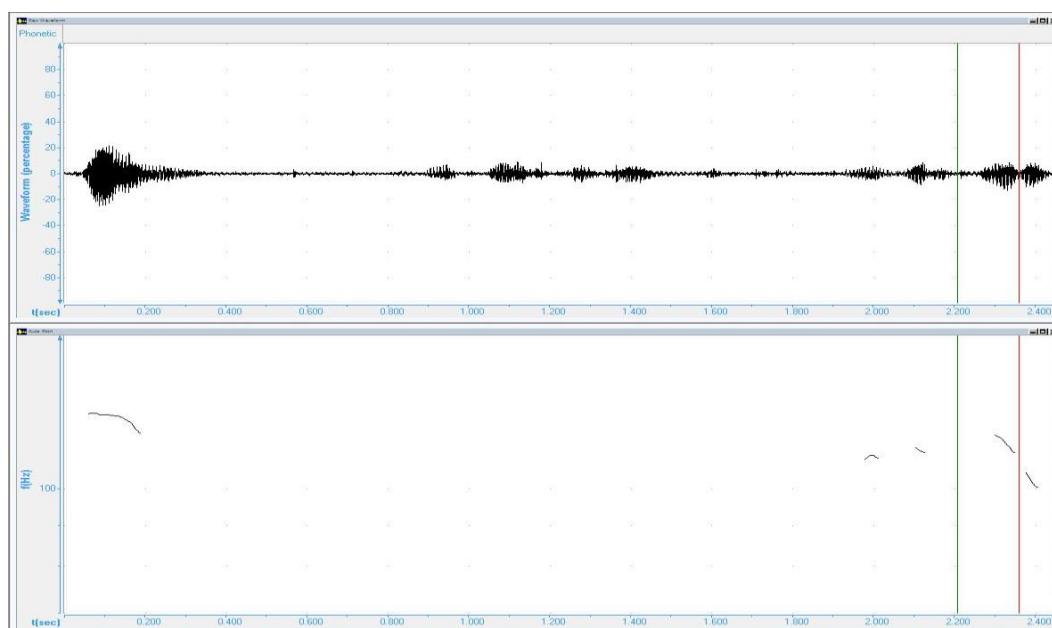

Рисунок 39 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (21)

(22) *Ну то есть упал, утонул.*

Высказыванию, представленному выше, в реплике предшествует фраза *Такая тема, как обстава под некриминал, возможна?* Отглагольное существительное *обстава* обозначает действие по глаголу *обставиться* (‘выдать одно за другое, обмануть, запутать’). Соответственно, *обстава под некриминал* – это представление криминальных действий как некриминальных. Горшков в этой реплике перечисляет варианты, которые кажутся ему приемлемыми при представлении совершенных с названным ранее лицом действий как некриминальных. Варианты обозначены глаголами *упасть* (*падать* – 1. ‘валиться на землю, устремляться сверху вниз под действием собственной тяжести,

перестав удерживаться где-л.’ [МАС]) и *утонуть* (*тонуть* – 1. ‘погружаться в воду, на дно, идти ко дну’ [МАС]), семантическая структура которых исключает субъекта-каузатора. Интонационная структура данных глагольных форм соответствует ИК-2. На первом графике (Рисунок 40) выделен ударный слог слова *упал*, на втором графике (Рисунок 41) между курсорами находится ударный слог слова *утонул* (Горшков делает акцент на оба слова). И в первом, и во втором случае заметно падение тона в ударном слоге, а тон предцентра ниже начального уровня тона центра, т.е. перед нами типичные для ИК-2 интонационные контуры. ИК-2 в таком контексте может маркировать выбор говорящим из некоего множества того, что наиболее удачно. Следовательно, варианты, перечисленные Горшковым (*упал*, *утонул*), судя по интонации высказывания, кажутся ему наилучшими.

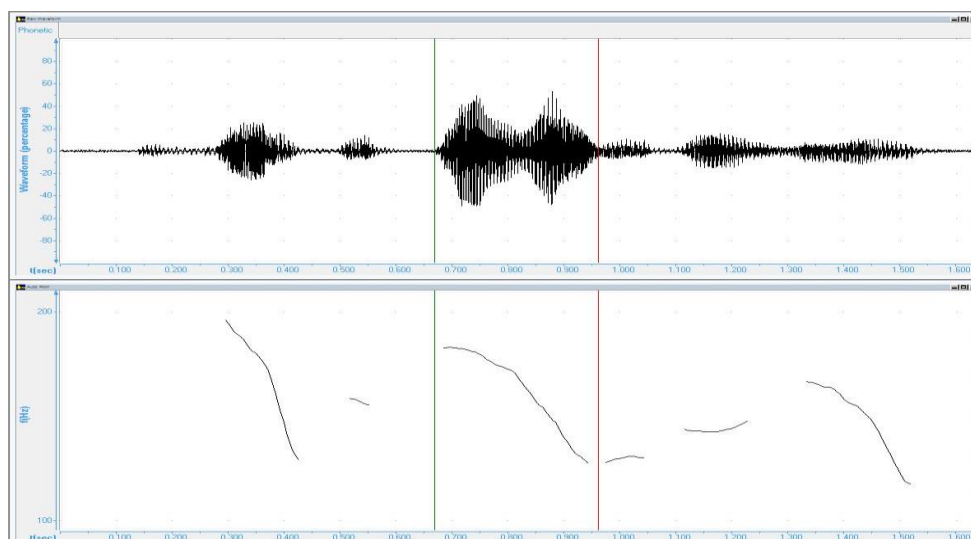

Рисунок 40 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (22):
акцентоноситель *упал*

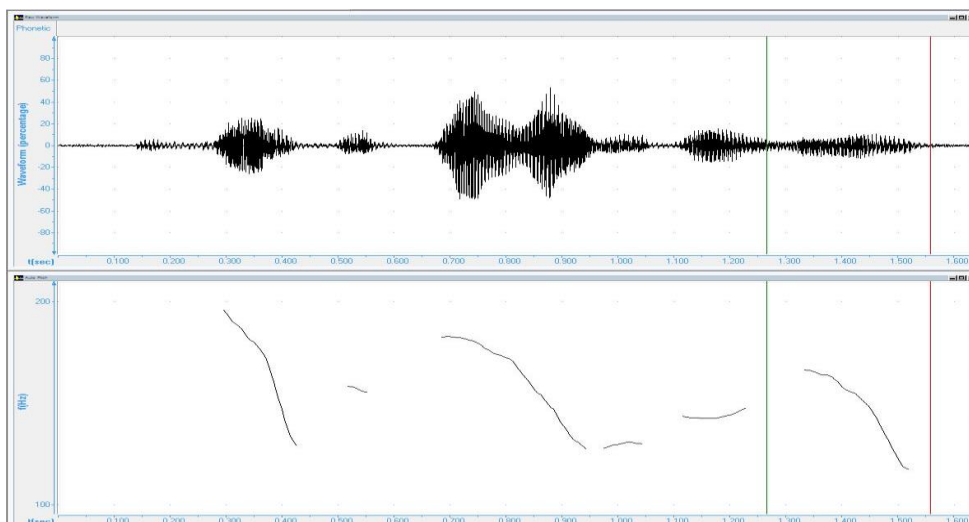

Рисунок 41 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (22):
акцентоноситель *утонул*

(23) *Навязывать никто не будет.*

«В данном высказывании интонационная структура характеризуется типичными свойствами ИК-2: резкое падение тона в ударном слове, последующее понижение тона, после предцентра происходит подъем тона (Рисунок 42). Интонационные параметры ИК-2, придающие высказыванию категоричность, отражают здесь требование самостоятельно придумать план действий, который привел бы к оптимальному результату. Интонация и вербальный уровень здесь совершенно противоположны друг другу: Горшков сообщает, что *навязывать никто не будет*, а сам с помощью интонационных средств навязывает свою точку зрения собеседнику» [Бурова, 2019а, с. 188].

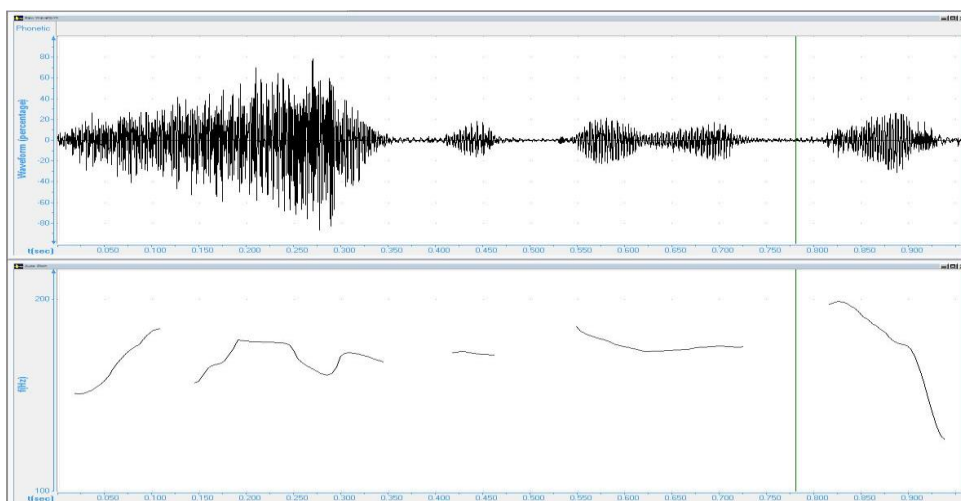

Рисунок 42 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (23)

(24) *Всё рядом.*

«График, как можно увидеть на Рисунке 43, изображает типичные для ИК-2 параметры: тон в центре падает, но начало его находится в рамках предцентра, уровень тона в постцентре ниже тона в предцентре.

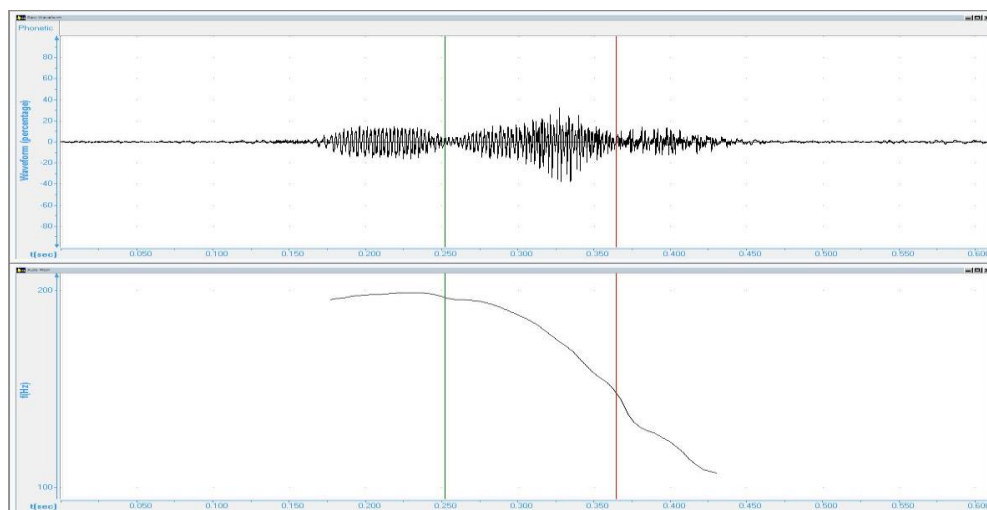

Рисунок 43 – Осциллограмма и тонограмма к примеру (24)

Для анализа данного примера обратимся к более широкому контексту. Высказывание *Все рядом* является частью реплики Горшкова, в которой он отвечает на вопрос Мужчины. Коммуникативный акт выглядит здесь следующим образом:

М.: Стоянка где, недалеко?

Г.: В соседнем квартале. Всё рядом.

Горшков отвечает на вопрос Мужчины о местонахождении стоянки. Однако зачем-то добавляет еще одну фразу, которая может показаться избыточной. Но интересным является тот факт, что Горшков оформляет ответ о местоположении стоянки с помощью ИК-1 (что было упомянуто выше), а последующее высказывание – с помощью ИК-2. Акцентоносителем является слово *рядом*, в его ударном слоге происходит резкое падение тона. Такая интонация позволяет сделать выводы об интенции говорящего, заключенной в данном высказывании. Употребляя слово *рядом* с интонацией, вводящей в высказывание категоричность, Горшков снова указывает на простоту и удобство осуществления тех действий, о которых идет речь ранее, на способность собеседника выполнить эти действия и

на невозможность их невыполнения. Важно отметить, что подобное высказывание встречается в диалоге неоднократно. Ранее, говоря о расположении дома, Горшков отмечает: *Тут всё рядом*. Данное высказывание, просодические параметры которого изображены на Рисунке 44, характеризуется интонационным оформлением, аналогичным тому, которое присутствует в ранее рассматриваемой фразе (ИК-2). Следовательно, интенции в двух этих высказываниях тождественны.

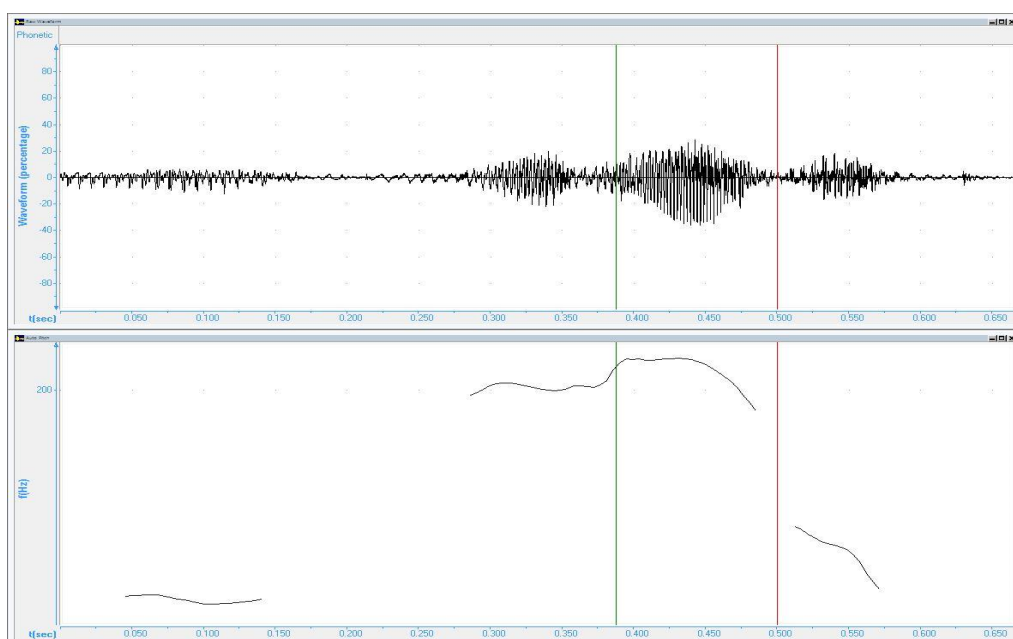

Рисунок 44 – Осциллограмма и тонограмма высказывания *Тут всё рядом*

Присутствие в диалоге высказываний с противоречием между вербальной и просодической стороной, по нашему мнению, далеко не случайно. Коммуникативное намерение Горшкова заключается в том, чтобы убедить собеседника осуществить все необходимые действия и именно по тому сценарию, который ему [Горшкову] нужен. На реализацию данного коммуникативного намерения направлены в том числе и интонационные средства: мы встречаемся с большим количеством ИК-2 в волеизъявительных конструкциях. В таком случае происходит согласование различных сторон высказывания, и интонация лишь поддерживает директивность речевого акта, выраженную на вербальном уровне. Между тем в высказываниях с несовпадением вербальной и просодической стороны интонация является средством экспликации импликатур, возникающих

на вербальном уровне. Особенно показательным примером для подтверждения этой мысли является последнее рассмотренное нами высказывание: *Всё рядом*. Это высказывание на вербальном уровне выглядит как избыточное, однако его интонация заключает в себе дополнительные смыслы, которые позволяют восстановить ту часть информации, которая скрыта на уровне лексики и грамматики» [Бурова, 2019а, с. 189-191].

Конечно, информация об иллокуции высказывания является скорее прагматической, чем семантической. Однако в случае, когда материалом исследования является диалог, крайне редко можно говорить о выражении интонацией чисто семантической информации, т.к. в диалоге все используемые языковые средства направлены на достижение коммуникативного успеха, т.е. неотделимы от ситуации общения. Тем не менее мы относим информацию о цели высказывания, которая в данном случае является интенцией говорящего, к семантической информации, т.к. на вербальном уровне она обычно выражается с помощью стандартных языковых средств, проявляющих себя вне конкретной ситуации (императив, глагол *требовать*, модальное слово *надо*, целевая конструкция с союзом *чтобы*). Можно сказать, что обсуждаемый тип информации (семантика волеизъявления, или побуждения) имеет отношение к грамматической семантике, в рамках которой в последнее время проводятся значимые лингвистические исследования [Князев, 2007; Плунгян, 2011].

Итак, «анализ интонационной составляющей реплик Горшкова показал, что в одних случаях вербальный компонент согласуется с просодическим, соответствует ему, а в других – вступает с ним в противоречие. Такое несоответствие представляется особенно важным с лингвистической точки зрения, поскольку интерпретация высказывания в подобных ситуациях будет в значительной мере зависеть от просодического компонента» [Бурова, 2019а, с. 191].

Выводы по главе 2

Рассмотрев просодию с точки зрения ее связи с семантическим компонентом высказывания, мы обнаружили в анализируемом материале, по крайней мере, два типа информации, означающим которых являются именно суперсегментные фонетические явления, что подтверждает существование семантики на уровне просодии.

Первый тип информации связан с референциальным статусом местоимения *мы*, которое в рассматриваемом материале (глубинные интервью) характеризуется двумя способами просодического оформления: 1) *мы* произносится без паузы, сливаясь с последующим текстом; 2) *мы* отделяется от последующего текста с помощью паузы. Проанализировав материал, мы сделали вывод, что в контекстах, где речь идет о не столь значительных с исторической точки зрения событиях, происходивших или произошедших с говорящим, местоимение *мы* никак не акцентируется с помощью просодии. А в высказываниях, в которых говорящий сообщает о значимых исторических событиях, являющихся фактами групповой памяти, местоимение *мы* отделяется от последующего контекста с помощью паузы. Таким образом, **пауза** может в ряде случаев свидетельствовать о нереферентном употреблении слова (местоимения *мы*). В такой ситуации изменяется функция местоимения, которое используется не как «заместительное», а как номинативное средство, не указывающее на определенное множество объектов, включая говорящего, а называющее некий коллективный / обобщенный субъект (народ, страну и т.д.), с которым отождествляет себя говорящий.

Второй обнаруженный тип информации связан с семантикой побуждения. Вместе со стандартными повествовательными, вопросительными и побудительными высказываниями в анализируемом материале (диалог между киллером и заказчиком) встретились случаи, в которых отсутствует эксплицитное указание на выражение требования (императив, глагол *требовать*, слово *надо*,

конструкция с союзом *чтобы* и т.п.), но присутствует интонация требования, оформленная с помощью ИК-2. Таким образом, **движение тона и использование определенных ИК** может выражать семантические компоненты, скрытые на вербальном уровне. ИК-2, употребленная вне использования лексических средств с семантикой побуждения, способна самостоятельно привносить в высказывание компонент категоричности, связанный с идеей волеизъявления (требования).

3 Типы синтаксической информации, выражаемые просодией

Для анализа связи просодии с синтаксическим аспектом функционирования знаков, демонстрирующим соотношение *знак – знак*, целесообразнее использовать материал, представляющий собой развернутую монологическую речь, поскольку на таком материале можно наблюдать, как говорящий структурирует свои высказывания и какие компоненты образуют друг с другом сочетания. Именно поэтому в данном случае мы используем для анализа тексты глубинных интервью, являющиеся, по сути, проявлениями монологической речи.

В академических источниках можно найти информацию о том, что интонация участвует в выражении синтаксических связей, а интонационные средства делят конструкции звучащей речи на синтагмы обычно в соответствии с синтаксическими связями [Современный русский язык, 1989, с. 545]. При этом приводятся примеры типа *Она пела хорошо танцевала; Роняет лес багряный свой убор; Торговка вяленой воблой торчала между ящиками*. Предполагается, что в таких примерах интонация и, в большей степени, пауза указывает на наличие или же отсутствие синтаксической связи между словами. Тем самым интонации приписывается роль выражать информацию о синтаксической сочетаемости частей высказывания, т.е. о синтактике.

Чтобы вычленив информацию о синтаксической сочетаемости элементов звучащего текста, нужно его сегментировать, однако эту процедуру осуществить нелегко, поскольку отсутствуют единообразные подходы к членению устного дискурса. Первопричина такого положения дел – сложность интерпретации явлений и фактов устной речи. Данный участок теоретических и практических исследований переживает процесс становления.

3.1 Проблема сегментации устной речи в контексте современных лингвистических исследований⁴

«Основные подходы к сегментации устной речи можно условно разделить на два типа: фонетический (просодический) и дискурсивный.

Первый (сформировавшийся при изучении особенностей звучащей речи в ходе эксперимента с чтением текста с листа разными информантами) основан на учете характера функционирования различных звуковых средств просодической природы.

Комбинация таких средств создает **просодический шов** (далее – ПШ), который образует границу между фразовыми просодическими составляющими в звучащем тексте» [Бурова, 2021, с. 2658].

ПШ – это «абстрактный показатель границы между просодическими составляющими, который имеет определенное фонетическое (акустическое) воплощение с возможной вариативностью, а также перцептивные корреляты в виде субъективного ощущения определенной степени автономности смежных слов и групп слов в звучащем тексте» [Кривнова, 2016, с. 8]. «В несколько ином смысле ПШ можно понимать как абстрактный показатель сегментирующего потенциала словораздела, имеющий разную глубину. О. Ф. Кривнова описывает четырехбалльную шкалу глубины ПШ для составляющих, больших, чем фонетическое слово, следующим образом: просодическая / фонетическая синтагма, интонационная фраза, интонационно-смысловой комплекс, высказывание [Кривнова, 2007, 2016].

В настоящее время центральными задачами при исследовании просодического членения остаются описание текстовой локализации и глубины ПШ и выявление их просодической реализации [Кривнова, 2018, 2019]. Среди выявляемых и исследуемых фонетических (просодических) средств реализации ПШ можно назвать следующие:

⁴ В данном параграфе представлены результаты, ранее изложенные в статье [Бурова, 2021].

- наличие физических пауз, «в том числе абсолютных и заполненных», а также их длительность;
- синтаксические акценты, прежде всего тональные (между двумя такими акцентами обычно наличие ПШ);
- некоторые значимые движения тона за пределами акцентов, в частности, граничные тоны;
- квазисегментные явления (ларингализация, придыхание) и элементы речевого дыхания);
- изменение тонального регистра (возвращение на базовый уровень, т.н. resetting);
- замедление темпа произнесения перед ПШ (финальное продление), ускорение после него;
- уменьшение интенсивности перед ПШ, увеличение после;
- особенности фонетической реализации фонем (отсутствие редукции в конечных открытых слогах);
- эмфатическая просодия [Кибрик, 2009].

Особую роль в организации просодического шва играют разного рода паузы. Они часто являются единственными сигналами ПШ и коррелируют с его глубиной: чем длиннее пауза, тем глубже ПШ [Кривнова, 2016].

Важно подчеркнуть, что, как показывают исследования О. Ф. Кривновой, даже дыхательные паузы (называемые еще физиологическими) обнаруживают определенную степень соответствия синтаксическим структурам текста. Так, с помощью эксперимента было установлено, что 100 % испытуемых при чтении сделало дыхательную паузу между абзацами, 94 % испытуемых – между самостоятельными предложениями внутри абзаца, 65 % – между клаузами внутри предложения, 34 % – между компонентами внутри клаузы. Таким образом, вероятность появления дыхательной паузы возрастает по мере увеличения объема синтаксической единицы [Кривнова, 2017].

В случае если паузации не наблюдается, наличие / отсутствие ПШ помогает определить наличие / отсутствие коартикуляции согласных на стыках фонетических слов [Князев, 2016, 2017, 2019]. С. В. Князев установил, что отсутствие коартикуляции свидетельствует о наличии ПШ. Экспериментально доказано, что на стыках одинаковых фонетических слов в разных фразах наблюдаются разные варианты произнесения комбинации конечного согласного одного фонетического слова и начального согласного другого. Если конечный звонкий согласный перед начальным звонким выступает при произнесении в своей глухой реализации, то можно утверждать, что между фонетическими словами проходит граница, т.е. ПШ. Например, между фонетическими словами *плов* и *варится* во фразе *Мясо сначала тушится, а плов варится* проходит ПШ, т.к. большинство испытуемых (81%) произнесло сочетание <вв> на стыке этих слов как [фв] [Князев, 2016].

Второй подход к сегментации устной речи, который сформировался при изучении спонтанно порождаемого устного дискурса и который потому можно условно назвать дискурсивным, предполагает деление текста на иных основаниях, и описывается такое деление с помощью другой терминологии: в рамках данного подхода текст членится на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), каждая из которых рассматривается как квант звучащей устной речи, продвигающий дискурс вперед [Рассказы о сновидениях, 2009]. Существует несколько критериев выделения ЭДЕ:

- наличие паузации;
- наличие акцента, т.е. произносительного усилия (обычно в ЭДЕ один акцент);
- наличие интегрального тонального контура;
- наличие определенного темпового паттерна;
- наличие определенного громкостного паттерна [Рассказы о сновидениях, 2009].

ЭДЕ существенно коррелируют с клаузами, т.е. фрагментами текста, описывающими одну ситуацию или одно событие. Большинство ЭДЕ по своему объему равны клаузе. Однако наблюдаются случаи использования субклаузальных ЭДЕ, меньших по объему, чем клауза, и суперклаузальных ЭДЕ, которые включают в себя несколько клауз.

Субклаузальные ЭДЕ часто содержат определение к объекту, упомянутому в предыдущей ЭДЕ:

1. *И /вдруг я увидела какую-то ··(0.4) \к-коробку.*
2. *··(0.3) С /бантиком \сверху.*

Как видим, первая ЭДЕ соответствует клаузе, т.е. является клаузальной, а вторая содержит определение к существительному *коробка*, не соответствуя при этом клаузе, и, таким образом, является субклаузальной.

Суперклаузальные ЭДЕ часто содержат эпистемический маркер (во фрагменте 4 – *не знаю*), с помощью которого говорящий сообщает о характере своего информационного фонда:

3. *··· (2.5) И/-м-мы-ы там Достаёмся,*
4. *··· (2.5) ну не знаю/остаёмся,*

Исследователи относят клаузальные ЭДЕ к каноническим, а субклаузальные и суперклаузальные – к неканоническим [Рассказы о сновидениях, 2009].

Приведенная классификация ЭДЕ свидетельствует о том, что при таком подходе к сегментации устного дискурса значительная роль отводится синтаксическим свойствам полученных сегментов, что провоцирует квалификацию синтаксического критерия членения как первостепенного.

Н. А. Коротаев, отмечая превалирование синтаксического критерия в [Рассказы о сновидениях, 2009], разрабатывает другой подход к делению на ЭДЕ, который сам называет коммуникативно-просодическим [Коротаев, 2015], и предлагает свою систему правил членения устного текста.

В первую очередь, по мнению этого автора, необходимо выделить фразовые акценты. Затем по количеству фразовых акцентов следует определить количество

коммуникативно-просодических составляющих, под которыми понимаются тема и рема высказывания. Тема и рема, как считает Н. А. Коротаев, могут объединяться в составе одной ЭДЕ либо распределяться по разным ЭДЕ. Это зависит не от просодического (и тема, и рема могут характеризоваться как восходящим, так и нисходящим акцентом), а от синтаксического критерия: отделить тему от ремы можно, если после темы следует парентеза или если тема не объединяется с ремой в одно простое предложение; во всех остальных случаях необходимо объединить анализируемые составляющие в одну ЭДЕ.

Очевидно, что решение, предложенное Н. А. Коротаевым, делает просодический критерий второстепенным и несущественным; дифференциация ЭДЕ осуществляется на коммуникативном основании.

Завершая характеристику рассмотренных выше подходов, отметим следующее. «Просодический» и «дискурсивный» подходы различаются главным образом тем, что находится в фокусе исследовательского внимания.

Первый подход сосредоточен на явлении границы между сегментами звучащей речи и на пограничных сигналах; второй – на сегментах, разделяемых этими границами. Однако в обоих случаях неизбежно учитываются паузы, тональные акценты, движение тона за пределами акцентов, темповые паттерны, то есть феномены просодического характера. При этом для тех исследователей, которые работают в русле первого подхода, выявление этих феноменов исчерпывает поставленную задачу, а для тех, кто занимается анализом устного дискурса, дает возможность сделать следующие шаги: квалифицировать выделенные фрагменты как канонические или неканонические ЭДЕ, определить их роль в организации дискурса в целом, осмыслить функции пограничных сигналов в порождении дискурса и т.д.

С учетом вышеизложенного обратимся к анализу имеющегося в нашем распоряжении материала» [Бурова, 2021, с. 2658-2659].

3.2 Опора на просодические критерии: паузация⁵

«Просодические критерии сегментации текста, вне всякого сомнения, являются наиболее объективными, поскольку касаются анализа формальной стороны речи, которая в настоящее время при участии современных технических средств может быть описана достаточно точно» [Бурова, 2021, с. 2659]. С помощью специальных программ, анализирующих звучащие тексты, мы получаем достоверные данные, касающиеся количественных и качественных характеристик компонентов просодии. Кроме того, в исследованиях звучащей речи необходимо учитывать просодию как неотъемлемую часть высказывания, игнорировать интонационные средства не представляется возможным.

Очевидно, что из всех просодических средств, которые можно использовать при сегментации, самым надежным и с легкостью выявляемым в тексте является паузация. «Следует учитывать, что, согласно экспериментальным данным, не любой перерыв в речи воспринимается человеком как физическая пауза. Паузой можно назвать остановку длительностью примерно от 200 миллисекунд (0,2 секунды) [Кривнова, 2007, с. 21]. Именно поэтому при работе с эмпирическим материалом в качестве пауз рассматривались только те перерывы в порождении текста, которые превышают 0,2 секунды.

Представим отдельные результаты сегментации имеющихся в нашем распоряжении звучащих текстов на основе использования критерия паузации (на длительность пауз указывают обозначения типа |0,7|).

Фрагмент интервью М. С.

- (1) *я родился в Белоруссии* |0,7|
- (2) *Витебская область Дубровинский район деревня Вешки* |1,9|
- (3) *в двадцать восьмом году родители мои* |0,3|
- (4) *с семьей мы* |0,4|
- (5) *переехали в Красноярский край* |0,7|

⁵ В данном параграфе представлены результаты, ранее изложенные в статье [Бурова, 2021].

- (6) *в город Боготол* |1|
 (7) *поселились в деревне жили там до тридцать восьмого года* |1,2|
 (8) *в тридцать восьмом году я* |1,2|
 (9) *после окончания* |0,9|
 (10) *десяти классов* |1,4|
 (11) *по* |0,7|
 (12) *своей личной инициативе* |0,5|
 (13) *пошел в военное училище* |0,8|
 (14) *которое было расположено в Ташкенте* |0,2|
 (15) *называлось* |0,2|
 (16) *пехотное* |0,7|
 (17) *военное училище имени Владимира Ильича Ленина* |0,9|
 (18) *в сороковом году в феврале я его закончил*

Длительность паузы составляет или превышает одну секунду во фрагментах (2), (6), (7), (8); находится в интервале 0,5–0,9 сек. во фрагментах (1), (5), (9), (12), (13), (16), (17); в остальных случаях пауза составляет 0,2–0,4 сек.» [Бурова, 2021, с. 2659-2660]. Таким образом, перед нами паузы разной продолжительности (короткие, средней длины и длинные), которые должны маркировать разные по глубине ПШ. Как говорилось выше (см. с. 82), О. Ф. Кривнова в своих работах отмечает: чем длиннее пауза, тем глубже ПШ, тем сильнее один отрезок речи отделяется от другого. С возрастанием глубины ПШ возрастает и объем выделяемого отрезка, как формально, так и содержательно. Следовательно, самые глубокие ПШ должны отделять большие по объему выражаемой информации фрагменты текста. Однако «даже самый предварительный анализ показывает, что одинаковые или близкие по продолжительности паузы могут выделять существенно различающиеся объемом передаваемого содержания фрагменты, ср.:

- пауза длительностью 1,2 сек. (далее она обозначена символами ||) разделяет фрагменты

– *поселились в деревне жили там до тридцать восьмого года || в тридцать восьмом году я;*

– *в тридцать восьмом году я || после окончания;*

- пауза длительностью 0,9 сек. разделяет фрагменты:

– *после окончания || десяти классов;*

– *военное училище имени Владимира Ильича Ленина || в сороковом году в феврале я его закончил;*

- пауза длительностью 0,7 сек. разделяет фрагменты

– *я родился в Белоруссии || Витебская область Дубровинский район деревня Вешки;*

– *переехали в Красноярский край || в город Боготол;*

– *по || своей личной инициативе;*

– *пехотное || военное училище имени Владимира Ильича Ленина;*

- пауза длительностью 0,2 сек. разделяет фрагменты

– *которое было расположено в Ташкенте || называлось;*

– *называлось || пехотное.*

И наоборот, разные по продолжительности паузы могут выделять сходные по объему передаваемого содержания фрагменты:

– (1) *я родился в Белоруссии |0,7| Витебская область Дубровинский район деревня Вешки;*

– (7) *поселились в деревне жили там до тридцать восьмого года |1,2| в тридцать восьмом году я;*

– (13) *пошел в военное училище |0,8| (14) которое было расположено в Ташкенте |0,2| (15) называлось |0,2|.*

Фрагменты (1), (7), (13), (14), (15) содержат предикативную основу или ее часть, однако правая граница этих фрагментов маркируется паузами разной длительности: 0,7 – 1,2 – 0,8 – 0,2.

Нельзя не отметить также, что на отдельных участках паузация «противоречит» стандартным представлениям о границах предложения как такой

единицы, которая призвана «выразить законченную мысль»; такова сверхкраткая пауза между фрагментами (14) и (15), см.: (13) *пошел в военное училище* |0,8| (14) *которое было расположено в Ташкенте* |0,2| (15) *называлось* |0,2|» [Бурова, 2021, с. 2660]. С синтаксической точки зрения фрагменты (13) и (14) представляют собой две клаузы, связанные подчинительными отношениями, а фрагмент (15) является началом новой конструкции, т.е. того, что с точки зрения традиционного формального синтаксиса называется предложением. Несмотря на это, длительность паузы между синтаксически связанными сегментами в четыре раза превышает длительность паузы между сегментами, являющимися частью разных синтаксических структур.

«Впрочем, сопоставление выделенных на основе критерия паузации фрагментов с теми, которые были бы получены на основании общепринятых синтаксических критериев, показывает существенное расхождение с традицией: некоторые сегменты вообще не содержат предикативной основы; другие «разрывают» те части, которые эту основу содержат. Так, подлежащее простого предложения *Я пошел в военное училище* оказывается в (8), а сказуемое – в (13).

Подобные наблюдения можно сделать и на материале других интервью.

Фрагмент интервью Д. Д.

- (1) *в Иркутск* |0,2|
- (2) *я приехал* |0,3|
- (3) *с воинской частью* |2,0|
- (4) *из Махачкалы* |1,6|
- (5) *я-а служил* |1,1|
- (6) *в железнодорожных войсках* |1,9|
- (7) *после войны* |1,2|
- (8) *значит* |0,9|
- (9) *был* |0,2|
- (10) *в Свердловске на службе* |0,5|
- (11) *потом в Ленинграде* |0,7|

(12) *потом* |0,5|

(13) *в Махачкале* |1,0|

(14) *девятнадцатая бригада* |0,6|

(15) *и оттуда* |э-э 0,2|

(16) *девятнадцатая бригада железнодорожная* |0,5|

(17) *прибыла в Иркутск* |0,4|

(18) *в феврале месяце*

Мы вновь обнаруживаем, что почти одинаковые паузы оформляют содержательно различающиеся сегменты и наоборот, что структура выделенных сегментов не соотносится со структурой такой единицы, как простое предложение» [Бурова, 2021, с. 2660-2661].

Таким образом, расстановка пауз в том и в другом тексте плохо подчиняется синтаксическим правилам. Структура полученных сегментов во многих случаях не совпадает со структурой простого предложения: некоторые сегменты вообще не содержат ни подлежащего, ни сказуемого. При этом пауза, разделяющая такие отрезки, довольно продолжительна и примерно равна паузе, отделяющей друг от друга сегменты, соответствующие предикативной единице.

«Очевидно, что способ сегментации живой устной речи, основанный исключительно на критерии паузации, слишком формализован; немаловажным обстоятельством является также то, что он не дает возможности различить пограничные и хезитационные паузы (последние, как кажется, обладают меньшим сегментирующим потенциалом, чем паузы пограничные, оформляющие содержательно значимые отрезки речи).

В целом можно заключить, что попытка сегментации текста, основанная на критерии паузации, оказывается не вполне состоятельной и что формальный подход к членению текста требует корректировки» [Бурова, 2021, с. 2661]. «Пауза является наиболее легко отождествимым признаком границы между ЭДЕ, но сама по себе менее надежна как критерий сегментации, нежели другие просодические критерии» [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 59].

«Поскольку порождение дискурса предполагает осмысленность сообщаемого, а следовательно, сегменты речи должны быть информативно значимыми, необходимо иметь в виду и другие критерии: семантические, коммуникативные, синтаксические» [Бурова, 2021, с. 2661].

3.3 Комбинация критериев при сегментации речи⁶

«С учетом семантических, коммуникативных и синтаксических критериев сегментирующими паузами мы будем считать, например, такие, которые отделяют (выделяют)

- семантически и синтаксически полноценный отрезок речи (простую клаузу);
- вставные и уточняющие конструкции;
- сегменты, содержащие свернутые пропозиции (например, различного рода номинализации);
- дискурсивные маркеры (*ну, вот, значит*)» [Бурова, 2021, с. 2661].

Таким образом, при выделении простой клаузы используются в основном семантический и синтаксический критерии, при выделении отрезков со свернутой пропозицией и вставных и уточняющих конструкций ведущим является синтаксический критерий, а для вычленения дискурсивных маркеров на первый план выходит критерий коммуникативный. «Важно отметить, что на границе двух клауз может не быть значимого перерыва, но и в таком случае с учетом синтаксического критерия выделяются две составляющие.

Полученные таким образом сегменты текста признаются самостоятельными ЭДЕ.

Сравним далее результаты членения рассмотренных выше фрагментов интервью М. С. и Д. Д., основанного исключительно на просодическом критерии

⁶ В данном параграфе представлены результаты, ранее изложенные в статье [Бурова, 2021].

(левый столбец Таблицы 2 и Таблицы 3) и комбинированном подходе (правый столбец Таблицы 2 и Таблицы 3).

В Таблице 2 в правом столбце выделены простые клаузы (1, 7, 8, 13, 14, 15), вставные конструкция (2, 4), уточняющая конструкция (6), свернутые пропозиции (10, 11). Некоторые сегменты (4, 10, 11) разрывают простую клаузу на две ЭДЕ.

Таблица 2 – Применение критерия паузации и комбинированного подхода во фрагменте интервью М. С.

М. С.	
(1) <i>я родился в Белоруссии</i> 0,7	(1) <i>я родился в Белоруссии</i> 0,7
(2) <i>Витебская область Дубровинский район деревня Вешки</i> 1,9	(2) <i>Витебская область Дубровинский район деревня Вешки</i> 1,9
(3) <i>в двадцать восьмом году родители мои</i> 0,3	(3) <i>в двадцать восьмом году родители мои</i> 0,3
(4) <i>с семьей мы</i> 0,4	(4) <i>с семьей мы</i> 0,4
(5) <i>переехали в Красноярский край</i> 0,7	(5) <i>переехали в Красноярский край</i> 0,7
(6) <i>в город Боготол</i> 1	(6) <i>в город Боготол</i> 1
(7) <i>поселились в деревне жили там до тридцать восьмого года</i> 1,2	(7) <i>поселились в деревне</i>
	(8) <i>жили там до тридцать восьмого года</i> 1,2
(8) <i>в тридцать восьмом году я</i> 1,2	(9) <i>в тридцать восьмом году я</i> 1,2
(9) <i>после окончания</i> 0,9	(10) <i>после окончания</i> 0,9 <i>десяти классов</i> 1,4
(10) <i>десяти классов</i> 1,4	
(11) <i>по</i> 0,7	(11) <i>по</i> 0,7 <i>своей личной инициативе</i> 0,5
(12) <i>своей личной инициативе</i> 0,5	
(13) <i>пошел в военное училище</i> 0,8	(12) <i>пошел в военное училище</i> 0,8

Продолжение Таблицы 2

(14) <i>которое было расположено в Ташкенте</i> 0,2	(13) <i>которое было расположено в Ташкенте</i> 0,2
(15) <i>называлось</i> 0,2	(14) <i>называлось</i> 0,2 <i>пехотное</i> 0,7 <i>военное училище имени Владимира Ильича Ленина</i> 0,9
(16) <i>пехотное</i> 0,7	
(17) <i>военное училище имени Владимира Ильича Ленина</i> 0,9	
(18) <i>в сороковом году в феврале я его закончил</i>	(15) <i>в сороковом году в феврале я его закончил</i>

В Таблице 3 в правом столбце выделены простые клаузы (1, 2, 5, 6, 7, 9), свернутая пропозиция (3), дискурсивное слово (4) и вставная конструкция (8)» [Бурова, 2021, с. 2661-2662].

Таблица 3 – Применение критерия паузации и комбинированного подхода во фрагменте интервью Д. Д.

Д. Д.	
(1) <i>в Иркутск</i> 0,2	(1) <i>в Иркутск</i> 0,2 <i>я приехал</i> 0,3 <i>с воинской частью</i> 2,0 <i>из Махачкалы</i> 1,6
(2) <i>я приехал</i> 0,3	
(3) <i>с воинской частью</i> 2,0	
(4) <i>из Махачкалы</i> 1,6	
(5) <i>я-а служил</i> 1,1	(2) <i>я-а служил</i> 1,1 <i>в</i>
(6) <i>в железнодорожных войсках</i> 1,9	<i>железнодорожных войсках</i> 1,9
(7) <i>после войны</i> 1,2	(3) <i>после войны</i> 1,2
(8) <i>значит</i> 0,9	(4) <i>значит</i> 0,9
(9) <i>был</i> 0,2	(5) <i>был</i> 0,2 <i>в Свердловске на службе</i> 0,5
(10) <i>в Свердловске на службе</i> 0,5	
(11) <i>потом в Ленинграде</i> 0,7	(6) <i>потом в Ленинграде</i> 0,7
(12) <i>потом</i> 0,5	(7) <i>потом</i> 0,5 <i>в Махачкале</i> 1,0

Продолжение Таблицы 3

(13) <i>в Махачкале</i> 1,0	
(14) <i>девятнадцатая бригада</i> 0,6	(8) <i>девятнадцатая бригада</i> 0,6
(15) <i>и оттуда</i> э-э 0,2	(9) <i>и оттуда</i> э-э 0,2 <i>девятнадцатая бригада железнодорожная</i> 0,5 <i>прибыла в Иркутск</i> 0,4 <i>в феврале</i> <i>месяце</i>
(16) <i>девятнадцатая бригада железнодорожная</i> 0,5	
(17) <i>прибыла в Иркутск</i> 0,4	
(18) <i>в феврале</i> <i>месяце</i>	

Если иметь в виду оба фрагмента, то можно заметить, что количество сегментов уменьшилось, особенно в случае с Д. Д., который, видимо, испытывает довольно много речевых затруднений, маркируемых паузами хезитации. Выработанный в данном параграфе подход исключает учет количества речевых сбоев, которые замедляют развертывание дискурса.

«Найденное нами решение представляется наиболее эффективным, т.к., с одной стороны, полученные сегменты предстают не только как просодически оформленные, но и как семантически, синтаксически и коммуникативно значимые. Среди них довольно много простых клауз, о важности которых для продвижения дискурса говорится в [Рассказы о сновидениях, 2009]. С другой стороны, способ сегментации на основе сочетания критериев (комбинированный подход) позволяет объективировать процесс членения текста за счет использования строгих критериев в их достаточном количестве. Конечно, при анализе текстов с более сложной структурой, в частности диалогических, предполагающих явление наложения реплик и т.п., могут понадобиться дополнительные просодические критерии, к которым относится, например, акцентная структура высказывания, однако для монологической речи предлагаемых параметров сегментации, с нашей точки зрения, вполне достаточно» [Бурова, 2021, с. 2662].

Итак, мы выяснили, что для оптимальной сегментации текста могут понадобиться не только просодические критерии, а такое важное интонационное средство, как пауза, в большом количестве случаев, встречающихся в неподготовленной речи, не обладает функцией, позволяющей оформить самостоятельный сегмент речи, что говорит о слабой связи просодии с синтактикой высказывания. Конечно, связь просодии с синтактикой может быть неодинаковой у разных говорящих, поэтому обратимся к более детальному анализу внутренней структуры сегментов, полученных с помощью деления с учетом критерия паузации.

3.4 Различия в характеристике сегментов, выделенных паузами, в двух глубинных интервью

В результате более детального анализа свойств фрагментов текста, разделённых паузами, удалось обнаружить по крайней мере два существенных отличия одного глубинного интервью от другого.

Первое отличие заключается в том, что в рассказе М. С. содержится довольно много длинных отрезков речи, неделимых с точки зрения просодического критерия паузации, т.е. произнесенных без пауз, тогда как в речи Д. Д. их количество значительно меньше.

Вначале приведем примеры из текста глубинного интервью с М. С. в их орфографической и пунктуационной записи.

(1) Закончил, обратно же в эту часть пришел, был командиром стрелковой роты.

(2) Мы переходили линию фронта, у меня пять взводов было.

(3) Вот нам дали отдохнуть, и вот в это время меня сфотографировали в газету.

(4) Ну и потом несколько раз тоже ходили в тыл, выполняли задания. В газетах это у меня вот сохранились. Если хотите, я вам покажу потом газету.

(5) *А они говорят: «А о себе почему не рассказываете?». Я говорю: «Обо мне расскажут тогда, когда меня, может быть, не будет».*

(6) *Я бы вам показал, что действительно мне девяносто.*

(7) *Если я скажу, что страшно, то значит это я трус буду.*

(8) *И уже чувствуешь, у тебя осталось две цели.*

(9) *Уничтожить противника и остаться живым.*

(10) *Меня из-под Старой Руссы вывезли в Красноярск, я шесть месяцев в госпитале пролежал.*

С точки зрения традиционного синтаксиса все приведенные выше сегменты являются законченными в информативном отношении полипредикативными конструкциями, включающими в себя несколько пропозиций. Особенно показательными являются примеры (4) и (5). Если ориентироваться на синтаксические критерии, то сегмент (4) можно разделить на три предложения, одно из которых является сложноподчиненным, состоящим из двух предикативных единиц, а сегмент (5) делится на фрагменты, содержащие прямую речь и косвенную. М. С. оформляет чужую речь и свою речь в прошлом как прямую, используя глагол говорения. Если же пользоваться просодическим критерием паузации, то данные сегменты являются нечленимыми. Тот факт, что настолько сложные в синтаксическом отношении конструкции произносятся как сплошной текст, без единой паузы, является наиболее показательным, т.к. здесь с особой отчетливостью проявляется несовпадение синтаксического и просодического членения текста.

Иная картина обнаруживается в интервью с Д. Д. Как уже отмечалось ранее, для данного говорящего не характерно произнесение длинных речевых отрезков, паузы в его речи довольно частотны, что приводит к возникновению коротких, часто однословных, сегментов. Тем не менее несколько значительных по продолжительности отрезков в анализируемом фрагменте обнаружить все же удалось.

(1) *И в каждой комнате по одному и двое, а у меня было...*

- (2) *Идешь по городу, спросишь – тебе...*
- (3) *Мы ее перерабатывали и посылали.*
- (4) *Сделали хорошие посадки, и город начал...*
- (5) *...коротко. А давайте, вопросы задавайте, я Вам расскажу.*
- (6) *Названия, если нужно будет, у меня они дома есть.*
- (7) *...пять лет тому назад построили. Это все начал делать Салацкий, продолжил его Говорин.*
- (8) *...не только людям отдыхать, ходить по улицам там, наслаждаться...*
- (9) *Все идут, всё это праздник, конечно.*
- (10) *Улицы появляются новые, вот и присваивайте им звания это, если нужно.*

Нетрудно заметить, что большинство отрезков обладает информативной незавершенностью: начало сегмента не совпадает с началом синтаксической конструкции (примеры 5,7,8) либо завершение сегмента не совпадает с завершением синтаксической конструкции (примеры 1,2,4). Руководствуясь синтаксическими критериями, мы не сможем разделить такие сегменты на несколько полноценных предикативных единиц. Одна часть обязательно будет неполной. В рассматриваемых примерах, как и в примерах из речи М. С., имеется несовпадение синтаксического и просодического членения текста. Однако в данном случае одна из предикативных единиц входит в речевой сегмент не целиком, частично оставаясь за пределами речевого отрезка.

Вторым отличием является довольно частотное у Д. Д. выделение в самостоятельные сегменты так называемых дискурсивных слов (дискурсивных маркеров), обеспечивающих связность текста, являющихся инструментом структурирования дискурса, не имеющих лексического значения, но обладающих важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Речь идет о словах *ну, вот* и *значит*. Функционированию данных и подобных им единиц посвящено довольно много научной литературы [Баранов, 1993; Дараган, 2003; Кобозева,

2007; Рачёва, 2019 и т.д.]. Однако в нашем исследовании мы не будем подробно останавливаться на их функциях, т.к. нас интересует прежде всего их просодическое оформление в качестве отдельных сегментов речи. В тексте перечисленные выше дискурсивные слова используются либо как средства перехода от одного компонента высказывания к другому, либо как резюмирующее средство.

- *После войны (1,2) значит (0,9) был (0,2) в Свердловске на службе.*

- *В самом городе (1,2) было (0,9) ну (0,3) немного (1,2) предприятий организаций.*

- *Трамваи были старенькие (1,1) захудалые (1,0) вот.*

Используемые дискурсивные слова указывают на трудности, которые испытывает говорящий при порождении текста. Выделяясь в качестве самостоятельных сегментов, слова *ну* и *значит* свидетельствуют о том, что следующий значимый фрагмент дискурса еще не сформировался. Говорящий с помощью просодически выделенного дискурсивного маркера, с одной стороны, поддерживает контакт со слушающим, а с другой – дает себе время на построение нового отрезка речи. Слово *вот*, однако, в приведенном выше примере выполняет несколько иную функцию: говорящий с его помощью сигнализирует о том, что фрагмент речи завершен. На трудности, связанные с формированием последующего отрезка, слово *вот* в данном случае не указывает.

В анализируемом фрагменте интервью с М. С. наблюдается совсем небольшое число употреблений дискурсивного слова как отдельного сегмента. В некоторых случаях говорящий отделяет от остального текста резюмирующее *вот*.

- *Президиумом Верховного Совета награжден (1,2) вот.*

- *Уничтожить противника и остаться живым (0,5) вот.*

- *Восстановили вам здоровье (1,3) вот.*

Ориентируясь на полученные данные, можно предположить, что М. С. крайне редко испытывает трудности при порождении высказываний в рамках данного интервью.

Анализ структуры сегментов, выделенных паузами, несмотря на выявленные различия в рамках двух глубинных интервью, во многом подтвердил отсутствие связи между паузацией и синтаксической оформленностью фрагмента речи. Наоборот, стало очевидно, что паузы часто являются сигналами затруднений, обрывают высказывания и потому не могут выражать типы информации, относящиеся к синтактике. Кроме того, в некоторых случаях пауза не используется для отделения друг от друга синтаксически самостоятельных сегментов, и это также свидетельствует о том, что пауза в неподготовленной речи напрямую не связана с синтактикой высказывания.

Однако можно заметить, что паузация наглядно демонстрирует, насколько плавно порождается речь. В анализируемых примерах первый говорящий (М. С.) произносит более длинные и более законченные отрезки, чем второй (Д. Д.), использует меньшее количество просодически выделенных дискурсивных слов, т.е. его речь является более плавной. Не исключено, что это различие может указывать на степень спонтанности речи: чем больше плавность, тем вероятнее, что говорящий неоднократно возвращается к одному и тому же сюжету (феномен «пластинки»); чем меньше плавность – тем выше спонтанность (особенно в тех случаях, когда текст порождается говорящим, профессиональная деятельность которого не связана с областью коммуникативного взаимодействия). Однако эта гипотеза требует проверки на обширном фактическом материале.

Выводы по главе 3

Паузе как одному из компонентов просодии традиционно приписывается функция членения потока речи на синтагмы. Однако применение критерия паузации для сегментации спонтанной речи показало, что одинаковые или близкие по продолжительности паузы могут выделять существенно различающиеся объемом передаваемого содержания фрагменты и наоборот, разные по продолжительности паузы могут выделять сходные по объему

передаваемого содержания фрагменты. Такой подход к членению текста противоречит стандартным представлениям о границах предложения как единицы, призванной «выразить законченную мысль», и не дает возможности различить пограничные и хезитационные паузы (последние, как кажется, обладают меньшим сегментирующим потенциалом, чем паузы пограничные, оформляющие содержательно значимые отрезки речи). В связи с этим в качестве более приемлемого способа сегментации неподготовленной звучащей речи был предложен способ, сочетающий паузацию с семантическими, коммуникативными и синтаксическими критериями. Этот способ позволил выделить отрезки, обладающие информативной завершенностью и значимостью.

Таким образом, изучение просодии с точки зрения ее роли в линейной организации звучащей речи позволяет сделать «отрицательный» вывод относительно корреляции паузации с синтактикой высказывания. В ходе анализа материала установлено, что рассматриваемый просодический критерий является ненадежным для сегментации неподготовленного нарратива на отрезки, обладающие значимостью, самостоятельностью и связностью единиц внутри них, т.к. паузы очень часто свидетельствуют о речевых сбоях. Как представляется, пауза в спонтанной речи в большей степени связана с плавностью порождения дискурса, чем с оформлением речи и делением ее на линейные единицы.

4 Типы прагматической информации, выражаемые просодией

Прагматический аспект, демонстрирующий соотношение *знак – пользователь*, можно рассматривать как на материале глубинного интервью, так и на материале диалога. Глубинное интервью, несмотря на преобладающую монологичность высказывания, из которой складывается нарратив, предполагает и диалогичность, ориентацию на слушающего. Поэтому интервьюируемый, как кажется, должен заполнять прагматический слой своей речи. В диалоге, где связь с коммуникативной ситуацией непосредственна и содержание диалога определяется во многом именно ситуацией, в которой происходит общение, прагматический слой заполнен достаточно хорошо.

4.1 Просодия в контексте фазовых значений завершенности / незавершенности

В научной литературе традиционно указывается на связь интонации с коммуникативной структурой предложения, т.е. членением предложения на тему и рема. По мнению исследователей, рема всегда отмечается фразовым ударением, которое в совокупности с порядком слов образует линейно-динамическую структуру предложения – специфическое суперсегментное оформление, которое предложение получает, становясь высказыванием [Современный русский язык, 1989, с. 711].

Е. В. Падучева использует по отношению к суперсегментному оформлению предложения несколько другие термины: линейно-интонационная структура или же линейно-акцентная структура. Линейно-акцентная структура является планом выражения для коммуникативной структуры, а планом содержания является членение предложения на коммуникативно релевантные компоненты и отношения между ними (тема и рема). Е. В. Падучева также отмечает, что главный фразовый акцент связан с нисходящим тоном, а второстепенный – с

восходящим, т.е. нисходящий акцент маркирует рему, а восходящий – тему [Падучева, 2015]. Таким образом, интонация обладает способностью выражать информацию о коммуникативной структуре высказывания: восходящий акцент, маркирующий тему, сочетается с нисходящим акцентом – показателем ремы.

Однако анализ материала свидетельствует об отсутствии строгой корреляции между восходящим акцентом и темой и нисходящим акцентом и ремой. Именно из-за этого, как отмечает Н. А. Коротаев, «при попытке сплошной коммуникативно-просодической разметки корпуса неподготовленных устных рассказов выявляется существенное количество контекстов, в которых традиционное разграничение темы и ремы представляет нетривиальную теоретическую задачу» [Коротаев, 2018]. Поэтому Н. А. Коротаев предлагает в большей степени обращать внимание на фазовые значения завершенности / незавершенности и анализировать их просодические свойства.

Значения завершенности / незавершенности, как представляется, имеют отношение именно к прагматическому компоненту значения. Прагматический слой значения, выражающий дискурсивные установки говорящего, коммуникативные цели и задачи, безусловно, включает в себя информацию о законченности или же незаконченности того или иного отрезка речи. Говорящий, интонационными средствами маркируя завершенность / незавершенность, акцентирует внимание слушающего на соответствующих компонентах высказывания. По словам Т. Е. Янко, «указание на незавершенность говорит о своего рода призыве говорящего к слушающему не ослаблять внимания и дослушать речь до конца» [Янко, 2020, с. 318].

В научной литературе, посвященной русской просодии, высказана идея о том, что движение тона связано с фазовыми значениями завершенности / незавершенности. Восходящий тон (/) указывает на начало, нисходящий тон (\) – на конец, а ровный тон (=) – на поддержание того состояния, которое достигнуто после начала. [Кодзасов, 2009, с. 103-112]. В других работах достаточно подробно описываются тональные средства, маркирующие оба этих

значения [Янко, 2008а; Yanko, 2017]. В частности, в [Рассказы о сновидениях, 2009] устанавливается, что существует и нефинальное падение тона, которое, очевидно, не может соответствовать фазовому значению завершенности.

В [Коротаев, 2018] утверждается, что при построении сложных высказываний говорящий использует стратегии интонационной адаптации, которые не подразумевают однозначную связь восходящего тона с фазовым значением незавершенности, а нисходящего тона с фазовым значением завершенности. Конечно, речь идет о высказываниях, являющихся повествовательными предложениями, целью которых можно назвать сообщение информации. Н. А. Коротаев анализирует противопоставление фазовых значений на материале устных неподготовленных текстов. Нам бы хотелось обратиться в своем анализе к аналогичному материалу, т.е. к текстам глубинных интервью.

Если принять во внимание тот факт, что в устных неподготовленных текстах может быть нефинальное падение тона, а также немаркированная завершенность / незавершенность в сложных предложениях вследствие использования стратегий интонационной адаптации, то можно предположить, что нисходящий акцент типа ИК-1 и даже восходящий и нисходяще-восходящий акценты типа ИК-3 и ИК-4 при использовании их в нарративе могут быть прагматически ненаполненными. Для проверки сформулированного предположения в работе были осуществлены наблюдения над тем, как функционируют тоны в акцентоносителях, как маркирует и маркирует ли вообще каждый из говорящих фазовые значения завершенности / незавершенности. Были рассмотрены высказывания различной синтаксической структуры: сначала простые предложения, затем простые осложненные предложения (с однородными сказуемыми, однородными второстепенными членами, уточняющими конструкциями и т.д.), а в заключение сложные предложения различных типов, чтобы понять, существует ли связь между структурным типом предложения и интонационными стратегиями оформления значений завершенности / незавершенности. Границы высказывания определяются

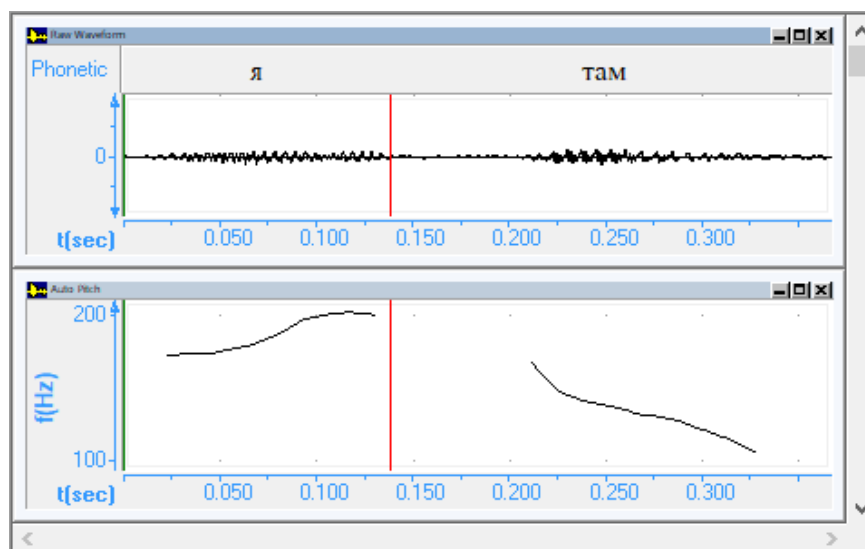
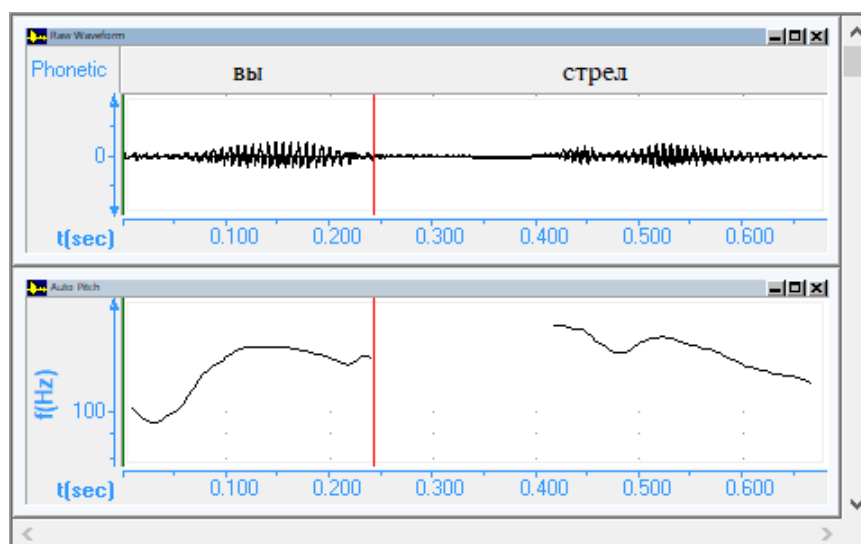
достаточной информативностью и полнотой фрагмента, законченностью выражаемой мысли. Как и в предыдущих главах, эмпирическим материалом послужили тексты двух глубинных интервью (с М. С. и Д. Д.). Далее излагаются итоги проделанного анализа.

Поскольку фонетическая и дискурсивная транскрипция при рассмотрении высказываний и их фрагментов с точки зрения фазовых значений завершенности / незавершенности является избыточной, примеры даны в орфографической записи с соблюдением норм пунктуации. Иногда отмечены некоторые явления хезитации (заполненные паузы или удлинение звука). Полужирным выделены слова-акцентоносители. На рисунках между курсорами находится ударный слог акцентоносителя, который обычно является центром интонационной конструкции. В каждом из изображений наверху находится текст, осциллограмма и тонограмма которого представлены на рисунке. Описание и анализ каждого примера дается сразу после изображений.

Простые предложения.

(1) *Я там закончил эти курсы «**Выстрел**».* (М. С.)

В начале высказывания, оформленного как простое предложение, мы наблюдаем повышение тона типа ИК-3, маркирующее незавершенность (Рисунок 45), затем, на втором акцентоносителе, снова повышение, однако на слове *выстрел* говорящий делает очень мощную акцентуацию, и второй слог произносится практически так же интенсивно и длительно, как и первый. На втором слоге происходит понижение тона, являющееся маркером завершенности высказывания (Рисунок 46).

Рисунок 45 – Движение тона в акцентоносителе *я*Рисунок 46 – Движение тона в акцентоносителе *выстрел*

(2) *В городе к этому времени большая производилась работа по благоустройству.* (Д. Д.)

Это высказывание, представляющее собой простое предложение, характеризуется наличием нескольких акцентов. Говорящий интонационно выделяет три слова, при этом в первых двух наблюдаем восходящий акцент типа ИК-3 (Рисунки 47, 48), маркирующий фазовое значение незавершенности, а на последнем – нисходящий акцент типа ИК-1 (Рисунок 49), маркирующий фазовое значение завершенности.

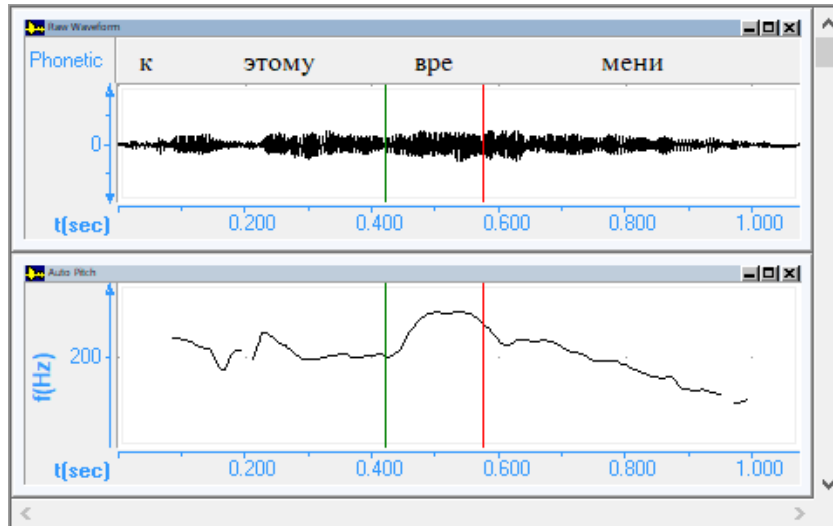

Рисунок 47 – Движение тона в акцентоносителе *времени*

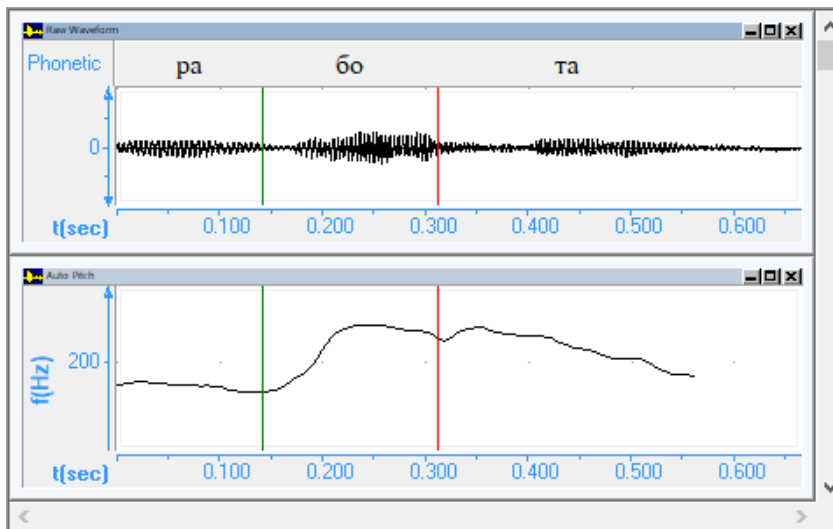

Рисунок 48 – Движение тона в акцентоносителе *работа*

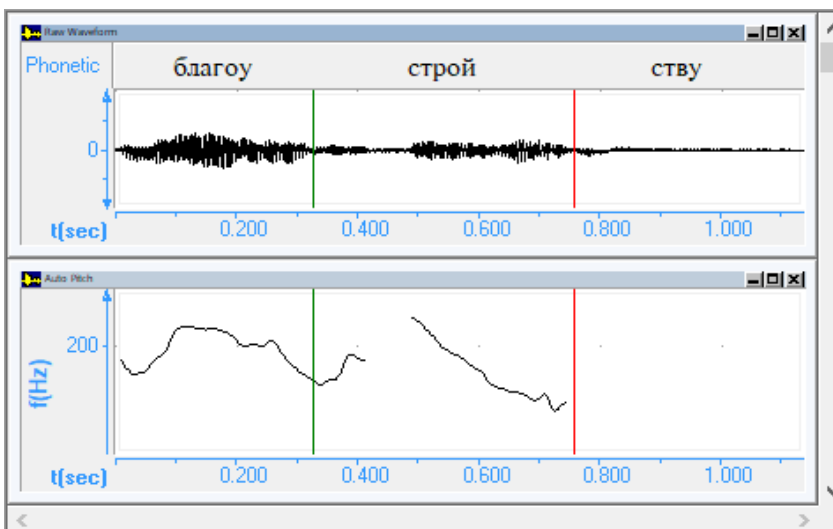

Рисунок 49 – Движение тона в акцентоносителе *благодарю ству*

(3) *В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом–пятьдесят девятом году* был избран депутатом иркутского городского *совета* города *Иркутска*. (Д. Д.)

Данное высказывание, оформленное в виде простого предложения, также имеет несколько слов-акцентоносителей. Первый акцентоноситель содержит повышение тона по типу ИК-3 (Рисунок 50), остальные два – понижение тона по типу ИК-1 (Рисунки 51, 52). Последнее понижение тона маркирует значение завершенности, повышение тона свидетельствует о незавершенности высказывания, а нисходящий акцент во фрагменте *городского совета* не маркирует фазовое значение завершенности и может быть заменен восходящим акцентом.

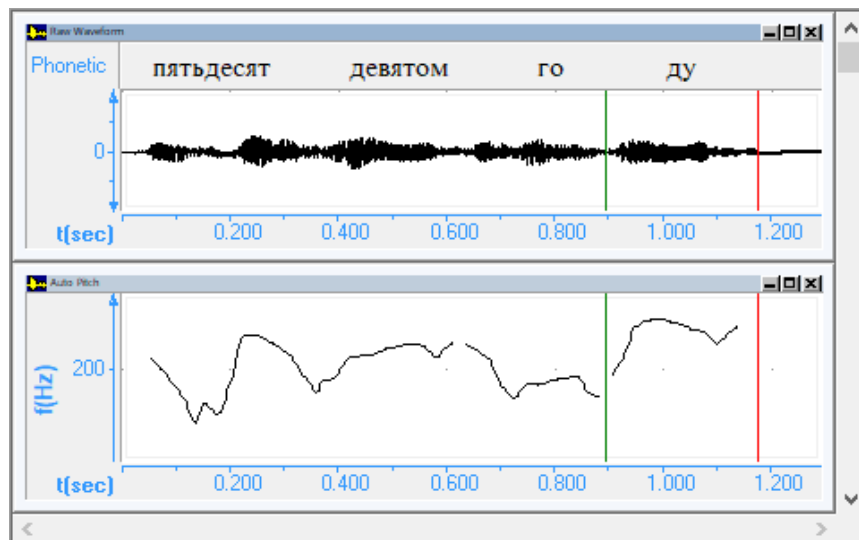

Рисунок 50 – Движение тона в акцентоносителе *году*

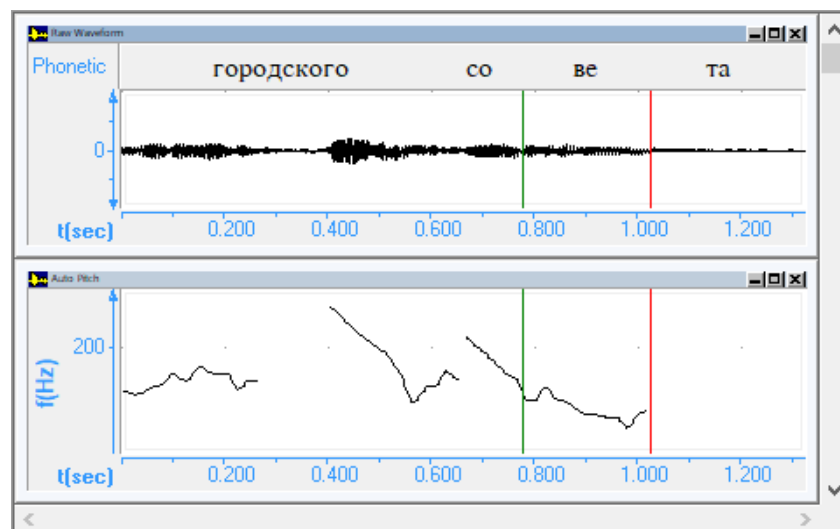

Рисунок 51 – Движение тона в акцентоносителе *совета*

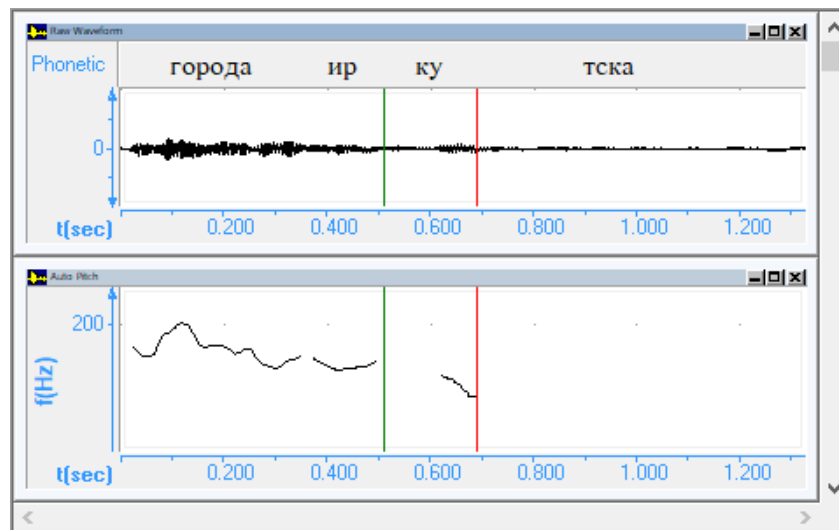

Рисунок 52 – Движение тона в акцентоносителе *Иркутска*

(4) *Значит, в Иркутск я приехал с воинской частью из Махачкалы.* (Д. Д.)

В данном высказывании интонационно выделены два слова, однако оба акцента нисходящие (Рисунки 53, 54). Маркером фазового значения завершенности является только последний нисходящий акцент (Рисунок 54). В данном случае, как и в ряде других, первый нисходящий акцент можно заменить восходящим, выражающим значение незавершенности.

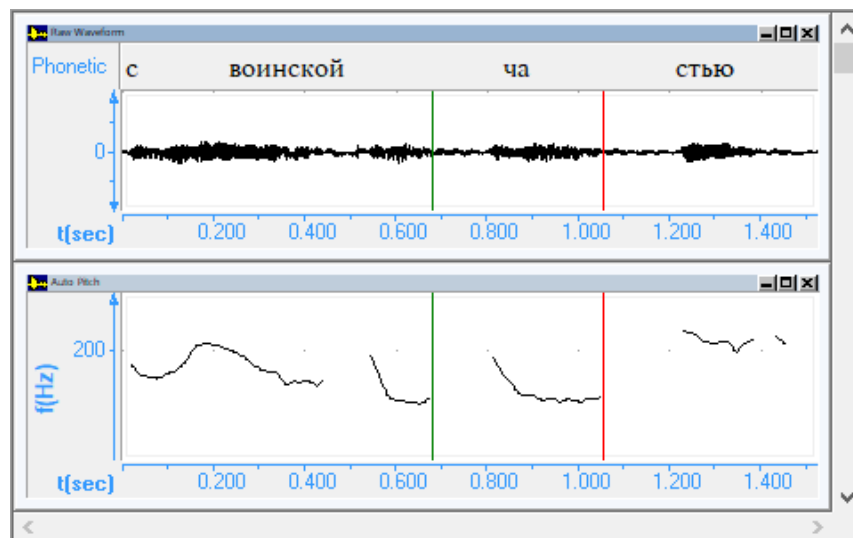

Рисунок 53 – Движение тона в акцентоносителе *частью*

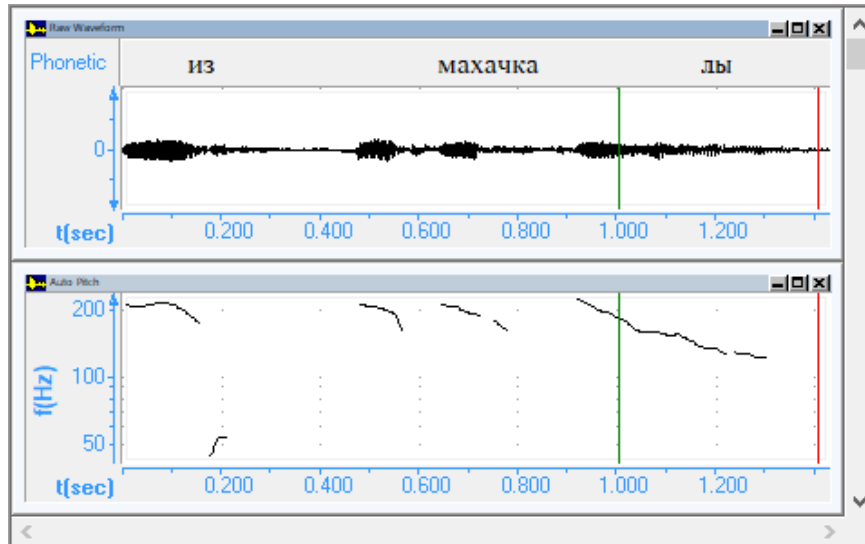

Рисунок 54 – Движение тона в акцентоносителе *из Махачкалы*

Простые осложненные предложения.

(5) *В двадцать восьмом году **родители** мои, с **семьей** мы, переехали в Красноярский **край**, город **Боготол**.* (М. С.)

По синтаксическим характеристикам анализируемое высказывание относится к простым предложениям, осложненным вставной и уточняющей конструкциями. На ударном слоге словоформы *родители* происходит довольно резкое повышение тона, что явно свидетельствует о незавершенности высказывания (Рисунок 55). На ударном слоге словоформы *семьей* происходит повышение и понижение тона (восходяще-нисходящий тон, свойственный ИК-4) в достаточно большом диапазоне. Такая интонационная оформленность отделяет вставную конструкцию от всего текста, тон в ударном слоге акцентоносителя скорее маркирует незавершенность (Рисунок 56). В отрывке *приехали в Красноярский край* содержится типичный акцент ИК-1, обычно маркирующий завершение высказывания (Рисунок 57). Тем не менее далее идет еще одна конструкция, в конце которой наблюдается понижение тона ниже уровня, демонстрируемого в предыдущем отрезке. Это пояснительная конструкция *в город Боготол*, которая действительно завершает высказывание (Рисунок 58).

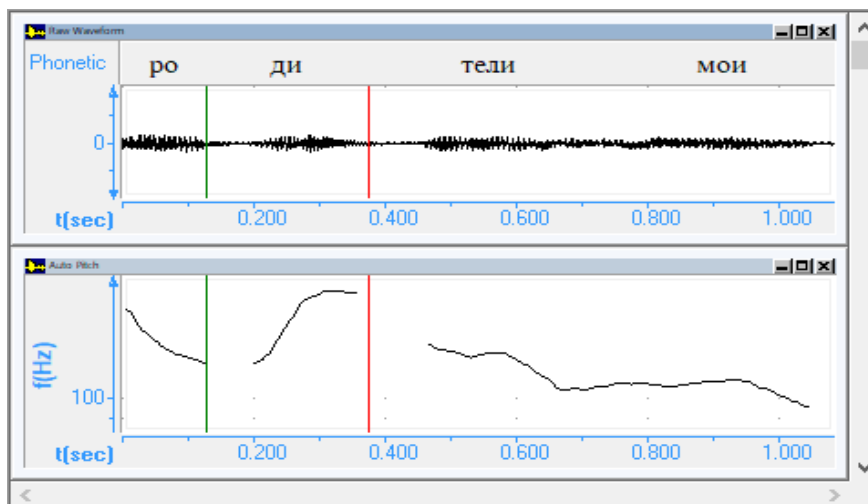

Рисунок 55 – Движение тона в акцентоносителе *родители*

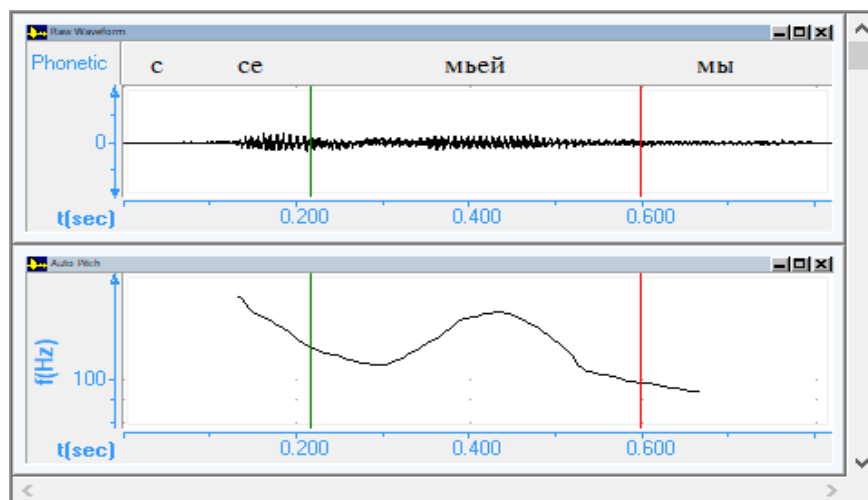

Рисунок 56 – Движение тона в акцентоносителе *с семьей*

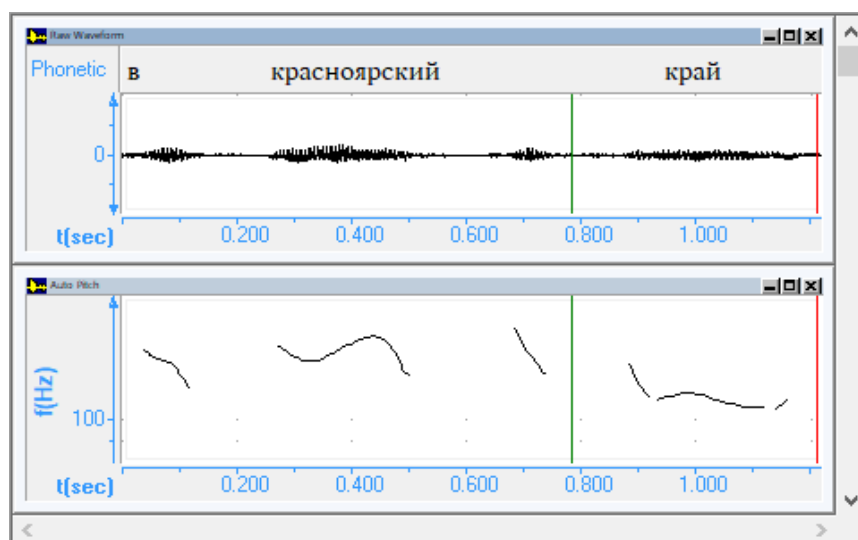

Рисунок 57 – Движение тона в акцентоносителе *край*

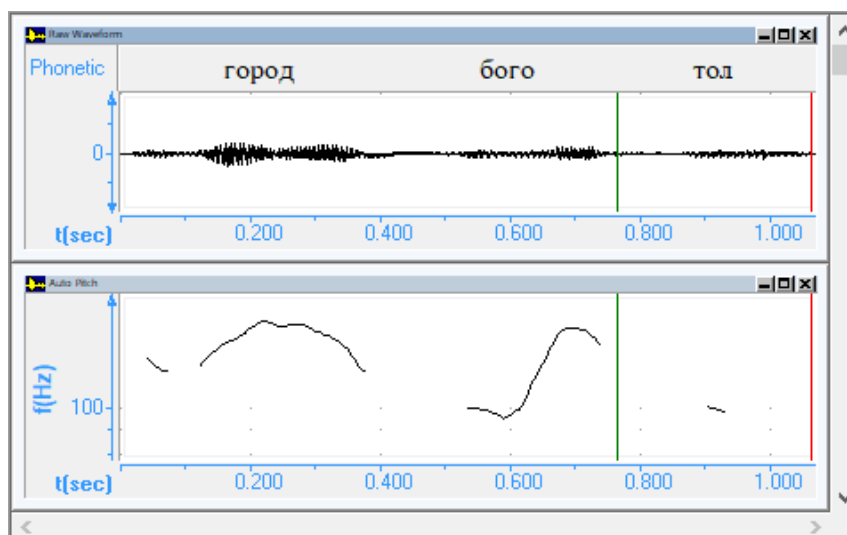

Рисунок 58 – Движение тона в акцентоносителе *Боготол*

(б) *В сороковом году в феврале я его закончил, получил звание лейтенанта и был направлен в воинскую часть в город Барнаул, в сто трид, э-э, в сто седьмую дивизию, шестьсот тридцатый стрелковый полк.* (М. С.)

Формально анализируемый отрезок является простым осложненным предложением с однородными сказуемыми. В данном фрагменте интервью содержится два нисходящих акцента (первый с небольшим понижением, практически ровный, однако в предударных слогах наблюдаем более значительное понижение), которые представлены на Рисунках 61 и 63. Но значит ли это, что они являются акцентами завершающего типа? Как представляется, второй акцент (на слове *полк*) с точностью можно назвать маркирующим завершенность, т.к. он находится в конце фрагмента, на последнем слоге, акцентоноситель завершает сообщение. Первый акцент, соответственно, расположен там, где сообщение еще не заканчивается (на слове *Барнаул*). Здесь движение тона можно заменить на восходящее, маркирующее незавершенность, без ущерба для смысла высказывания. Следовательно, с одной стороны, рассматриваемый акцент типа ИК-1 не является акцентом завершающего типа, а с другой стороны, незавершенность в данном отрезке высказывания остается невыраженной. Кроме того, в рассматриваемом примере присутствуют три акцентоносителя с восходящим движением тона, маркирующим незавершенность (Рисунки 59, 60, 62).

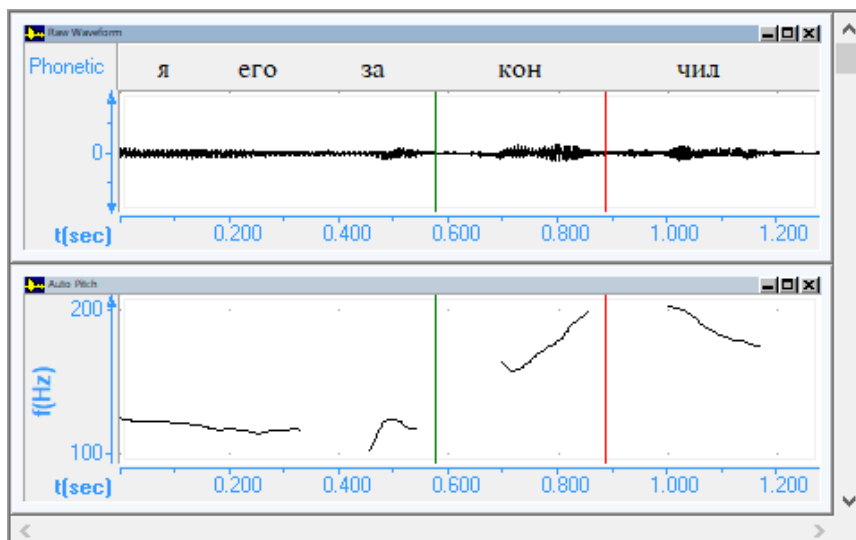

Рисунок 59 – Движение тона в акцентоносителе *закончил*

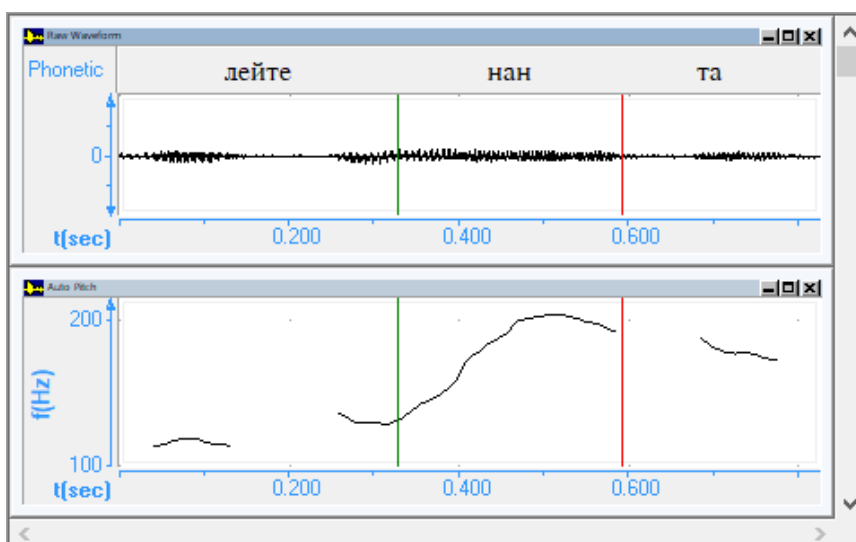

Рисунок 60 – Движение тона в акцентоносителе *лейтенанта*

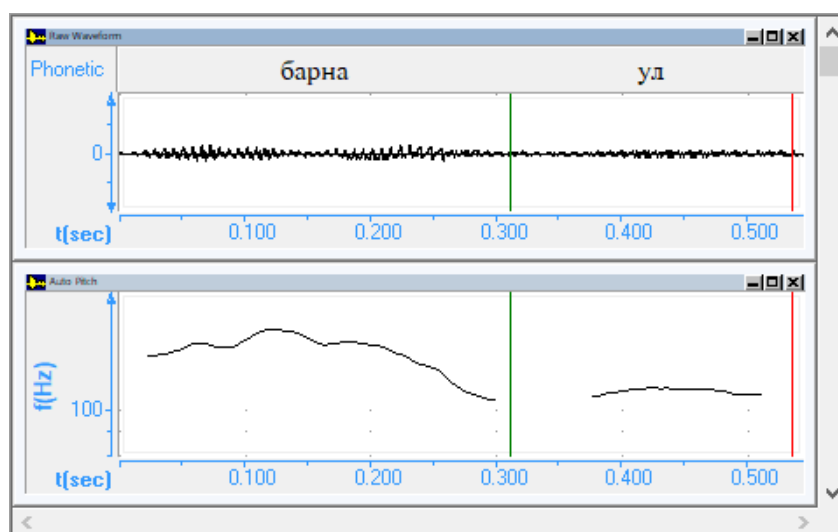
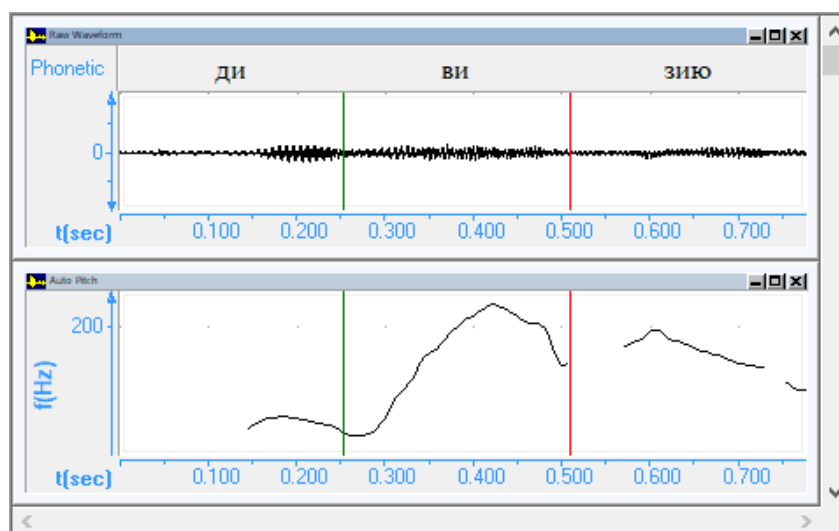
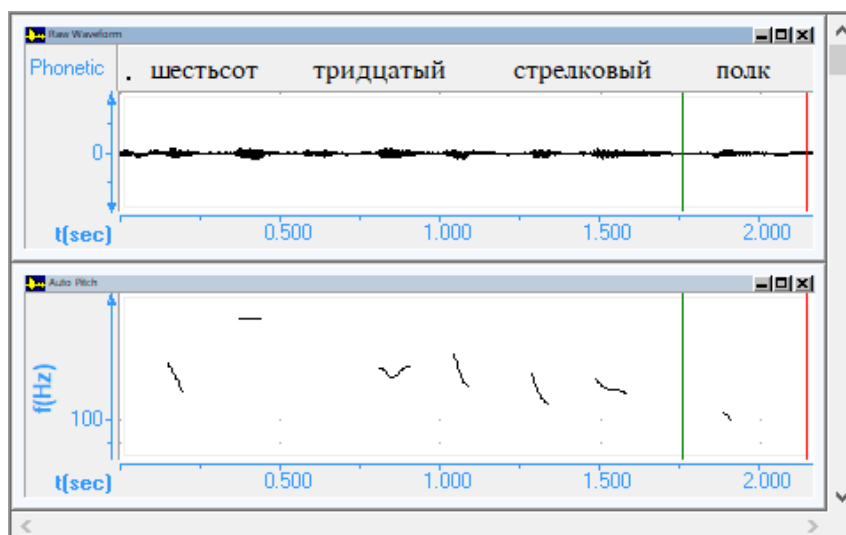

Рисунок 61 – Движение тона в акцентоносителе *Барнаул*

Рисунок 62 – Движение тона в акцентоносителе *дивизию*Рисунок 63 – Движение тона в акцентоносителе *полк*

(7) Немцы, не выдержав натиска **сибиряков**, оставляя на поле боя убитых, **раненых**, начали **отходить**. (М. С.)

Данное высказывание оформлено в виде простого предложения, осложненного деепричастными оборотами и однородными компонентами. В нем наблюдаются два идущих подряд восходящих акцента (ИК-3), которые изображены на Рисунках 64 и 65, и, по-видимому, нисходящий акцент в конце. Ударный слог не озвучивается говорящим, но предударные слоги в акцентоносителе характеризуются понижением тона (Рисунок 66). Два

восходящих акцента маркируют фазовое значение незавершенности, нисходящий акцент – значение завершенности.

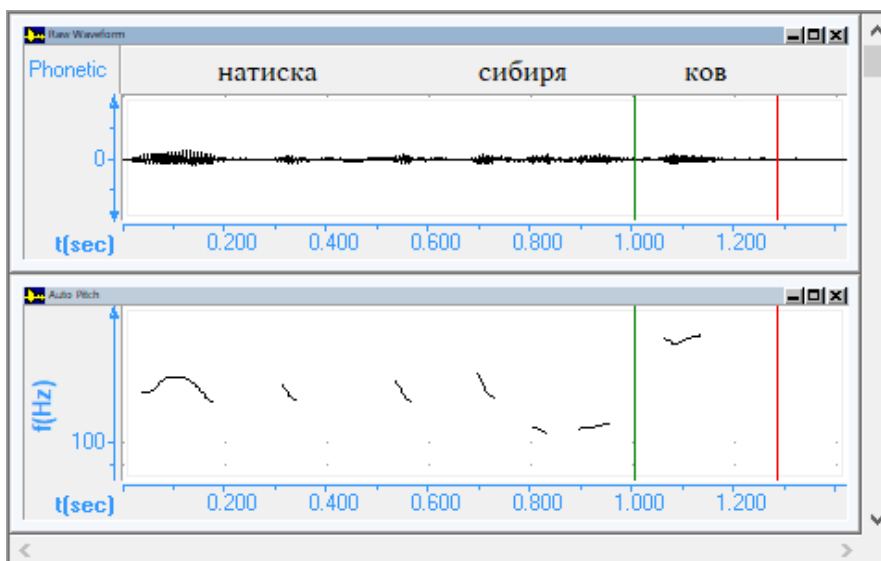

Рисунок 64 – Движение тона в акцентоносителе *сибиряков*

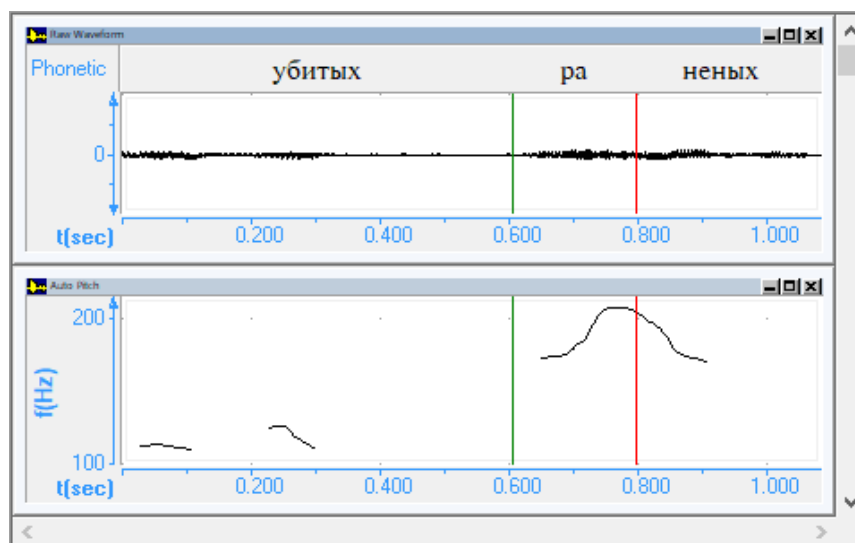

Рисунок 65 – Движение тона в акцентоносителе *раненых*

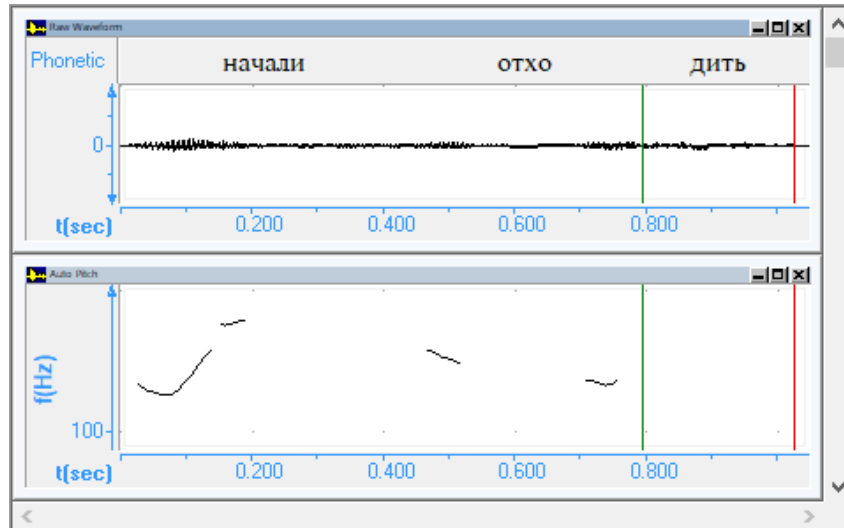

Рисунок 66 – Движение тона в акцентоносителе *отходит*

(8) *Девять лет я там проработал, занимался информационной работой, значит, предприятий, организаций, вот, научно-техническим обзорением.*
(Д. Д.)

В примере (8) представлено простое предложение, осложненное рядами однородных членов, с несколькими словами-акцентоносителями, первые из которых (*проработал, работой, предприятий, организаций*) содержат повышение тона на ударном слоге (Рисунки 67-70). Восходящий акцент в данном случае может быть соотнесен с ИК-3 – типичным сигналом незавершенности. Последний акцентоноситель содержит ИК-1 – показатель завершенности высказывания (Рисунок 71).

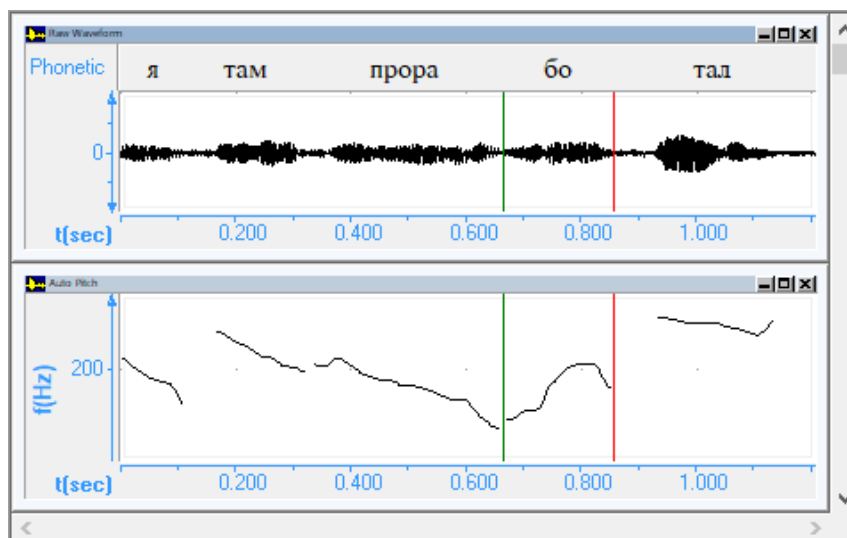

Рисунок 67 – Движение тона в акцентоносителе *проработал*

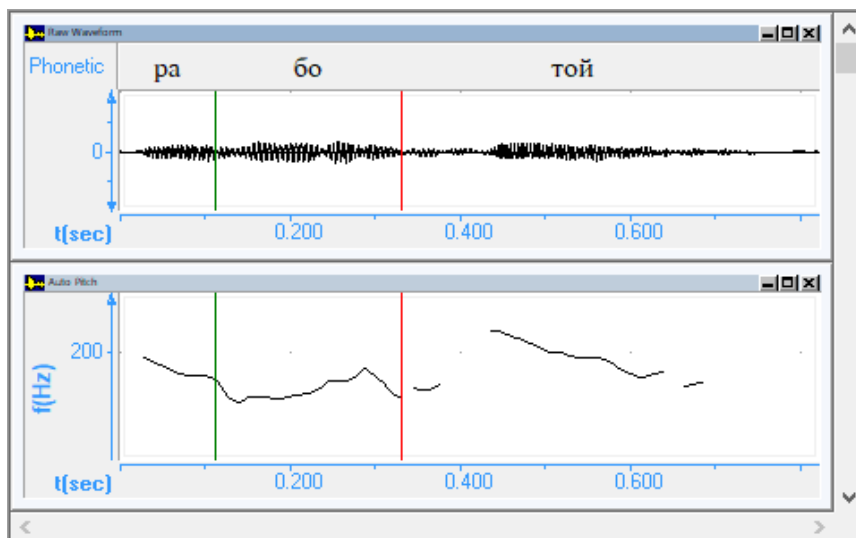

Рисунок 68 – Движение тона в акцентоносителе *работой*

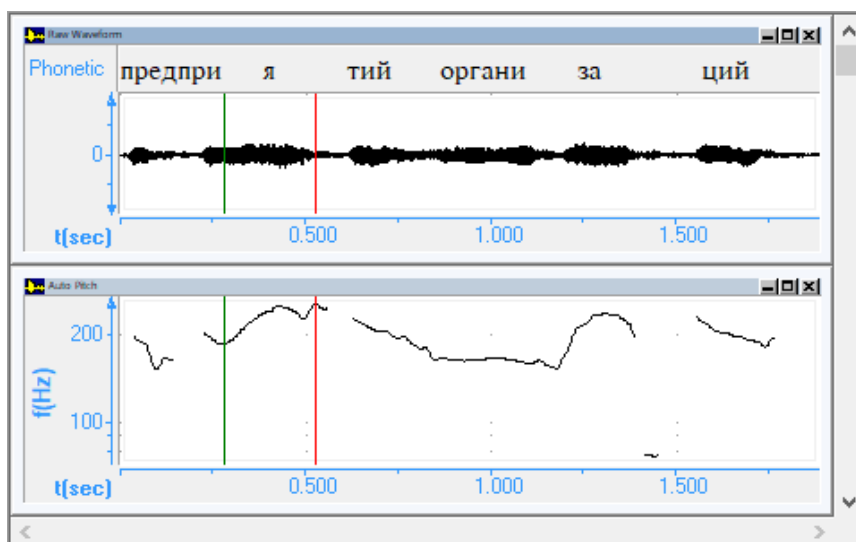

Рисунок 69 – Движение тона в акцентоносителе *предприятий*

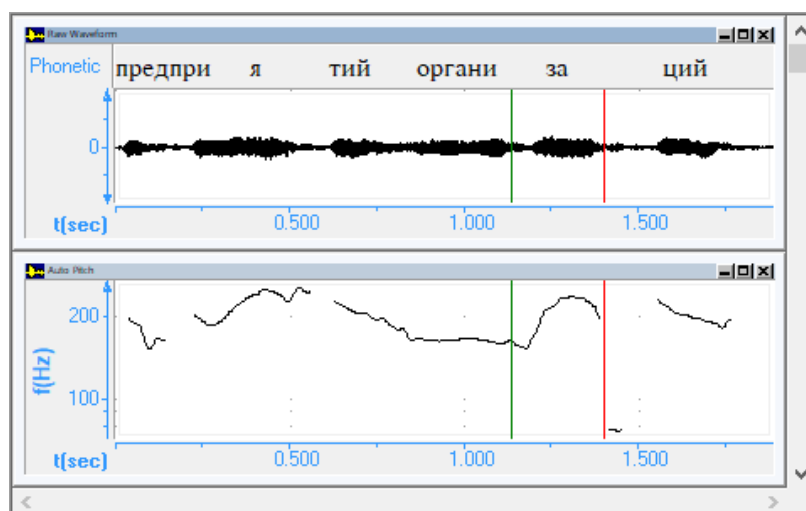

Рисунок 70 – Движение тона в акцентоносителе *организаций*

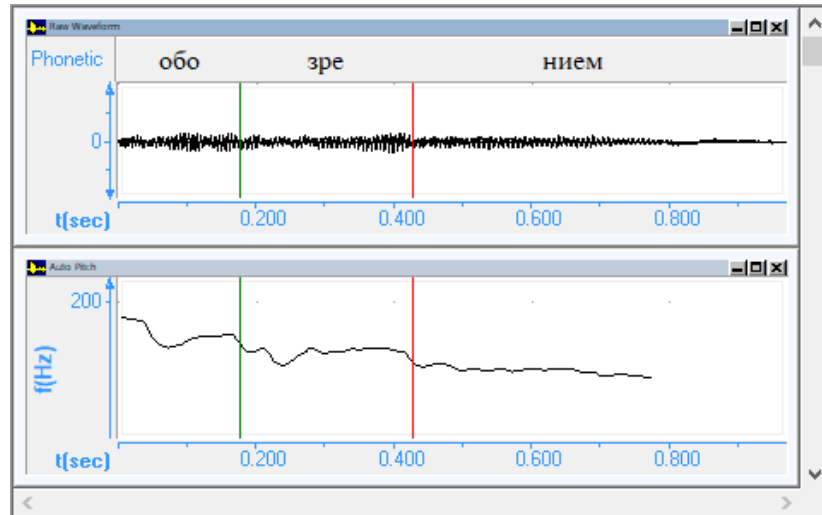

Рисунок 71 – Движение тона в акцентоносителе *обозрением*

Сложные предложения.

(9) В одной из таких **операций** с нами был **корреспондент**, подполковник **Берман**, который потом **отписывался**. (М. С.)

Рассматриваемое высказывание является сложноподчиненным предложением, в состав главной клаузы входит пояснительная конструкция. В этом высказывании несколько раз происходит повышение тона на ударном слоге акцентоносителя, маркирующее незавершенность (Рисунки 72-74), в конечном отрезке на ударном слоге акцентоносителя происходит понижение тона типа ИК-1 (Рисунок 75). Говорящий использует внутри пояснительной конструкции, расположенной не в конце высказывания, ИК-3, обращая тем самым внимание слушающего на то, что далее последует продолжение.

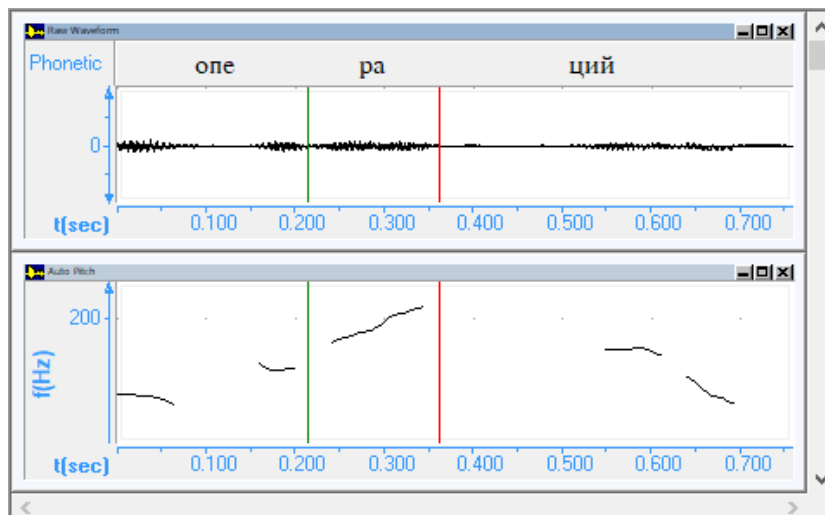

Рисунок 72 – Движение тона в акцентоносителе *операций*

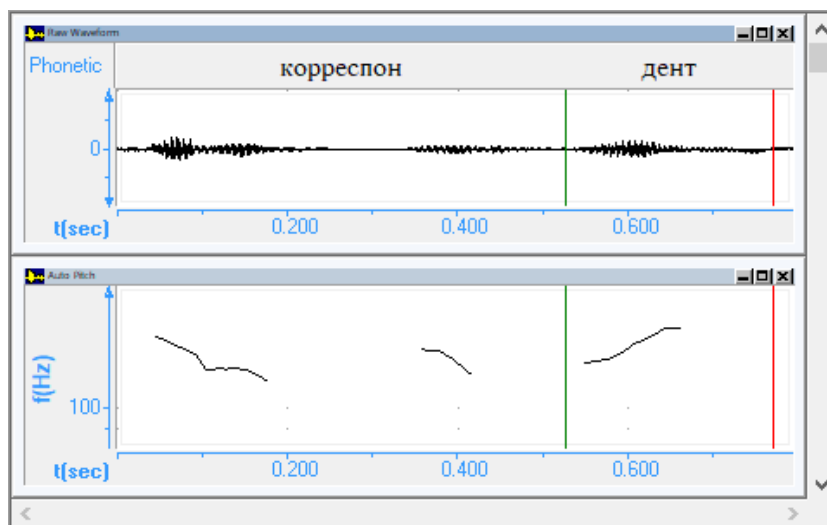

Рисунок 73 – Движение тона в акцентоносителе *корреспондент*

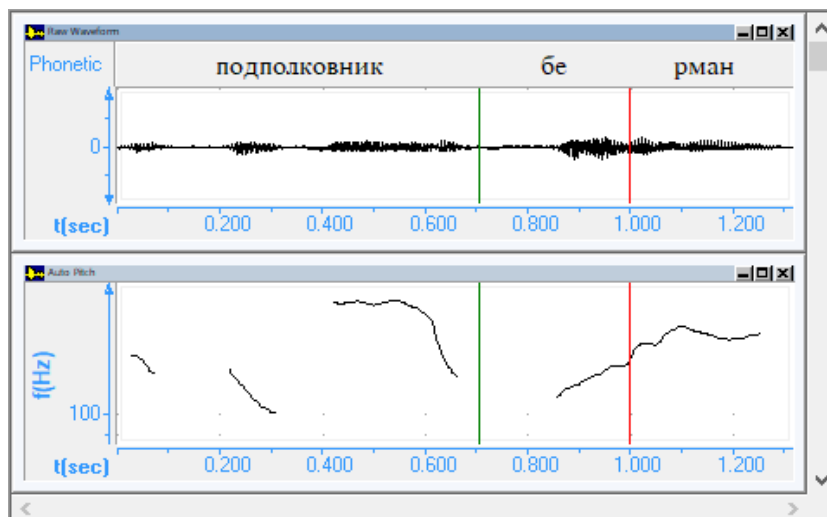

Рисунок 74 – Движение тона в акцентоносителе *Берман*

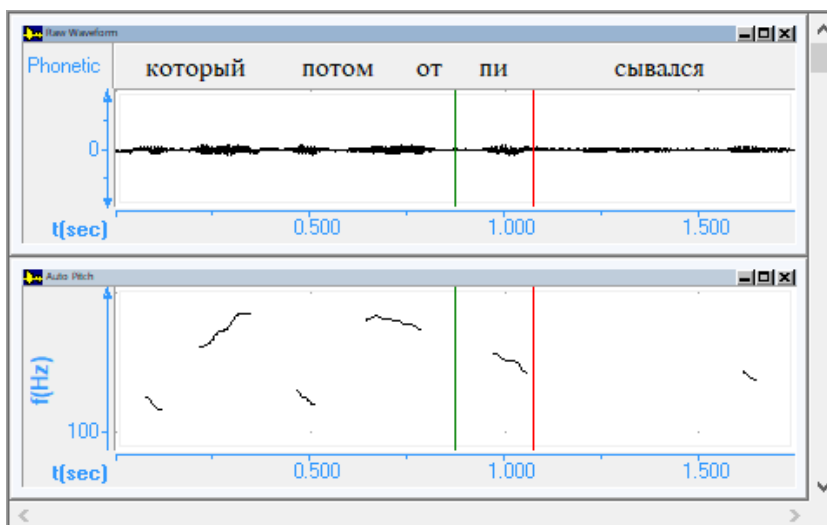

Рисунок 75 – Движение тона в акцентоносителе *отписывался*

(10) В районе Ельни я получил **ранение**, госпиталь полтора месяца в Калуге, а затем меня перебросили на северо-западный фронт. (М. С.)

По структуре высказывание является многокомпонентным сложным предложением. Можно сказать, что ситуация в данном примере совпадает с ситуацией, имеющей место в примере (9). В частности, здесь представлено три восходящих акцента типа ИК-3, которые указывают на незавершенность (Рисунки 76-78). Однако завершение высказывания озвучено говорящим плохо, поэтому мы не можем судить о движении тона в ударном слоге слова *фронт* (Рисунок 79). Но с большой долей уверенности можно предположить, что тон понижается, т.к. в предшествующих слогах наблюдается нисходящий тон.

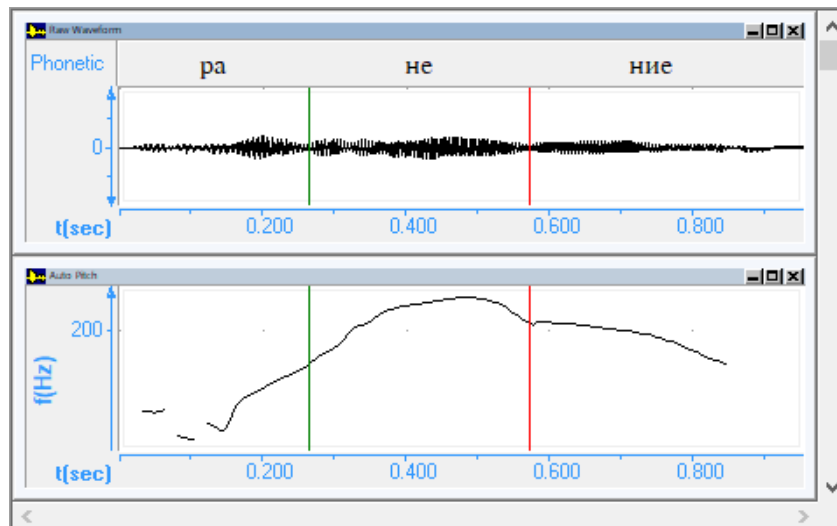

Рисунок 76 – Движение тона в акцентоносителе *ранение*

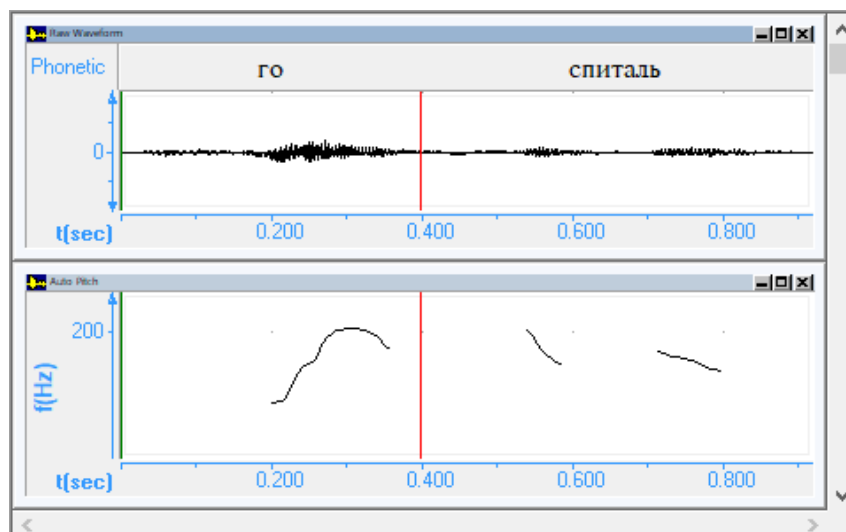

Рисунок 77 – Движение тона в акцентоносителе *госпиталь*

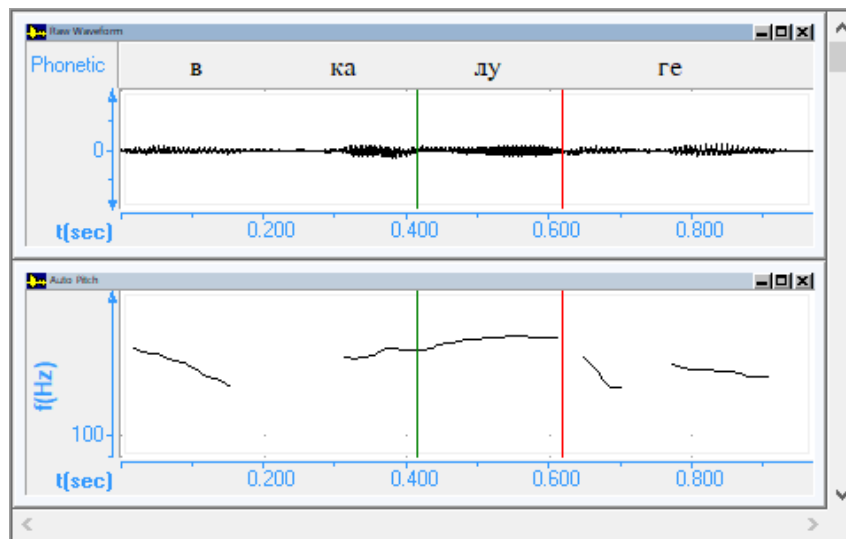

Рисунок 78 – Движение тона в акцентоносителе в *Калуге*

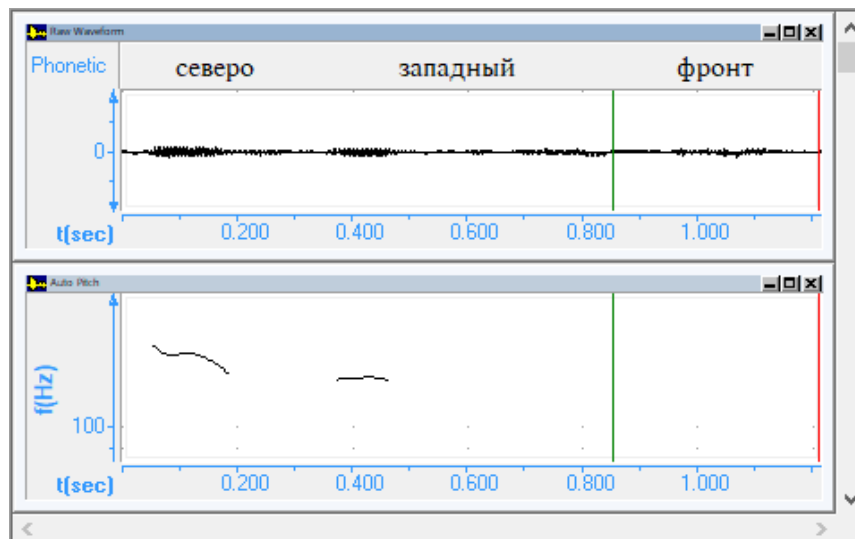

Рисунок 79 – Движение тона в акцентоносителе *фронт*

(11) *Война началась двадцать второго, двадцать пятого мы своей дивизией погрузились в эшелоны и третьего июля прибыли в район города Смоленск.* (М. С.)

Высказывание по форме представляет собой бессоюзное сложное предложение, во второй части которого есть однородные сказуемые. В начальном отрезке интонация довольно нетипична, т.к. просодически выделено слово *началась*, которое не является в данном контексте акцентированным на содержательном уровне, оно не включает значимую информацию, не выделено

логически. Возможно, этот «лишний» акцент появился, поскольку говорящий хотел по-иному сформулировать свою мысль. На вербальном уровне произошли изменения, а интонация не смогла под них подстроиться. Нетипична и интонация в отрезке *двадцать пятого мы*, т.к. слово *мы* получает усиленную акцентуацию по типу ИК-4. Однако здесь возможно наложение семантических характеристик на просодические (см. главу 2). Все акцентоносители, кроме последнего, содержат восходящий или восходяще-нисходящий тон (ИК-3 и ИК-4), маркирующие незавершенность (Рисунки 80-84). Последний акцентоноситель, характеризующийся использованием ИК-1, маркирует фазовое значение завершенности (Рисунок 85).

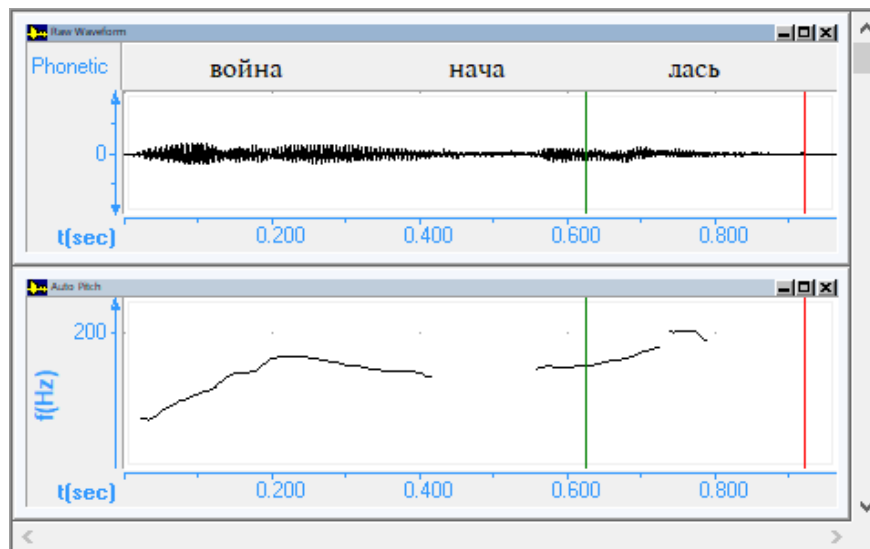

Рисунок 80 – Движение тона в акцентоносителе *началась*

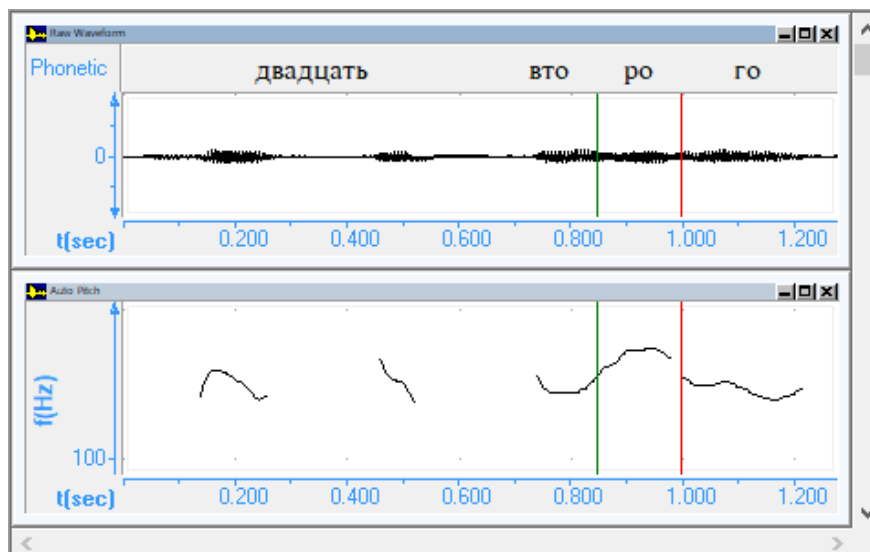

Рисунок 81 – Движение тона в акцентоносителе *второго*

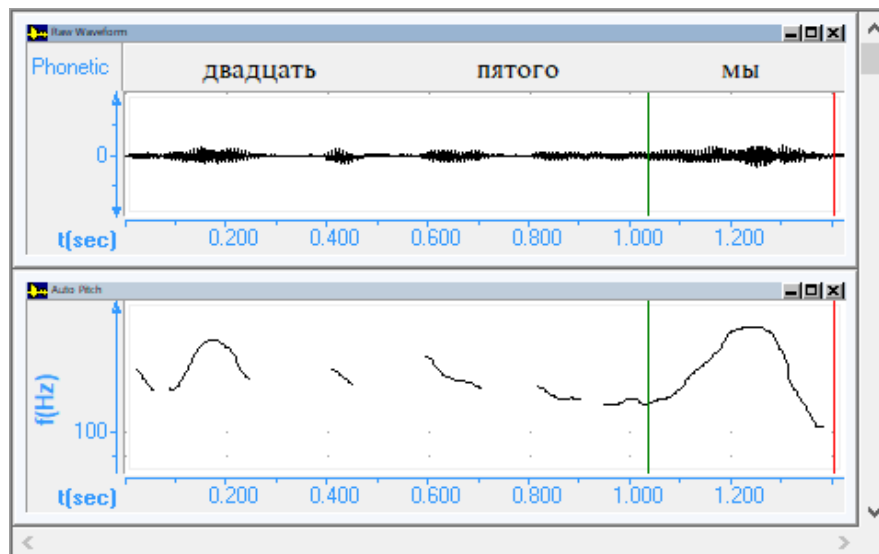

Рисунок 82 – Движение тона в акцентоносителе *мы*

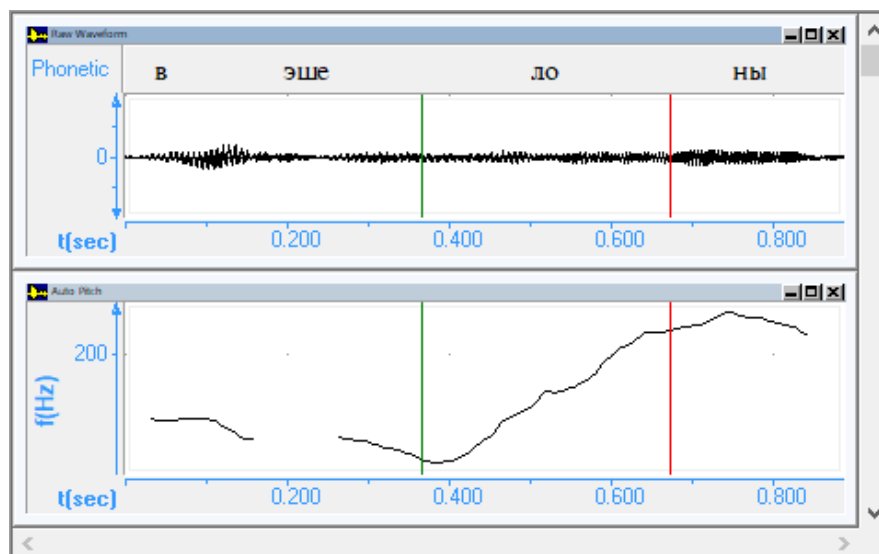
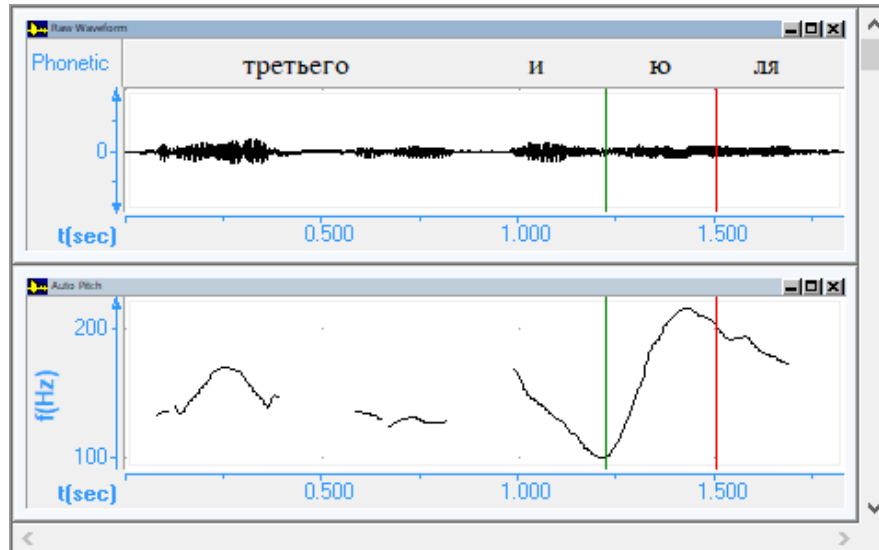
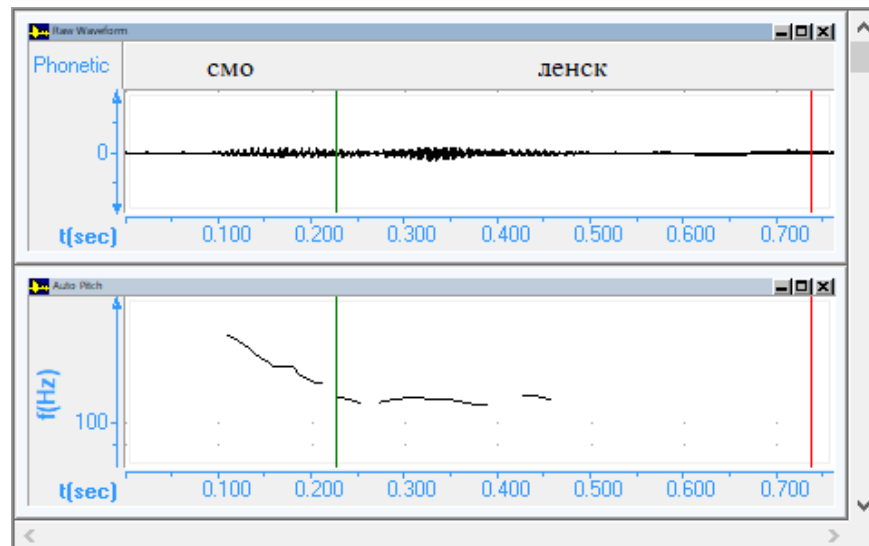

Рисунок 83 – Движение тона в акцентоносителе *в эшелоне ны*

Рисунок 84 – Движение тона в акцентоносителе *июля*Рисунок 85 – Движение тона в акцентоносителе *Смоленск*

(12) *И впервые в июле сорок первого года, когда армия отходила, мы перешли в контрнаступление.* (М. С.)

С точки зрения формального синтаксиса, высказывание относится к сложноподчиненным предложениям. *Когда армия отходила* – зависимая клауза, произнесенная, как показывает график на Рисунке 87, с понижением тона на ударном слоге акцентоносителя (тип ИК-1). Эта клауза может произноситься с повышением тона. В таком случае говорящий будет демонстрировать незавершенность высказывания. Здесь же незавершенность остается невыраженной, а зависимая клауза, содержащая нисходящий акцент, в некоторой степени отделяется от остального текста. В начальном отрезке происходит

закономерное повышение тона на ударном слоге акцентоносителя, сигнализирующее о незавершенности (Рисунок 86), а в конечном отрезке – вполне ожидаемое понижение тона, маркирующее конец высказывания (Рисунок 88).

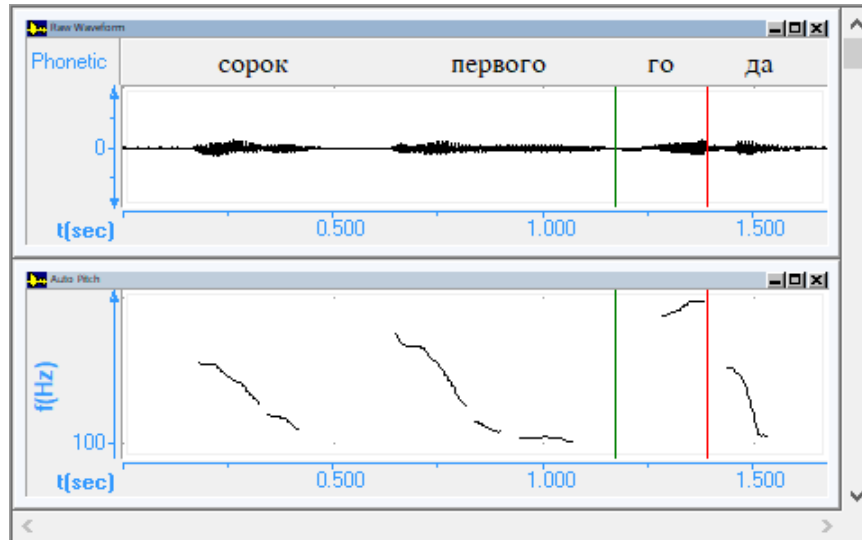

Рисунок 86 – Движение тона в акцентоносителе *года*

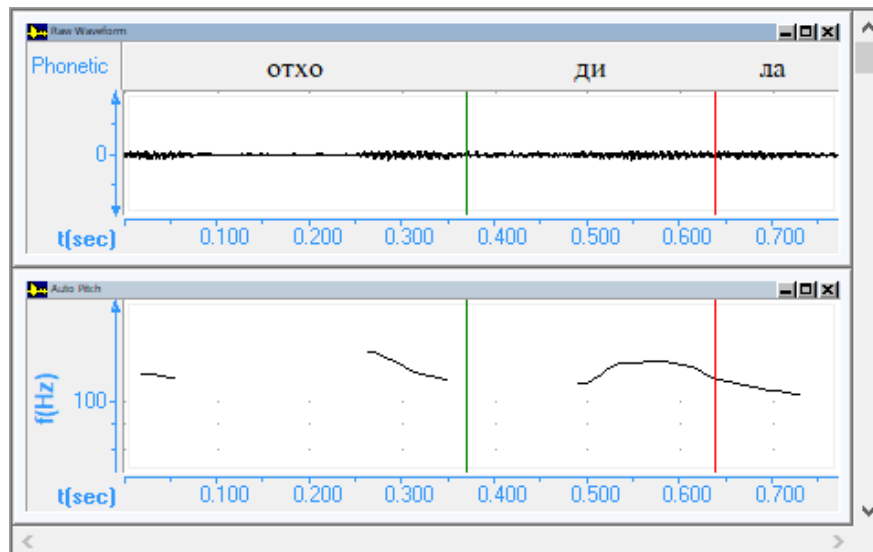

Рисунок 87 – Движение тона в акцентоносителе *отходила*

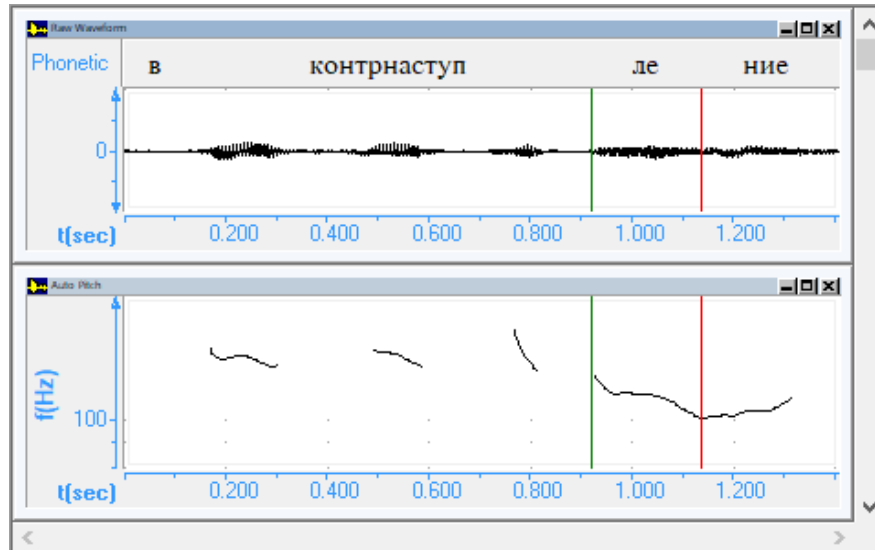

Рисунок 88 – Движение тона в акцентоносителе в *контрнаступлении*

(13) *Наши оборону заняли, не доезжая Смоленска, но так как немец сорок шестым мотострелковым корпусом не мог овладеть городом Смоленском, прорыв сделал южнее и захватил город Ельня.* (М. С.)

Анализируемое высказывание представляет собой многокомпонентное сложное предложение. С точки зрения маркирования фазовых значений завершенности / незавершенности, здесь все довольно закономерно: за несколькими восходящими акцентами типа ИК-3, выражающими значение незавершенности (Рисунки 89-91), следует завершающее понижение тона (ИК-1), изображенное на Рисунке 92.

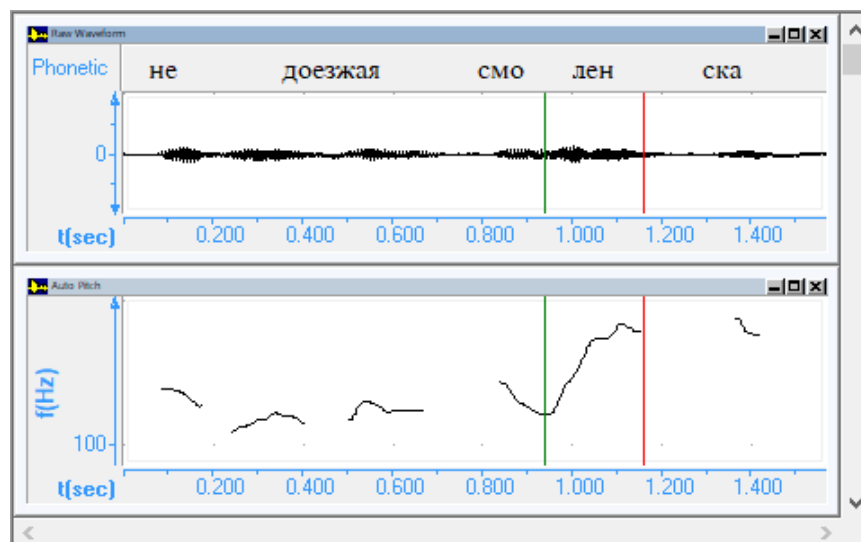

Рисунок 89 – Движение тона в акцентоносителе *Смоленска*

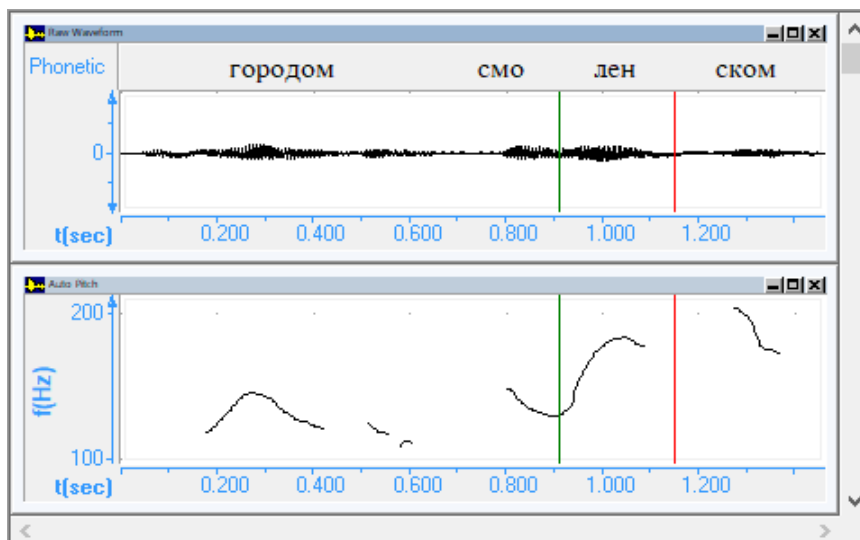

Рисунок 90 – Движение тона в акцентоносителе *Смоленском*

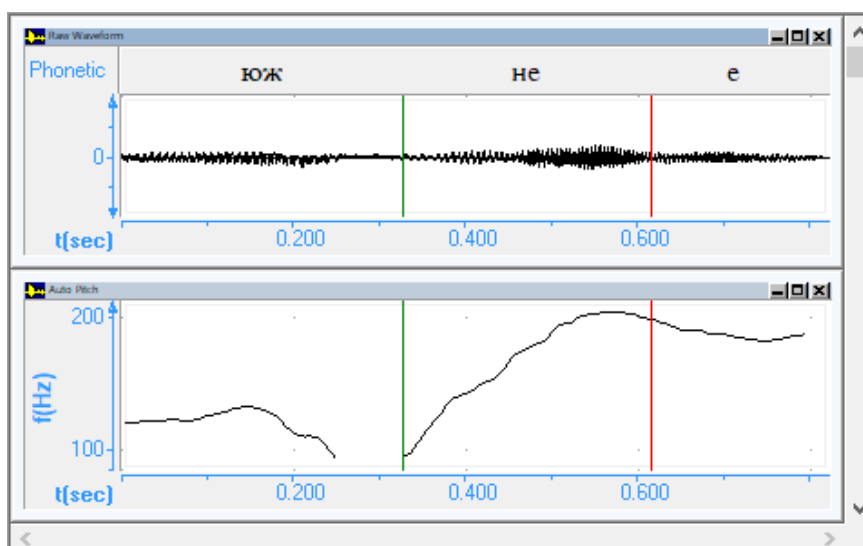

Рисунок 91 – Движение тона в акцентоносителе *южнее*

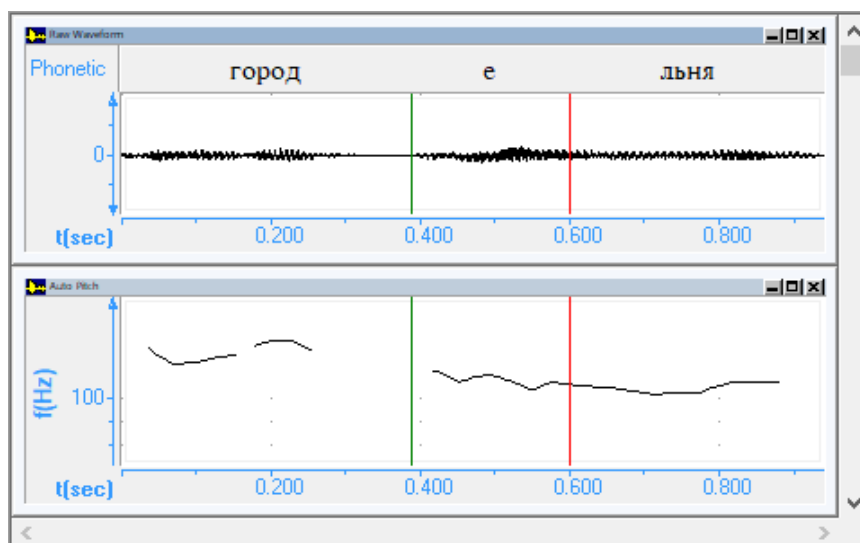

Рисунок 92 – Движение тона в акцентоносителе *Ельня*

(14) *Поселились в деревне, жили там до тридцать восьмого года.* (М. С.)

Здесь мы наблюдаем следующую ситуацию: в высказывании содержится восходящий акцент, очевидно, выражающий фазовое значение незавершенности (Рисунок 93), и плохо озвученное или не озвученное вовсе завершение высказывания (Рисунок 94). Однако можно предположить, что, как и в примере (7), акцентоноситель содержит нисходящий акцент, т.к. предупредные слоги оформлены с помощью понижения тона типа ИК-1.

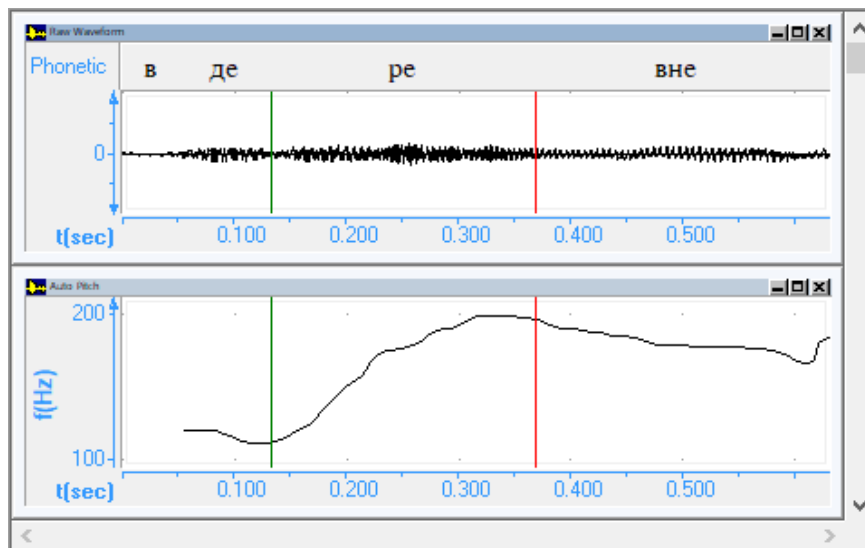

Рисунок 93 – Движение тона в акцентоносителе *в деревне*

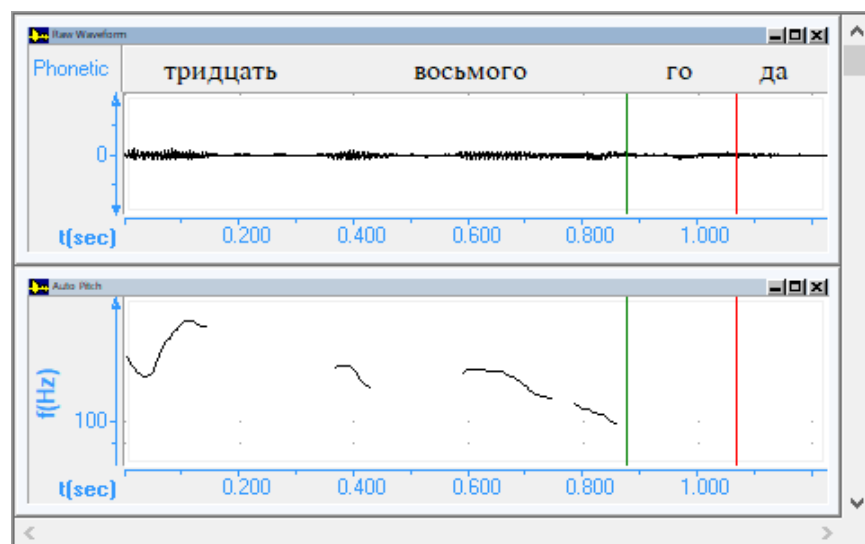
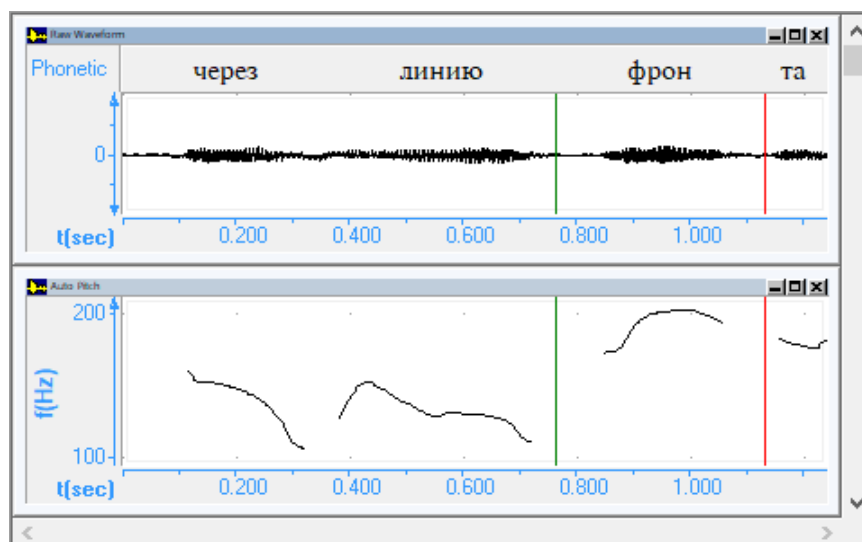
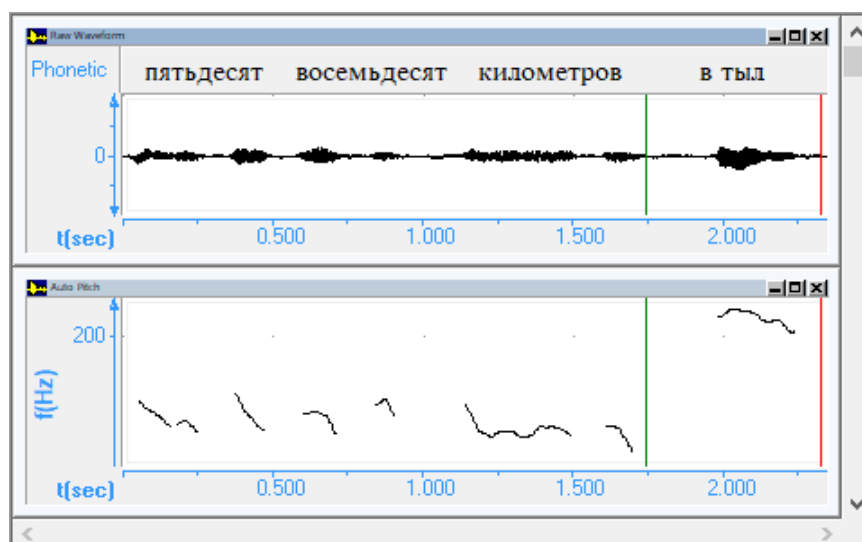
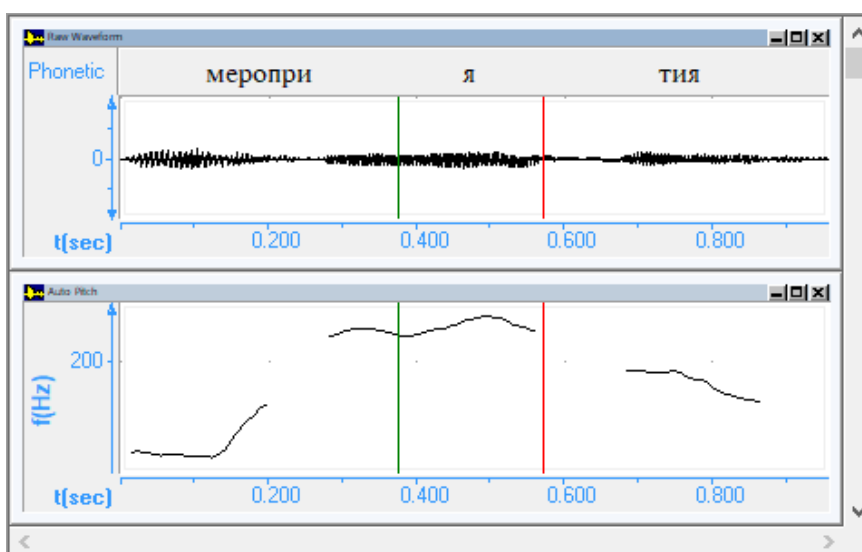

Рисунок 94 – Движение тона в акцентоносителе *года*

(15) *Продвигались в тыл через линию фронта, уходили на пятьдесят–восемьдесят километров в тыл, организовывали диверсионные мероприятия,*

взрывали эшелоны, подминировали железную дорогу и организовывали нападения на отдыхающих, формирующие воинские подразделения, которые находились на формировании в глубоком тылу. (М. С.)

По синтаксическим характеристикам высказывание представляет собой сложное многокомпонентное предложение. Акцентоносителей в данном высказывании довольно много. Движение тона в акцентах может быть восходящим по типу ИК-3 (*через линию фронта* – Рисунок 95), восходяще-нисходящим по типу ИК-4 (*взрывали эшелоны* – Рисунок 98), нисходящим по типу ИК-1 (*в глубоком тылу* – Рисунок 101), ровным (*воинские подразделения* – Рисунок 100) и ровным с небольшим понижением (*пятьдесят–восемьдесят километров в тыл* – Рисунок 96). Два последних акцента входят в состав ИК-1 и ИК-3 соответственно, т.к. в первом случае в предударных слогах происходит понижение тона и уровень частоты основного тона выше, чем в ударном слоге (Рисунок 100), а во втором случае уровень частоты основного тона в предударных слогах значительно ниже, чем в ударном слоге, т.е. ударный слог произносится с повышением интонации, что и позволяет отнести всю конструкцию к ИК-3 (Рисунок 96). Акценты типа ИК-3 и ИК-4, находящиеся не в конце высказывания (Рисунки 97-99), маркируют незавершенность (интонация запятой и перечислительная интонация). Акцент типа ИК-1, находящийся в конце высказывания (Рисунок 101), маркирует завершенность (правда, ударный слог в абсолютном конце высказывания снова плохо озвучен). Акцент типа ИК-1, стоящий перед зависимой клаузой, не может маркировать завершенность, он скорее отделяет зависимую клаузу от предшествующего ей фрагмента (Рисунок 100).

Рисунок 95 – Движение тона в акцентоносителе *фронта*Рисунок 96 – Движение тона в акцентоносителе *в тыл*Рисунок 97 – Движение тона в акцентоносителе *мероприятия*

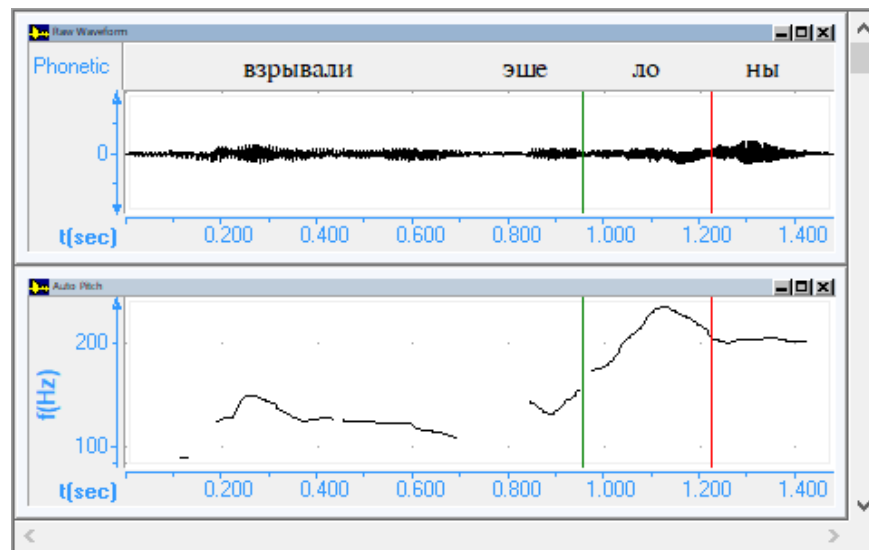

Рисунок 98 – Движение тона в акцентоносителе *эшелоны*

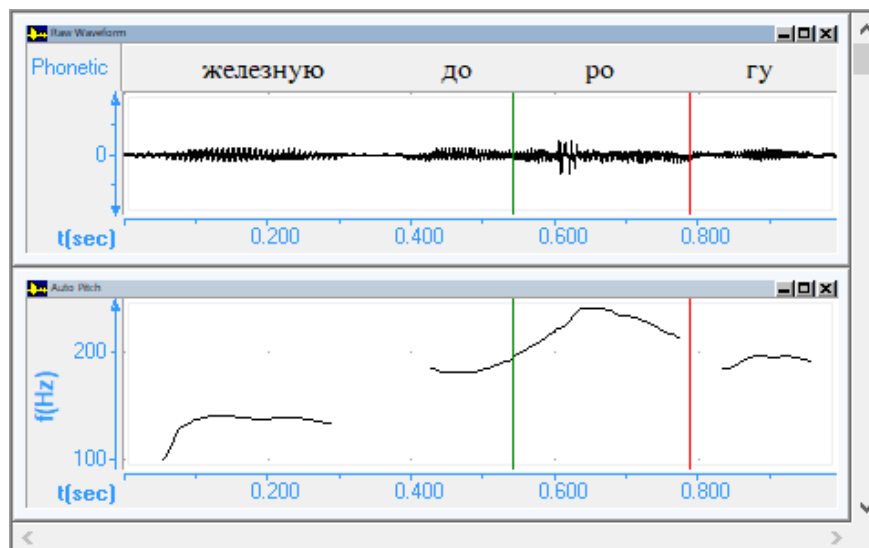

Рисунок 99 – Движение тона в акцентоносителе *дорогу*

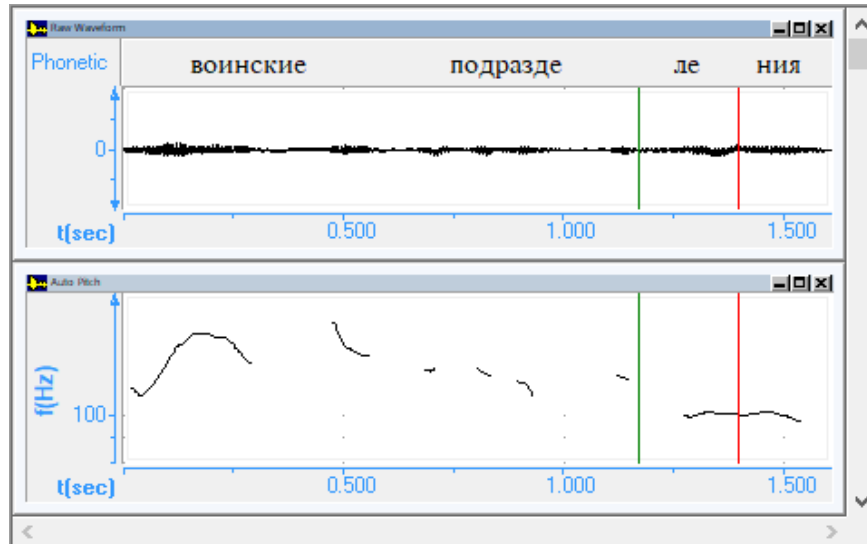

Рисунок 100 – Движение тона в акцентоносителе *подразделения*

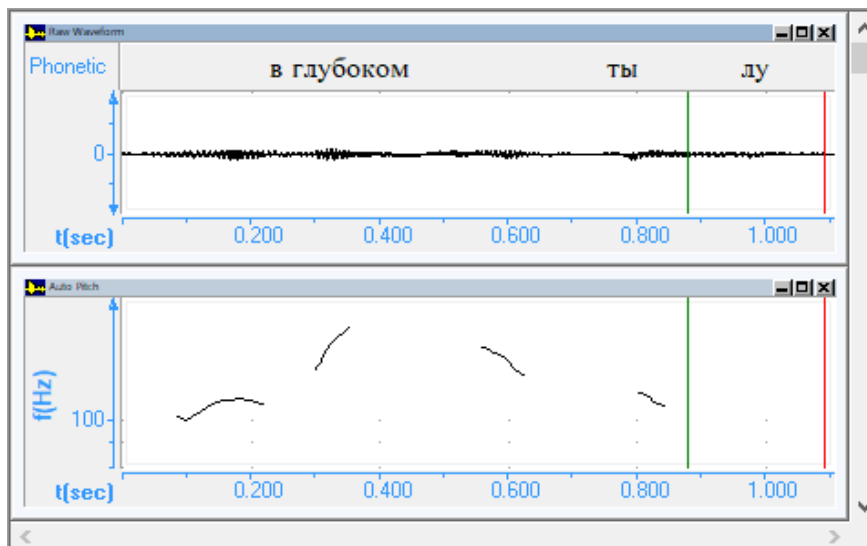

Рисунок 101 – Движение тона в акцентоносителе *тылу*

(16) Там, по указанию начальника штаба **фронта** генерал-лейтенанта **Ватутина** Николай Федоровича, мне было **предложено** сформировать дивизионно-истребительный **отряд** в количестве ста тридцати пяти **человек**, который будет выполнять **задания** штаба **фронта** по выполнению заданий в тылу **противника**. (М. С.)

С точки зрения формального синтаксиса, это высказывание является сложноподчиненным предложением. Однако структура его довольно громоздкая, множество слов говорящий выделяет интонационно, акцентируя на них внимание слушающего: наблюдается нисходяще-восходящее движение тона (Рисунок 102), а также три восходящих акцента типа ИК-3 (Рисунки 106-108). При этом

высказывание содержит нисходящие акценты, не маркирующие завершенность: во фрагментах *Ватутина Николая Федоровича* (Рисунок 103), *мне было предложено* (Рисунок 104), *дивизионно-истребительный отряд* (Рисунок 105). Эти нисходящие акценты типа ИК-1 можно легко заменить восходящими акцентами типа ИК-3, маркирующими незавершенность. Последний акцент с нисходящим движением тона (ИК-1) выражает значение завершенности (Рисунок 109).

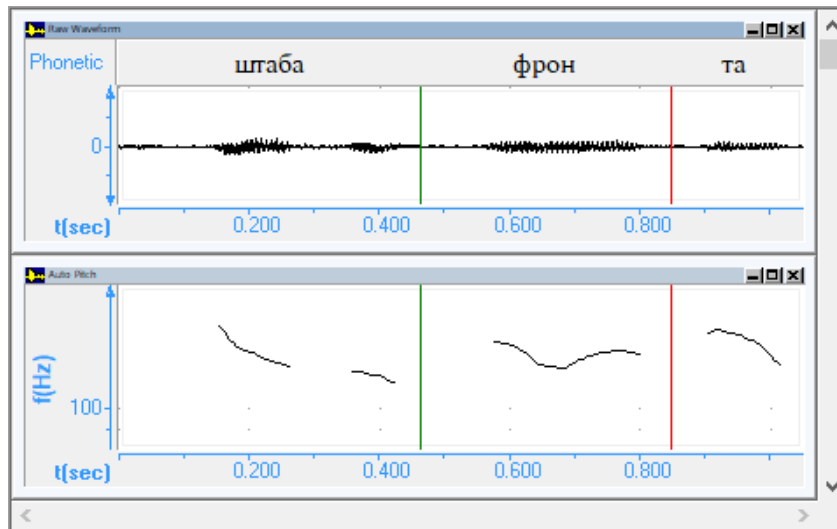

Рисунок 102 – Движение тона в акцентоносителе *фронта*

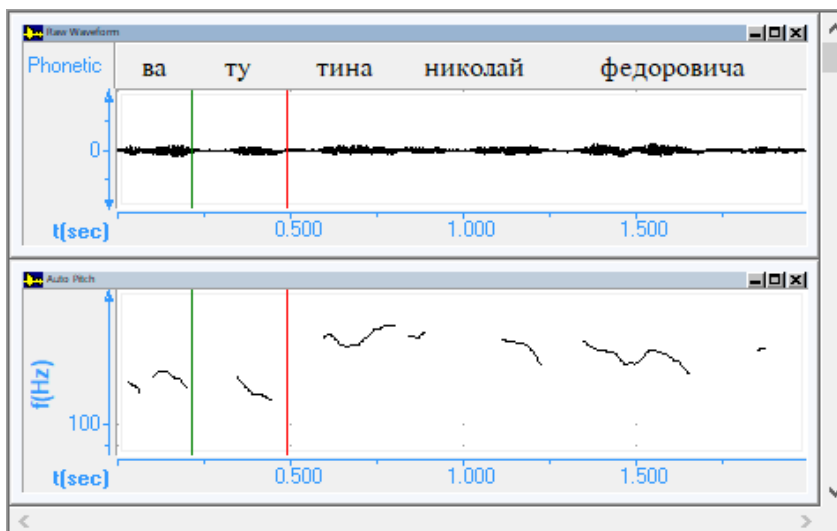

Рисунок 103 – Движение тона в акцентоносителе *Ватутина*

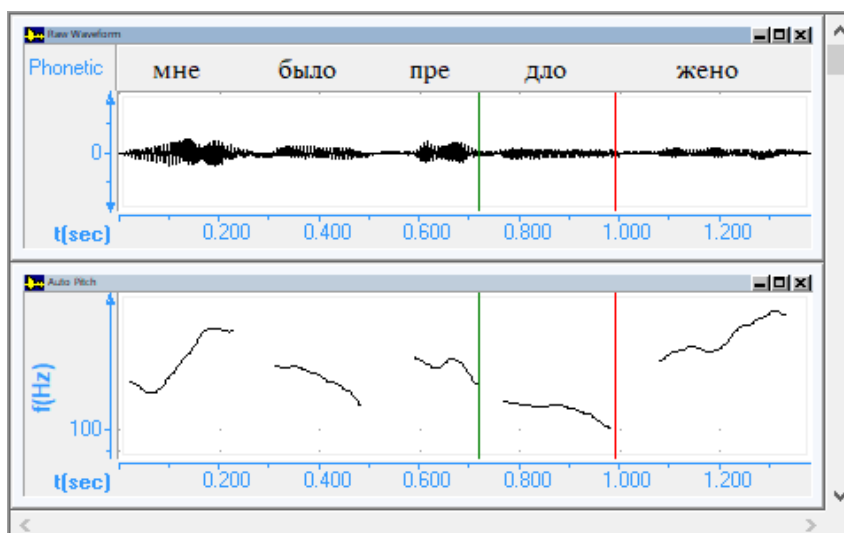

Рисунок 104 – Движение тона в акцентоносителе *предложено*

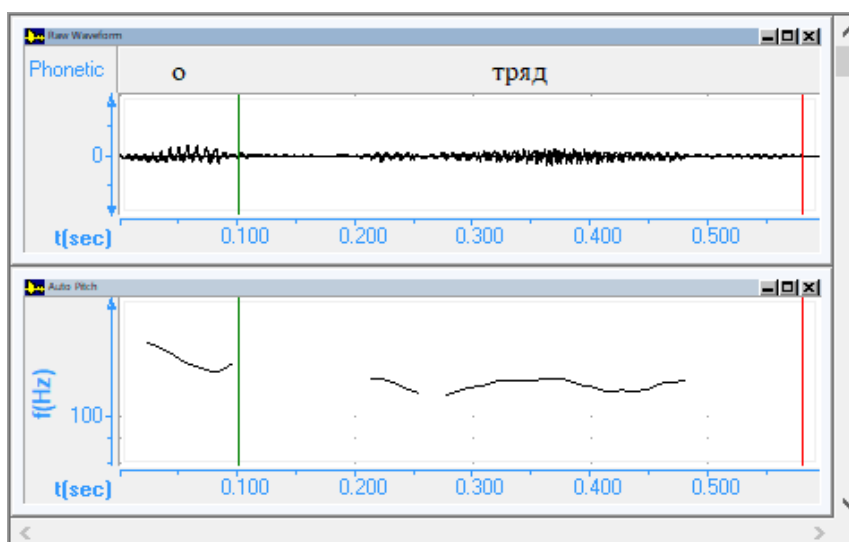

Рисунок 105 – Движение тона в акцентоносителе *отряд*

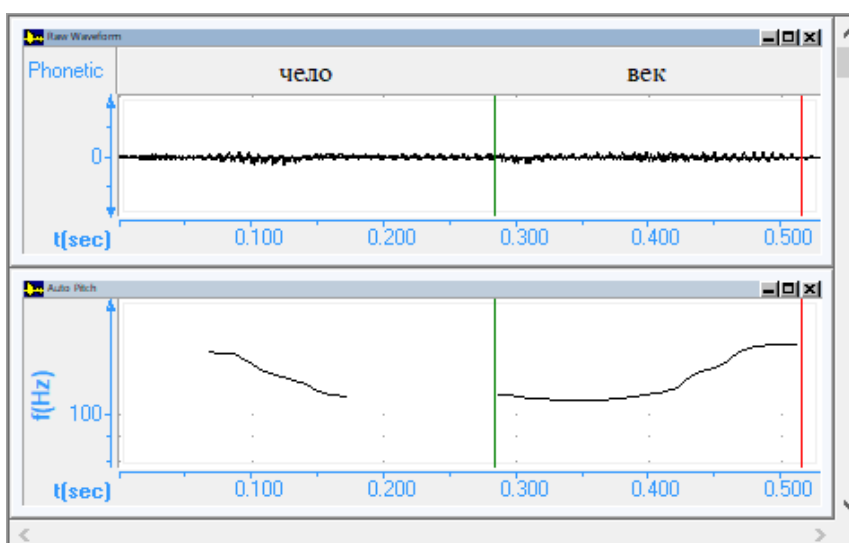

Рисунок 106 – Движение тона в акцентоносителе *человек*

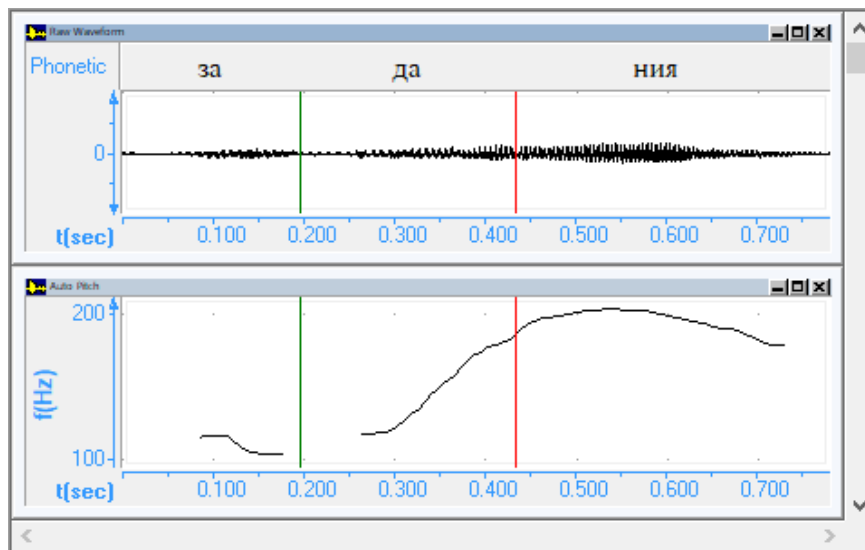

Рисунок 107 – Движение тона в акцентоносителе *задания*

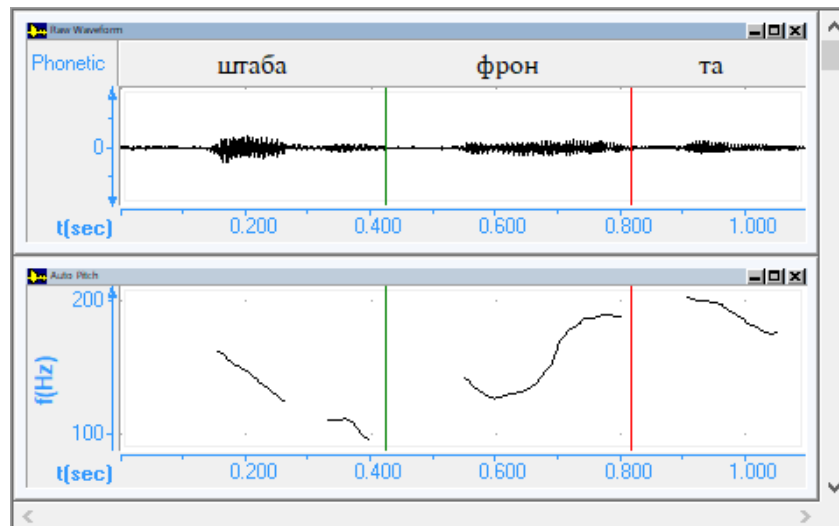

Рисунок 108 – Движение тона в акцентоносителе *фронта*

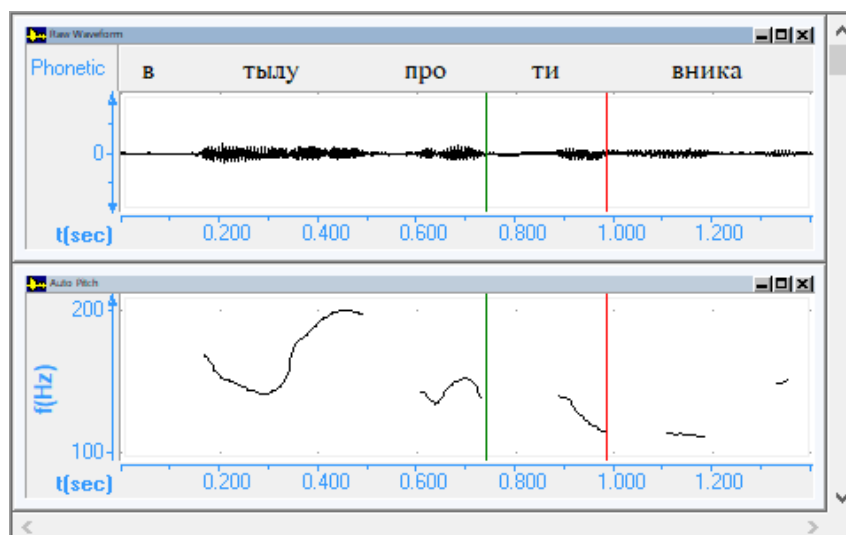

Рисунок 109 – Движение тона в акцентоносителе *противника*

(17) *А потом прошло где-то время **полгода**, мы собрали **домик сборный щитовой** в воинской **части**, то там я получил квартиру уже **более-менее**. (Д. Д.)*

По форме рассматриваемый фрагмент является сложным многокомпонентным предложением. В начале высказывания наблюдается повышение тона, типичное для фазового значения незавершенности (Рисунок 110). Далее – небольшое повышение, выражающее аналогичное значение (Рисунок 111). Оба описанных акцента относятся к ИК-3. Затем следует отрезок, просодически выделенный говорящим (*сборный щитовой*) и оформленный конструкцией с понижением тона (ИК-1). В данном случае понижение тона не маркирует завершенность, а незавершенность остается невыраженной (Рисунок 112). Далее следует отрывок, который, видимо, нужен говорящему для некоторого уточнения своей мысли. Он оформлен с помощью ИК-1. Выбранная интонация, типичная для фазового значения завершенности, в данном случае снова такое значение не выражает (Рисунок 113). Далее – конечный отрезок, характеризующийся нисходящим тоном (ИК-1) на ударном слоге акцентоносителя. В абсолютном конце высказывания акцент данного типа маркирует фазовое значение завершенности (Рисунок 114).

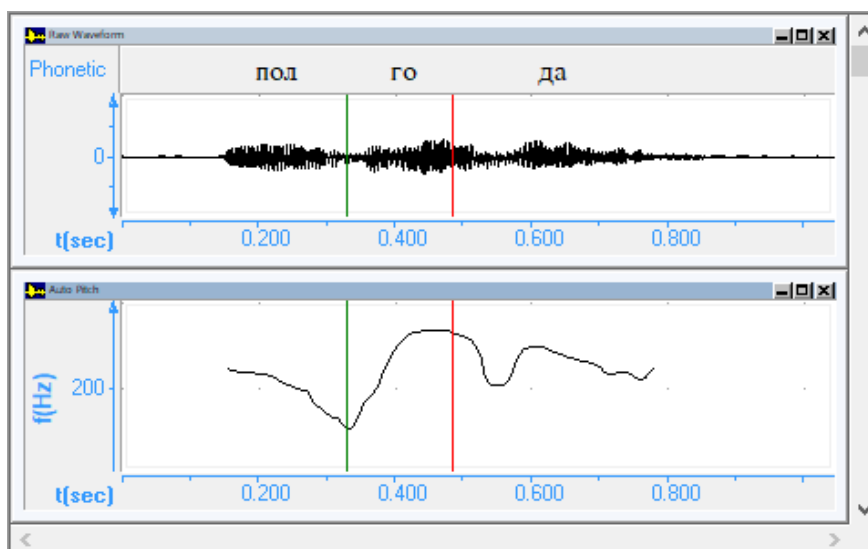

Рисунок 110 – Движение тона в акцентоносителе *полгода*

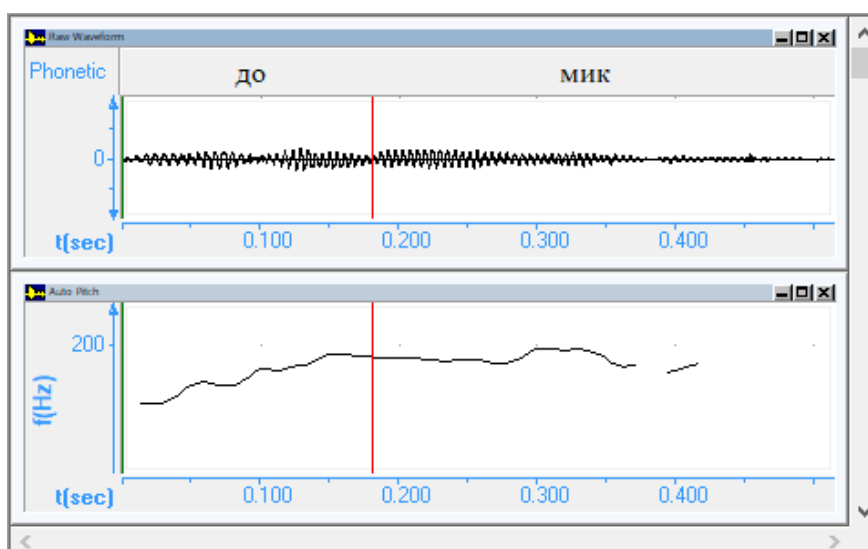

Рисунок 111 – Движение тона в акцентоносителе *домик*

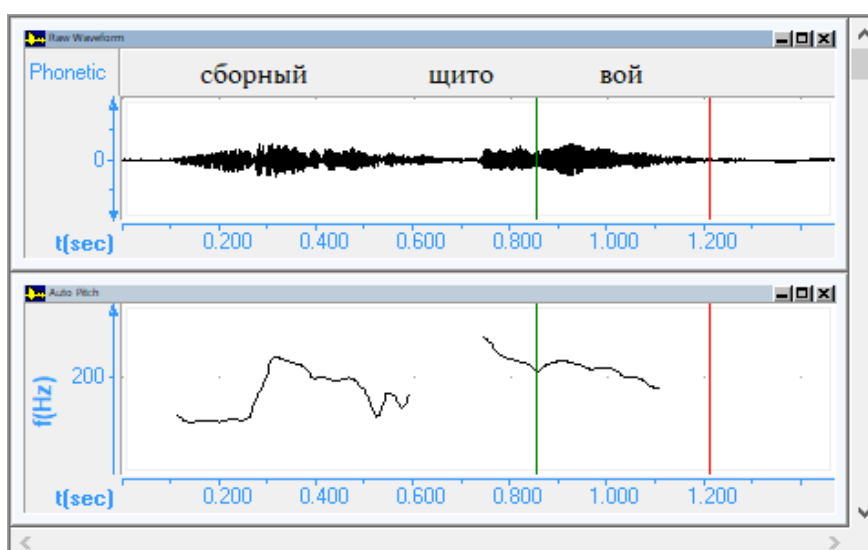

Рисунок 112 – Движение тона в акцентоносителе *щитовой*

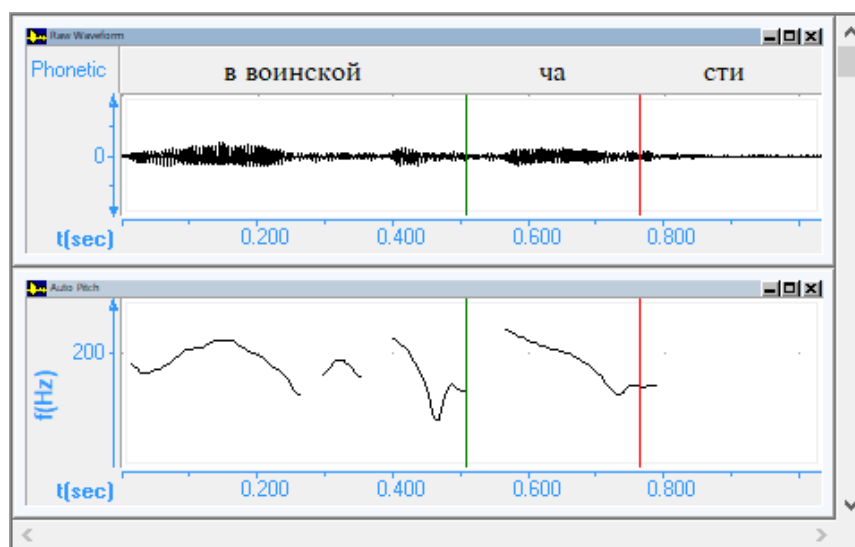

Рисунок 113 – Движение тона в акцентоносителе *части*

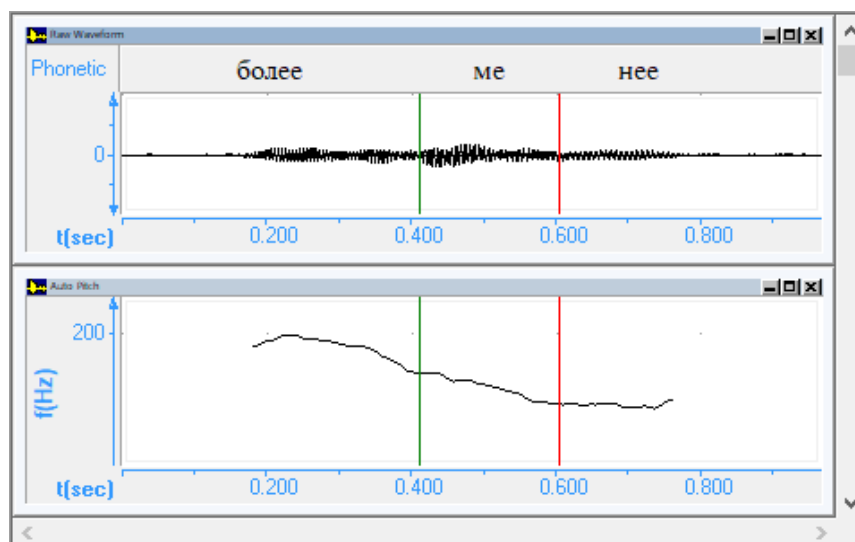

Рисунок 114 – Движение тона в акцентоносителе *более-менее*

(18) *В городе были предприятия, радиозавод, завод Куйбышева, карданных валов и другие, которые я занимался пропагандой их технического прогресса.* (Д. Д.)

В главной клаузе сложноподчиненного предложения представлен ряд однородных подлежащих, произносимых с типичной перечислительной интонацией (ИК-4). Движение тона в каждом из слов-акцентоносителей, относящихся к этому перечислительному ряду, изображено на Рисунках 116-121. Кроме того, в высказывании есть восходящий акцент типа ИК-3 (акцентоноситель

в городе), маркирующий незавершенность (Рисунок 115), и нисходящий акцент в конце фрагмента (Рисунок 122).

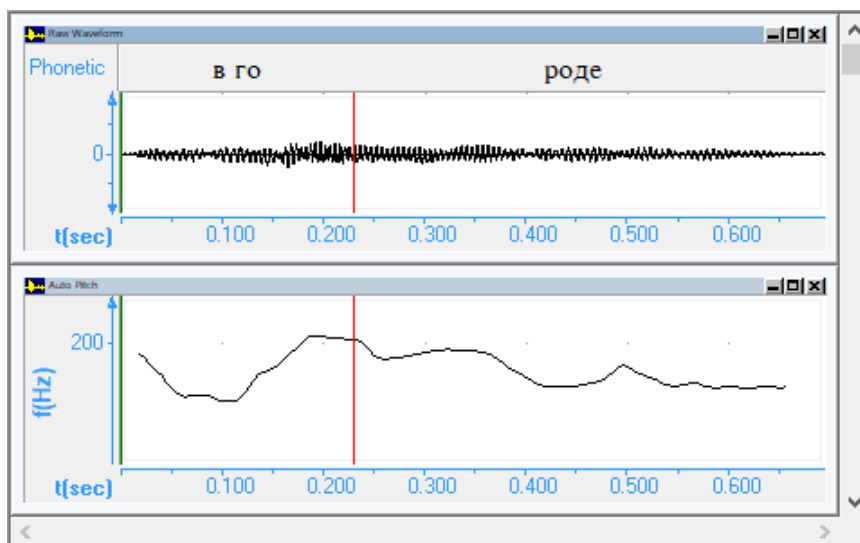

Рисунок 115 – Движение тона в акцентоносителе *в городе*

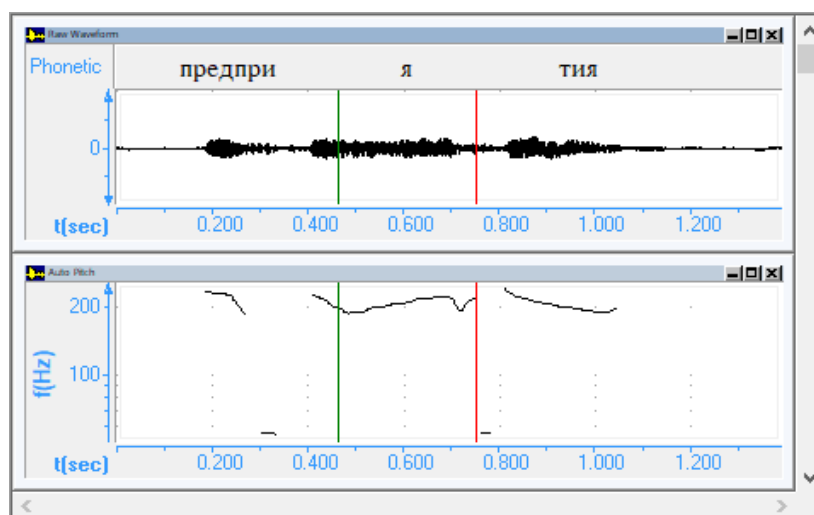
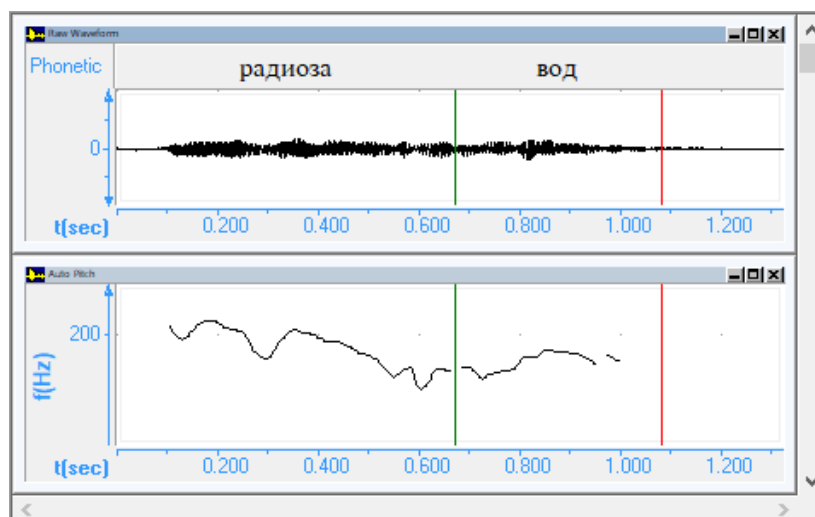
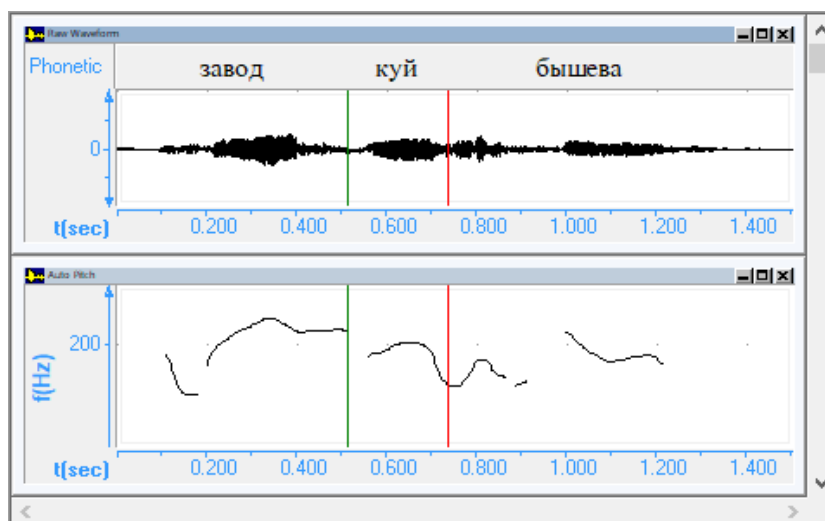
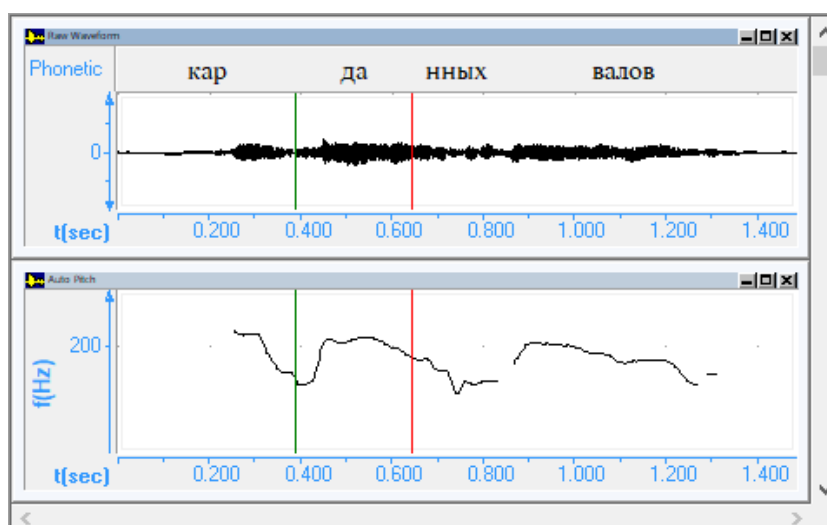
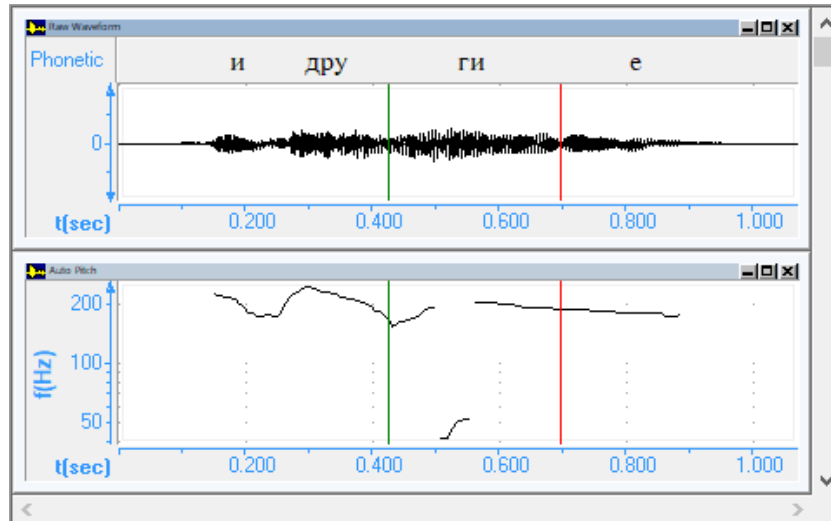
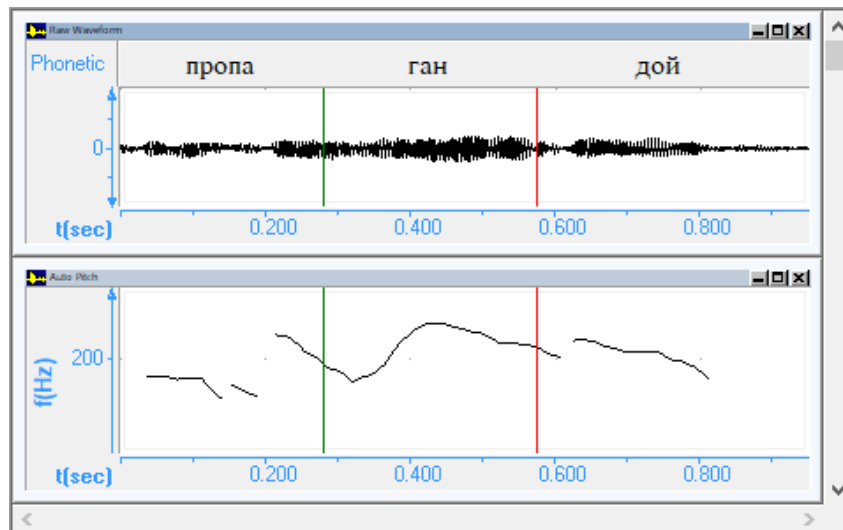
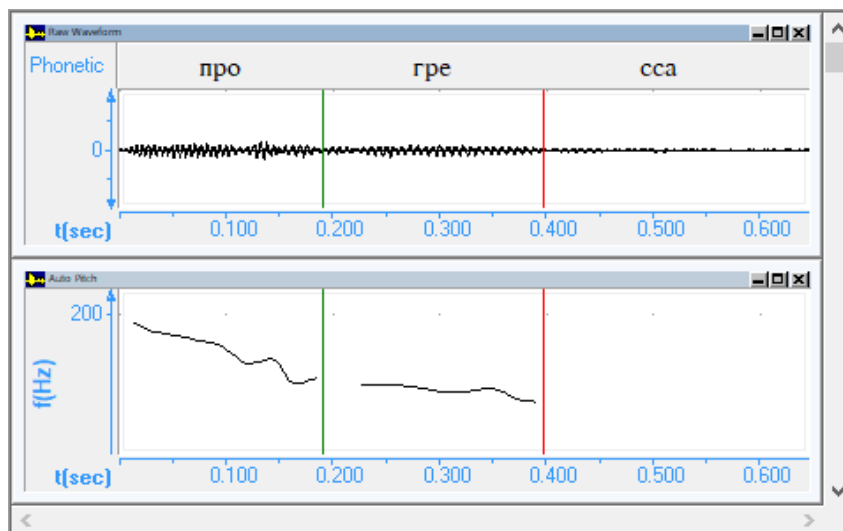

Рисунок 116 – Движение тона в акцентоносителе *предприятия*

Рисунок 117 – Движение тона в акцентоносителе *радио завод*Рисунок 118 – Движение тона в акцентоносителе *Куйбышева*Рисунок 119 – Движение тона в акцентоносителе *карданных*

Рисунок 120 – Движение тона в акцентоносителе *другие*Рисунок 121 – Движение тона в акцентоносителе *пропагандой*Рисунок 122 – Движение тона в акцентоносителе *прогресса*

(19) *В мою задачу входило проведение семинаров, совещаний, конференций межотраслевых, выставок межотраслевых, дни науки и техники стран народов демократии – все это я проводил.* (Д. Д.)

В данном высказывании, по форме соответствующем бессоюзному сложному предложению, говорящий акцентирует множество слов. Это происходит по причине наличия большого числа длинных, интонационно значимых пауз, отделяющих одно слово от другого. Все акценты, кроме последнего, можно соотнести с ИК-4, которая используется при перечислении и может маркировать незавершенность (Рисунки 123-127). Последний акцент выражает завершенность и соответствует ИК-1 (Рисунок 128).

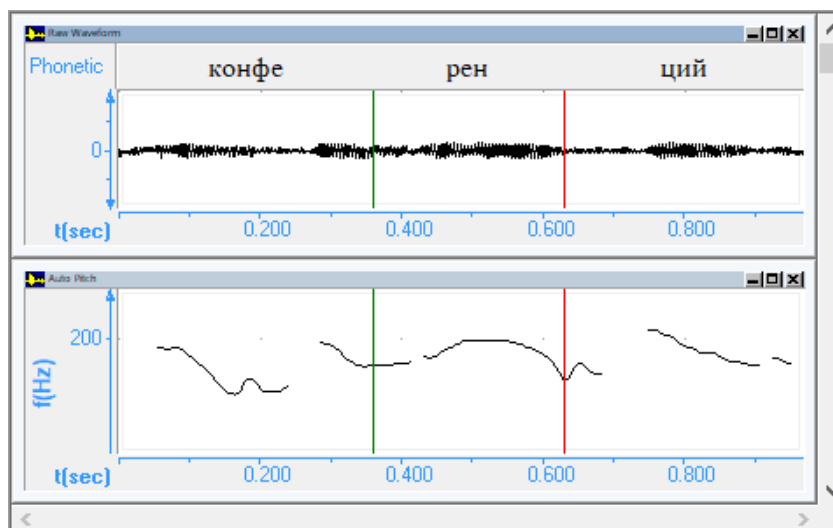

Рисунок 123 – Движение тона в акцентоносителе *конференций*

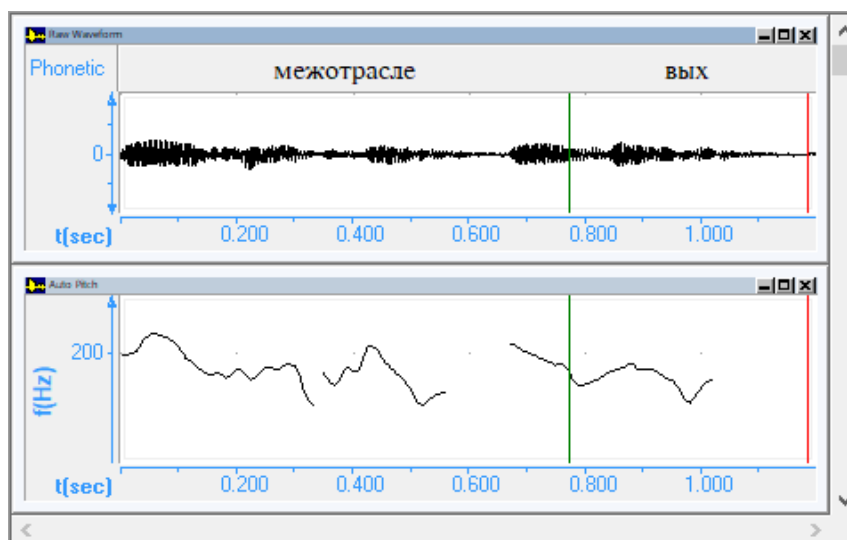

Рисунок 124 – Движение тона в акцентоносителе *межотраслевых*

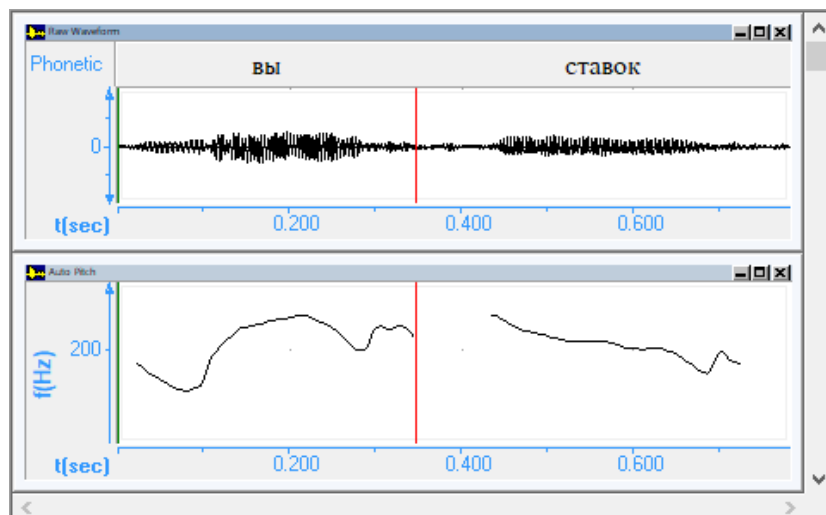

Рисунок 125 – Движение тона в акцентоносителе *выставок*

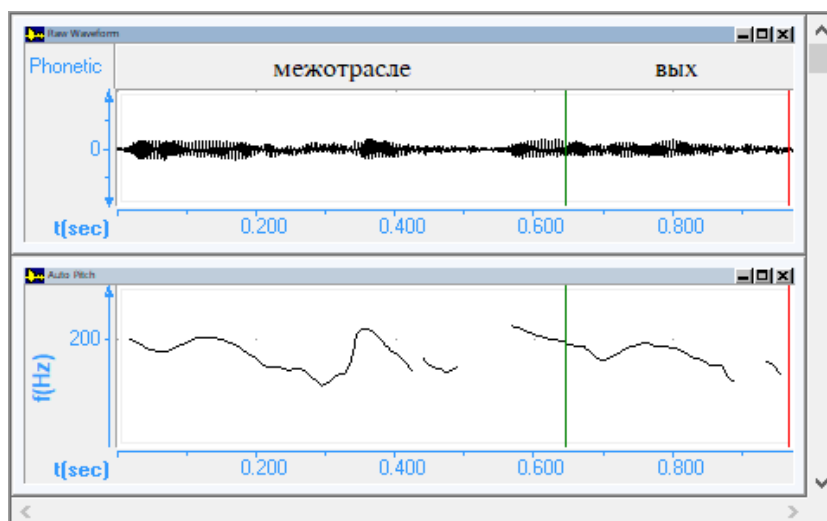

Рисунок 126 – Движение тона в акцентоносителе *межотраслевых*

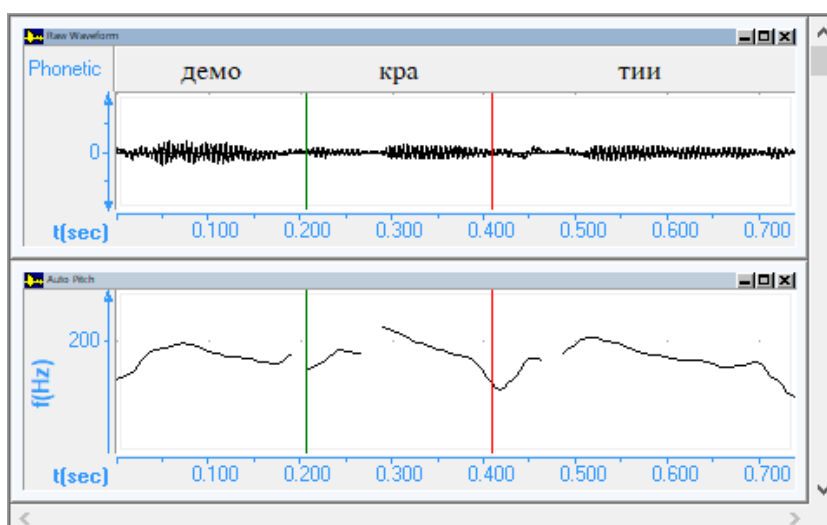

Рисунок 127 – Движение тона в акцентоносителе *демократии*

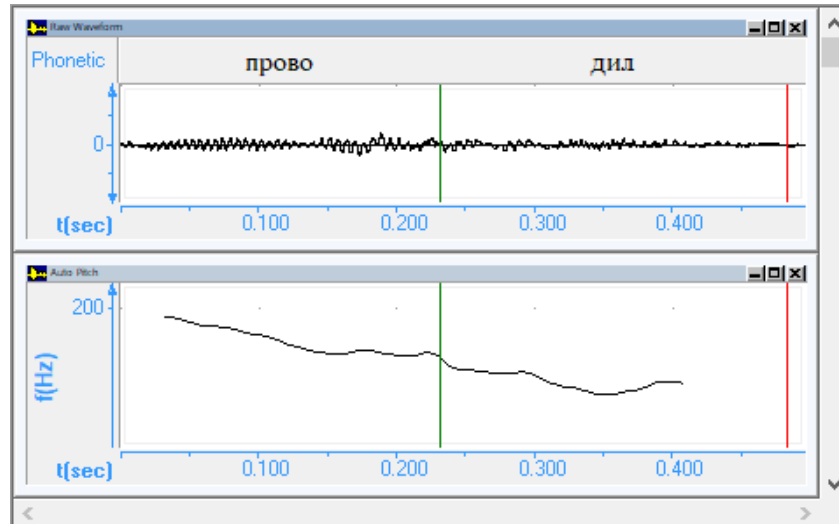

Рисунок 128 – Движение тона в акцентоносителе *проводил*

(20) *Все это со временем создавалось, и город со временем преобразовался.*

(Д. Д.)

Высказывание оформлено в виде сложносочиненного предложения. Первая клауза заканчивается словом-акцентоносителем *создавалось*, содержащим восходящий акцент, маркирующий незавершенность (Рисунок 129). Вторая клауза заканчивается словом-акцентоносителем *преобразовался* с нисходящим акцентом, маркирующим завершенность (Рисунок 130).

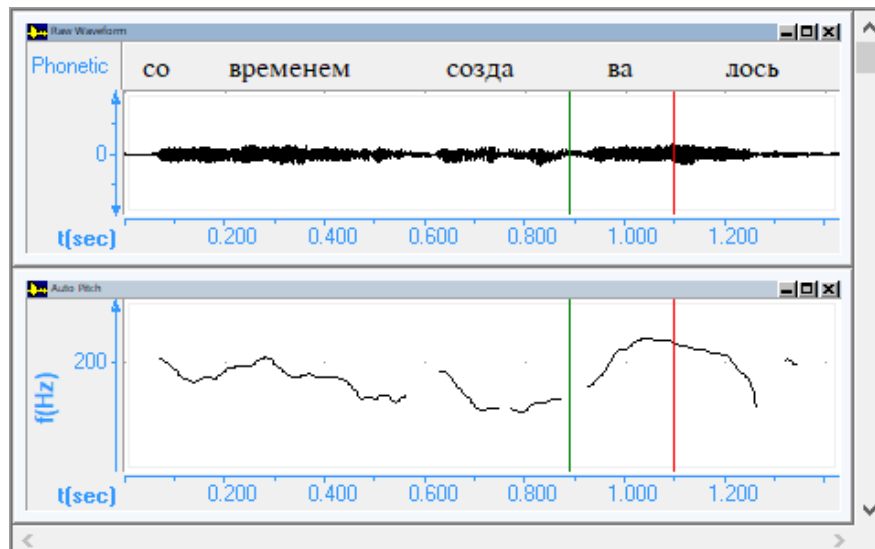

Рисунок 129 – Движение тона в акцентоносителе *создавалось*

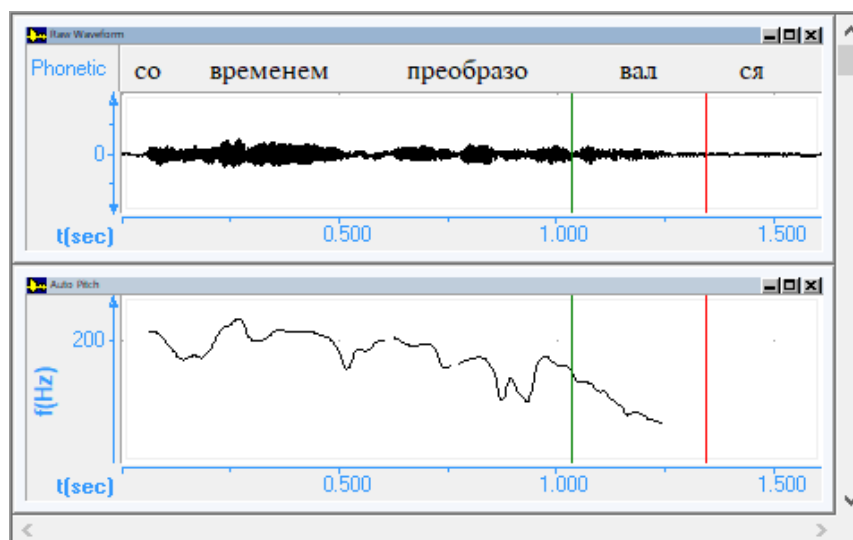

Рисунок 130 – Движение тона в акцентоносителе *преобразовался*

(21) *Значит, когда приехал сюда, то впечатления мои были не очень хорошие.* (Д. Д.)

Высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение. Внутри него находим три акцентоносителя. Первый (*сюда*) произносится с повышением тона типа ИК-3, которое сигнализирует о незавершенности высказывания (Рисунок 131). Вторым акцентоносителем (*не очень*) оформлен с помощью ИК-1 (Рисунок 132). Если бы за этим акцентоносителем не последовало продолжение, то движение тона в нем было бы сигналом значения завершенности. Однако далее следует еще один акцентоноситель, характеризующийся нисходящим тоном. Анализируемый пример очень интересен в аспекте особенностей интонации неподготовленного, спонтанного высказывания. Возможно, говорящий хотел поставить точку после слова *не очень*, которое в данном контексте выражает скорее отрицательную оценку, и произнес его с нисходящим акцентом, однако затем решил смягчить сказанное и добавил прилагательное с положительной оценкой (*хорошие*), снова пользуясь нисходящим тоном типа ИК-1 (Рисунок 133). В пользу такой трактовки свидетельствует и пауза после слова *не очень*.

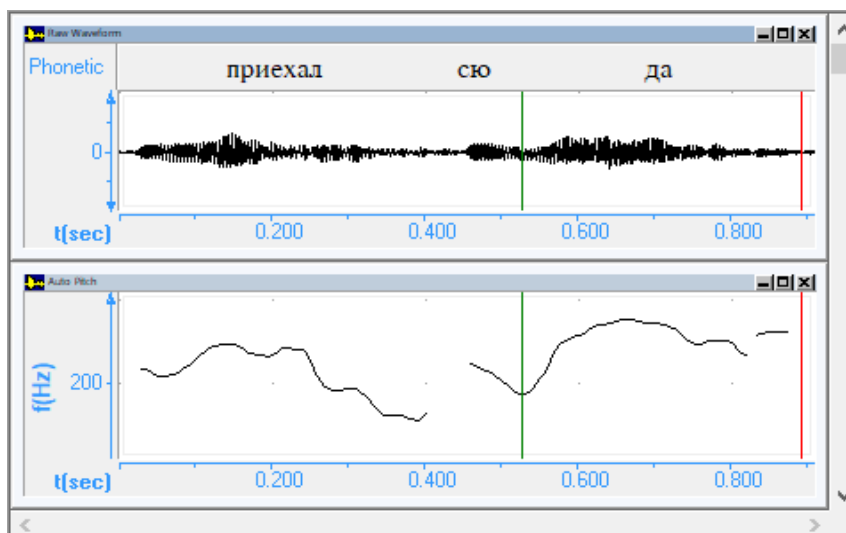

Рисунок 131 – Движение тона в акцентоносителе *сюда*

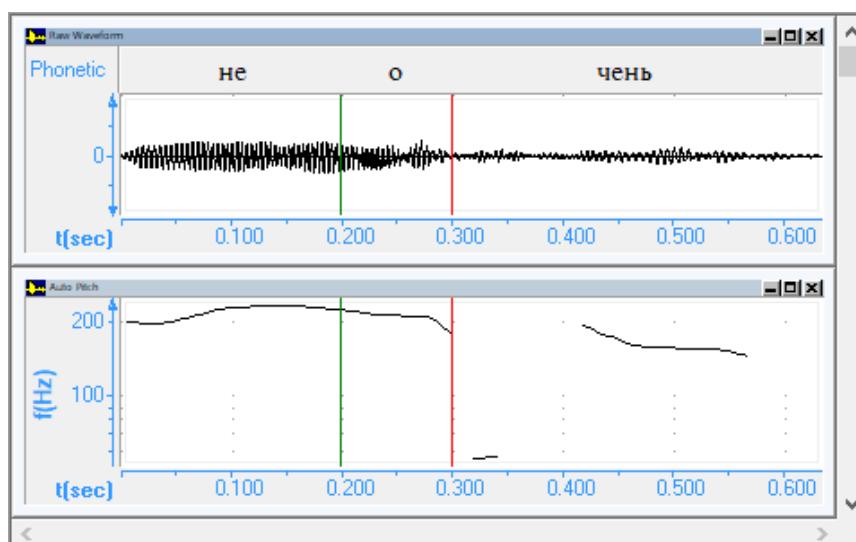

Рисунок 132 – Движение тона в акцентоносителе *не очень*

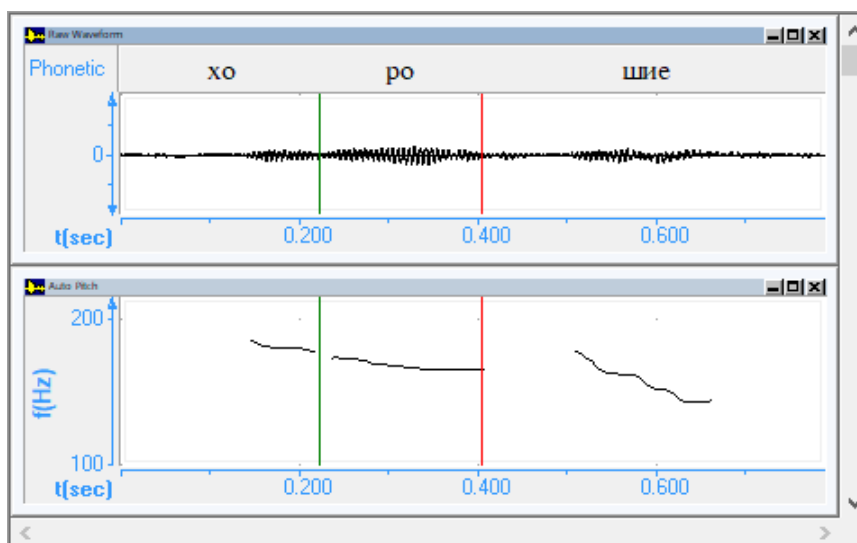

Рисунок 133 – Движение тона в акцентоносителе *хорошие*

(22) *Значит, ну, надо сказать, что в то время, когда **приехали мы**, впечатление было **не очень**.* (Д. Д.)

Это высказывание в формальном и смысловом отношении похоже на пример (21). Говорящий снова характеризует свои впечатления, но в данном случае завершает высказывание словом *не очень* с нисходящим акцентом типа ИК-1 (Рисунок 135). Кроме нисходящего акцента завершающего типа, в примере (22) также можно обнаружить восходящий акцент, маркирующий незавершенность (Рисунок 134).

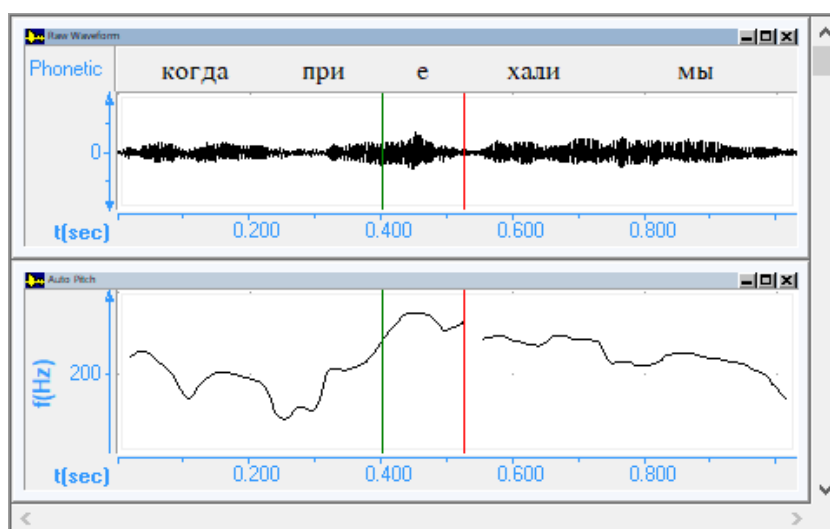

Рисунок 134 – Движение тона в акцентоносителе *приехали мы*

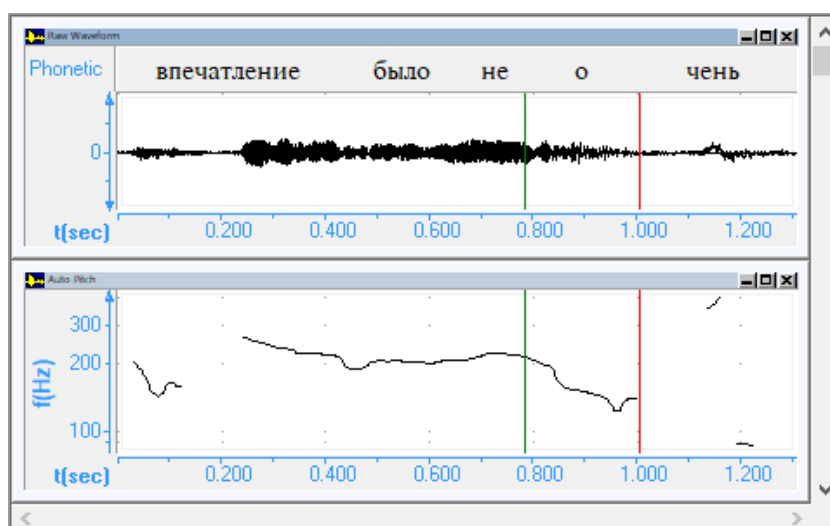

Рисунок 135 – Движение тона в акцентоносителе *не очень*

(23) *Но **потом**, когда уже начали мы действовать по строительству железной дороги **на Слюдянку**, по развитию путей и **станций**, по*

строительству отдельных домов в городе, я уже начал привыкать к этому делу, вот, и при увольнении в запас в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, в январе месяце, я остался со своей семьей здесь, в городе.

Высказывание (23) характеризуется довольно непростой структурой: это сложное многокомпонентное предложение с уточняющими конструкциями и рядом однородных членов. В нем содержится большое число слов-акцентоносителей. Опишем интонацию каждого из акцентов. На слове *потом* в ударном слоге происходит значимое повышение тона вместе с понижением. Такой тип акцента можно отнести скорее к ИК-4 (Рисунок 136). Компонент *на Слюдянку* произносится с повышением тона типа ИК-3 (Рисунок 137). Акцентоноситель *станций* характеризуется понижением тона на ударном слоге по типу ИК-1 (Рисунок 138). Два следующих друг за другом акцентоносителя *домов* и *в городе* произносятся с повышением тона на ударном слоге, что соответствует ИК-3 (Рисунки 139, 140). Словоформа *делу* содержит ударный слог, произносимый со значимым повышением тона типа ИК-3 (Рисунок 141). На ударном слоге акцентоносителя *в запас* наблюдается как повышение, так и понижение тона, однако частота основного тона в предударном слоге значительно ниже, чем в ударном. Следовательно, интонация совершает подъем, а всю конструкцию можно отнести к типу ИК-3 (Рисунок 142). Следующие три акцентоносителя, движение тона в которых изображено на Рисунках 143, 144 и 145 (*году, месяце, в городе*), характеризуются использованием ИК-1 (нисходящим акцентом). Среди рассмотренных акцентов типа ИК-1 не все являются маркерами фазового значения завершенности. Понижение тона на компонентах *году, месяце*, возможно, происходит из-за близости к абсолютному завершению высказывания, тем не менее их выделение с помощью восходящего акцента было бы более уместным и маркировало бы их с точки зрения фазового значения незавершенности. Объяснить использование ИК-1 в отрезке *путей и станций*, однако, не представляется возможным. Этот отрезок попадает в перечислительный ряд, акценты в котором должны быть оформлены с помощью

ИК-4 (ИК-3 также можно рассматривать в качестве варианта), т.е. повышение тона в просодическом оформлении данного отрезка должно присутствовать обязательно.

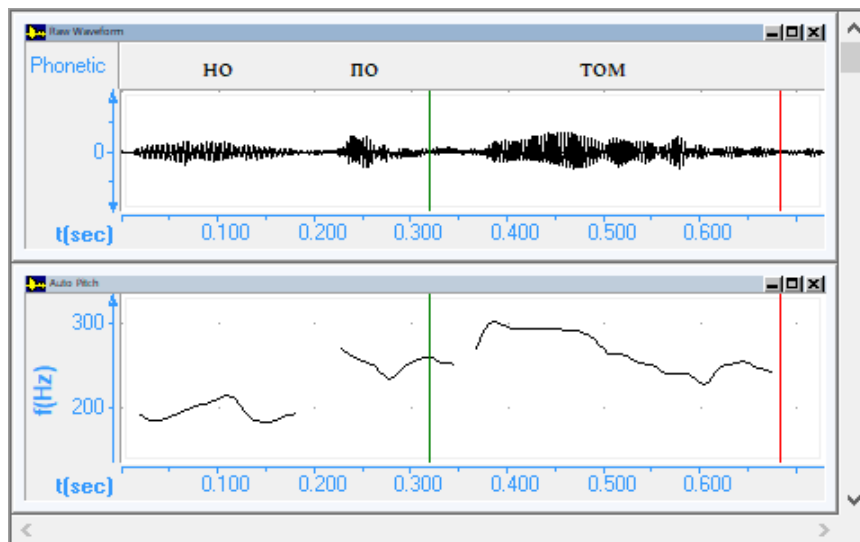

Рисунок 136 – Движение тона в акцентоносителе *потом*

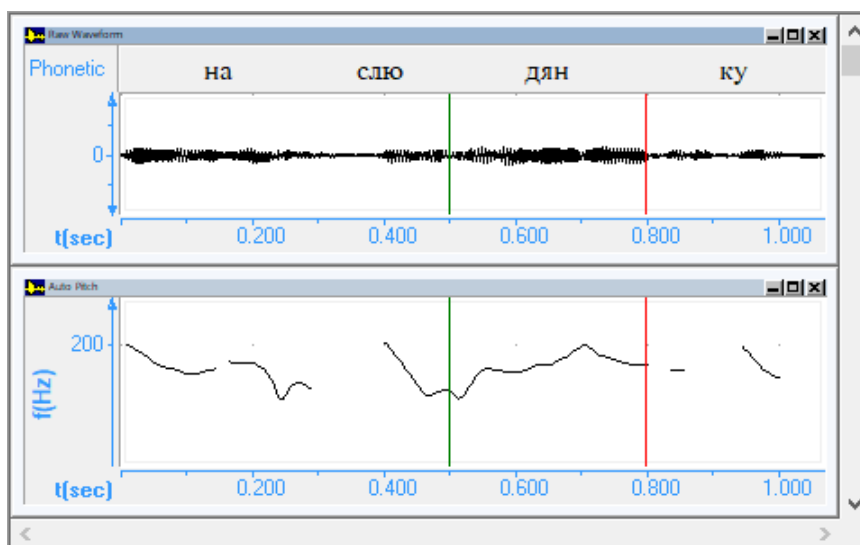

Рисунок 137 – Движение тона в акцентоносителе *на Слюдянку*

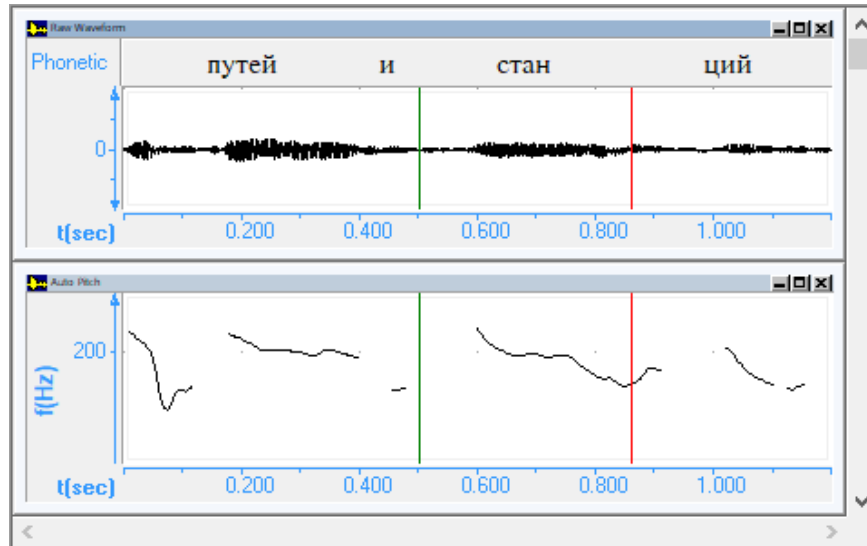

Рисунок 138 – Движение тона в акцентоносителе *станций*

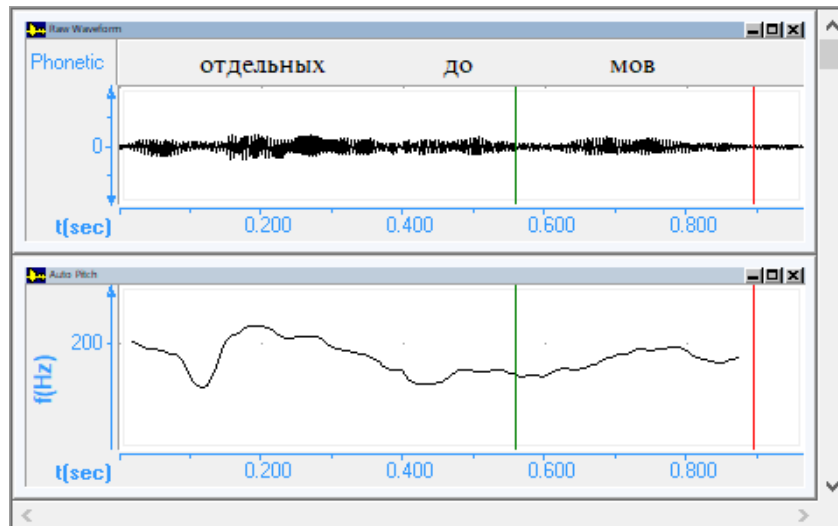

Рисунок 139 – Движение тона в акцентоносителе *домов*

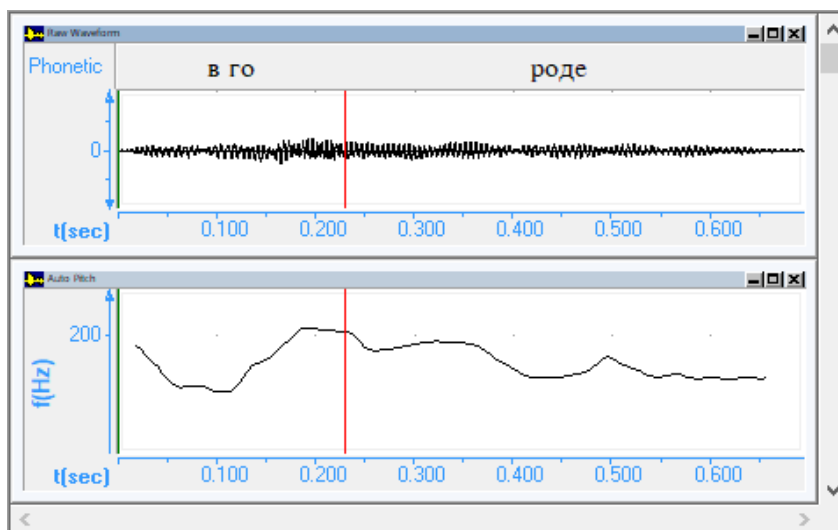
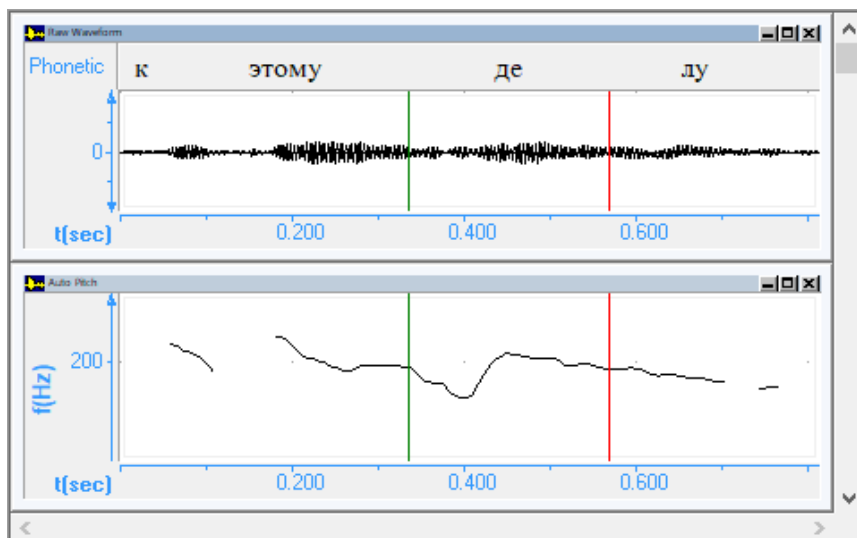
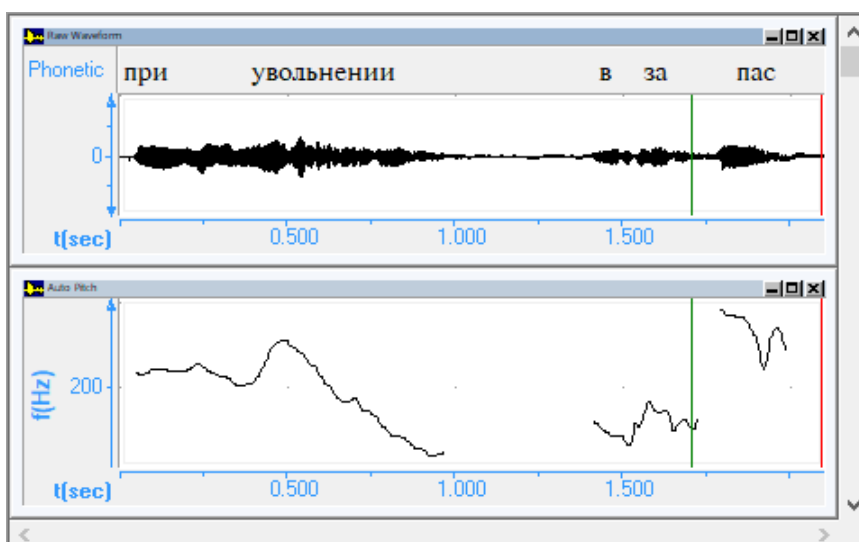
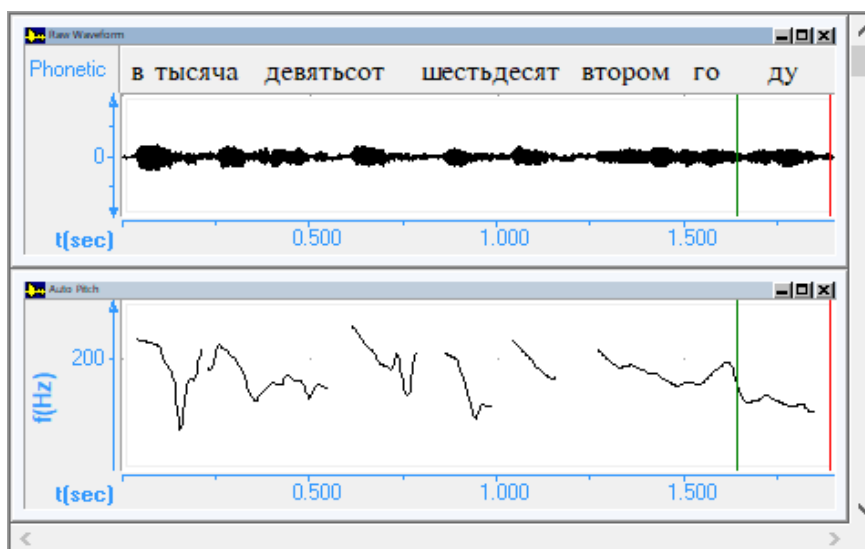

Рисунок 140 – Движение тона в акцентоносителе *в городе*

Рисунок 141 – Движение тона в акцентоносителе *делу*Рисунок 142 – Движение тона в акцентоносителе *в запас*Рисунок 143 – Движение тона в акцентоносителе *году*

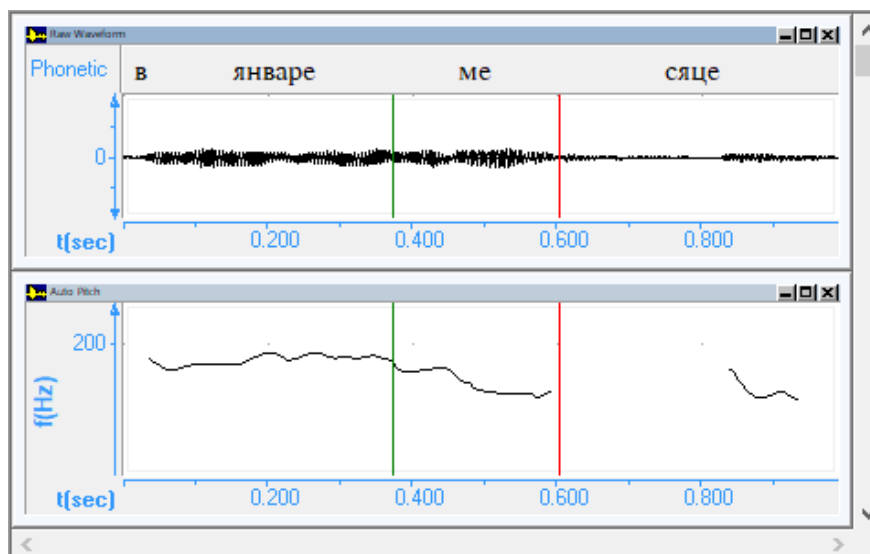

Рисунок 144 – Движение тона в акцентоносителе *месяце*

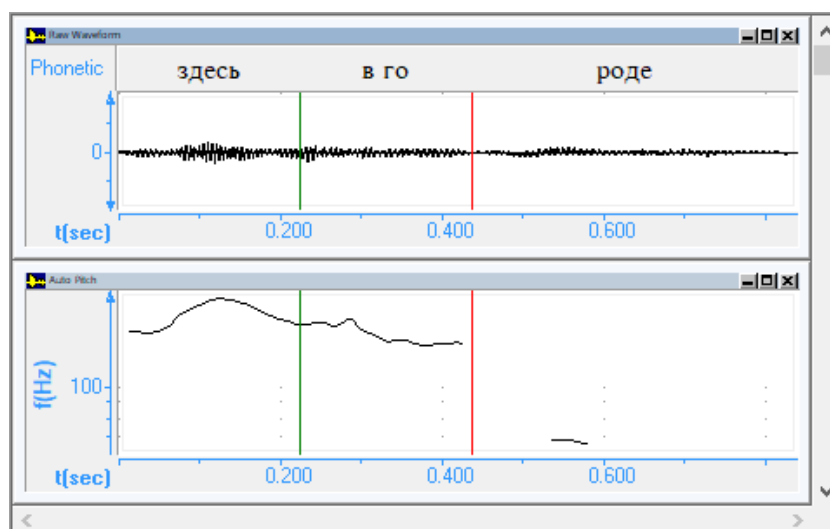

Рисунок 145 – Движение тона в акцентоносителе *в городе*

(24) После **войны**, значит, был в **Свердловске** на службе, потом в **Ленинграде**, потом в **Махачкале** (девятнадцатая бригада), и оттуда девятнадцатая бригада железнодорожная прибыла в **Иркутск** в феврале месяце тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

В высказывании (24), имеющем структуру сложного предложения с однородными членами и вставной конструкцией, все довольно закономерно: все акценты, кроме последнего, маркируют незавершенность. Движение тона в акцентоносителях со значением незавершенности изображается на Рисунках 146-153, а акцентоноситель со значением завершенности можно наблюдать на

Рисунке 154. Остановимся подробнее на некоторых моментах. Ударный слог акцентоносителя во вставной конструкции *девятнадцатая бригада* произносится практически ровно (Рисунок 150). Использование ровного тона здесь свидетельствует о желании говорящего поддержать то состояние, которое было достигнуто после начала высказывания, подкрепить фазовое значение незавершенности. Примечательно, что предударный слог в слове *бригада* имеет почти такую же тональную характеристику, как и ударный слог. Стоит, кроме того, обратить внимание на отрезки *и оттуда* (Рисунок 151) и *прибыла в Иркутск* (Рисунок 153). Подобные примеры уже встречались нам ранее. Несмотря на понижение тона в ударном слог акцентоносителя, мы отнесем рассматриваемые акценты к типу ИК-3, т.к. предударные слоги характеризуются значительно более низкой частотой основного тона. В анализируемых примерах такой вариант ИК-3 реализуется практически как регулярный.

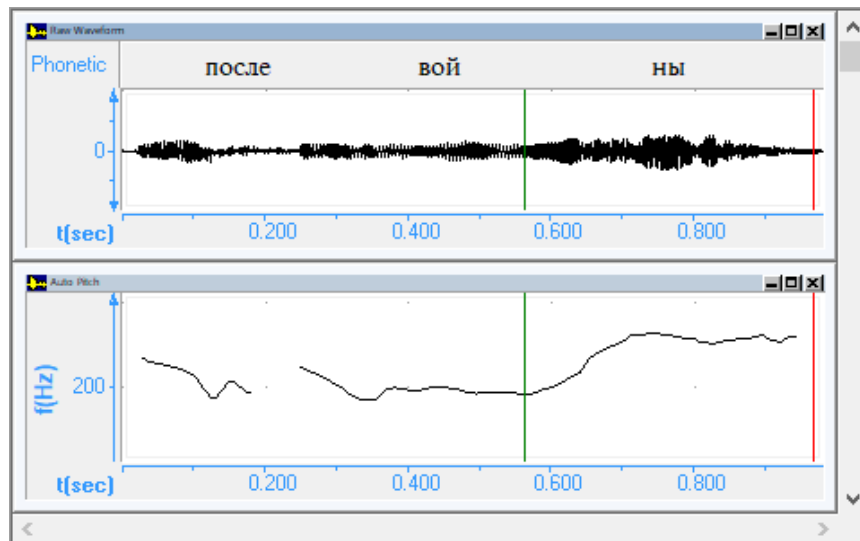

Рисунок 146 – Движение тона в акцентоносителе *войны*

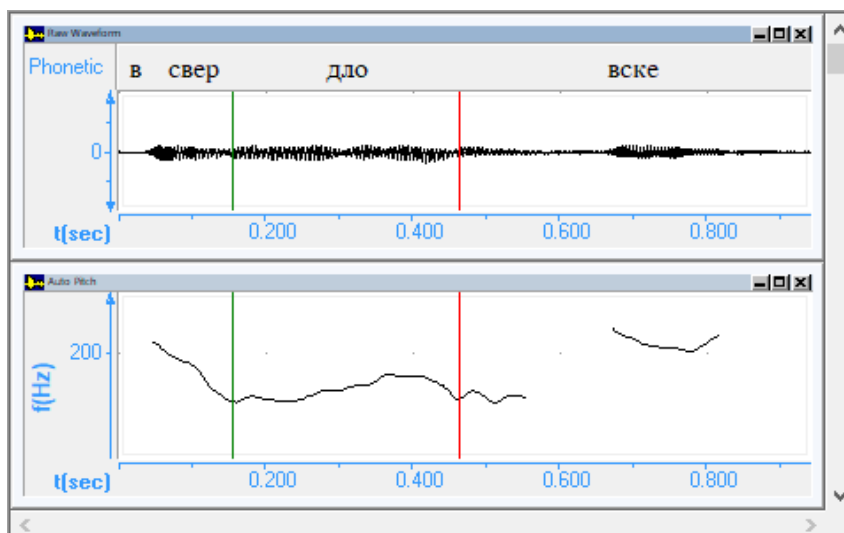

Рисунок 147 – Движение тона в акцентоносителе в *Свердловске*

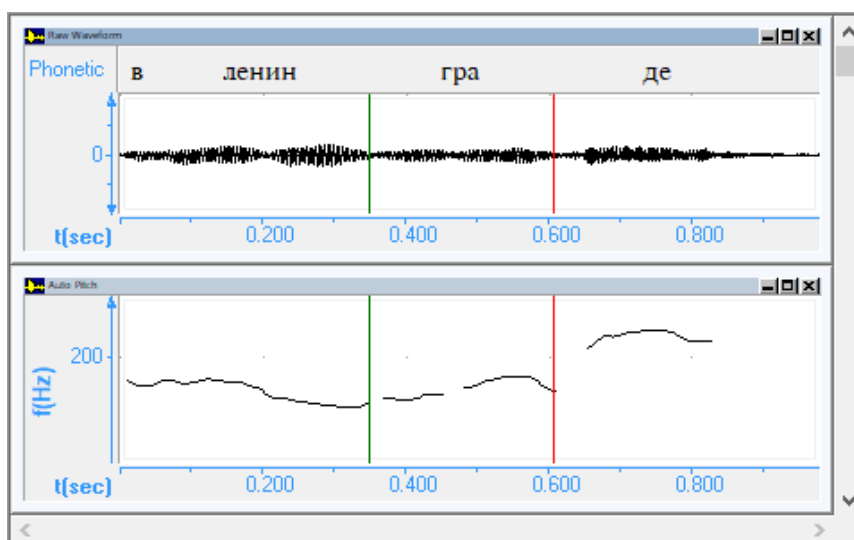

Рисунок 148 – Движение тона в акцентоносителе в *Ленинграде*

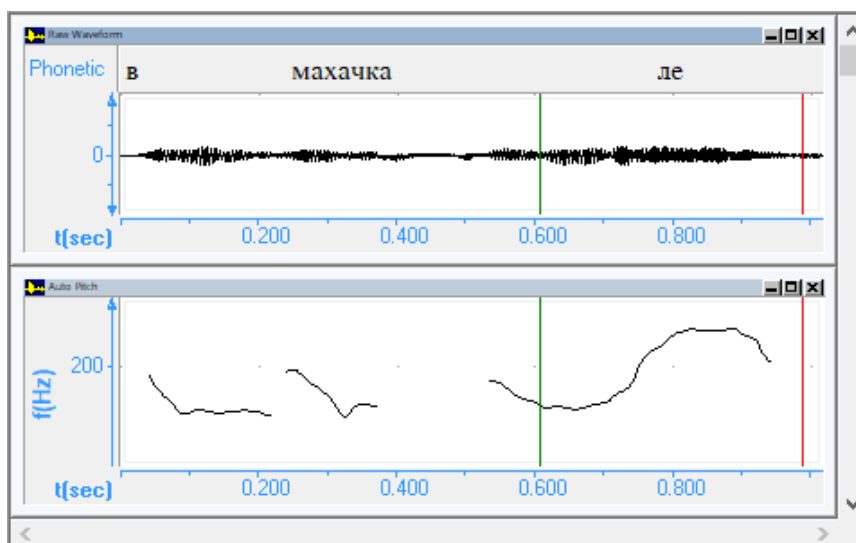

Рисунок 149 – Движение тона в акцентоносителе в *Махачкале*

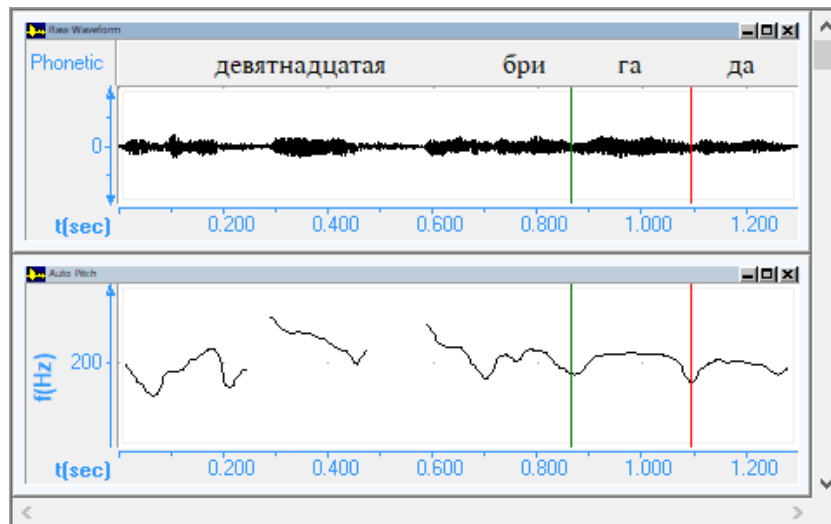

Рисунок 150 – Движение тона в акцентоносителе *бригада*

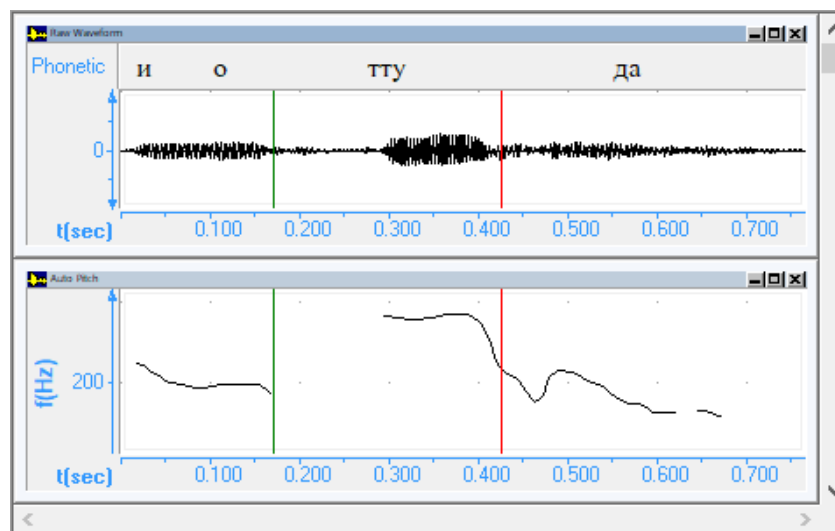

Рисунок 151 – Движение тона в акцентоносителе *оттуда*

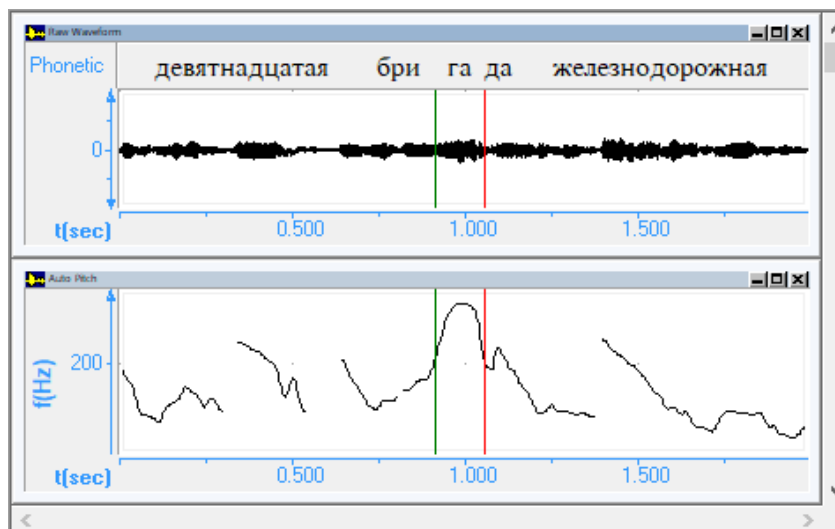

Рисунок 152 – Движение тона в акцентоносителе *бригада*

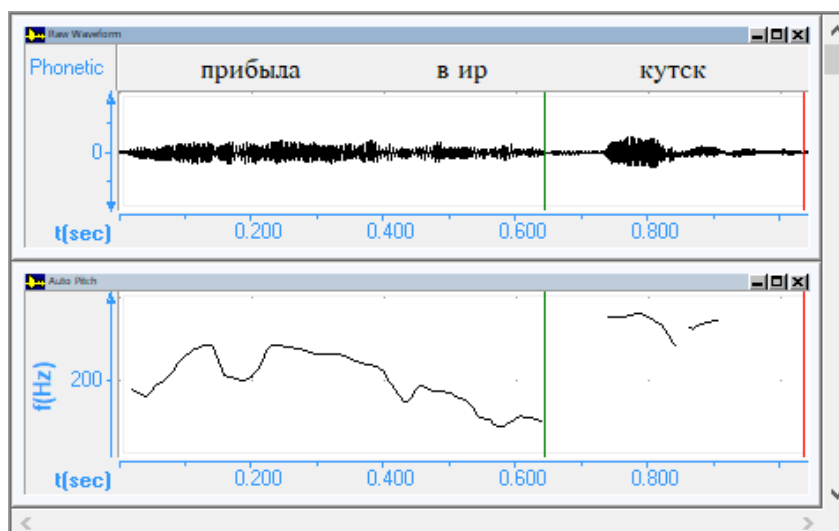

Рисунок 153 – Движение тона в акцентоносителе *в Иркутск*

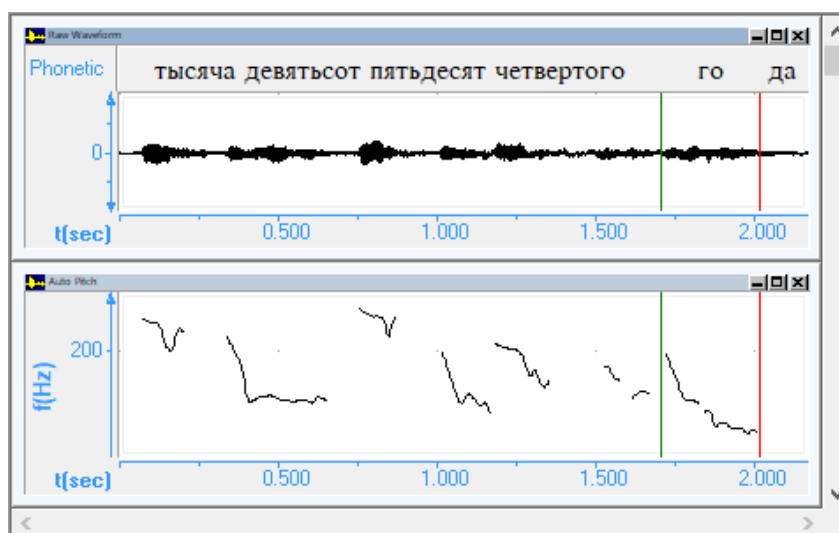

Рисунок 154 – Движение тона в акцентоносителе *года*

Итак, на основе детального анализа достаточного количества примеров, являющихся цельными, законченными высказываниями в рамках глубинных интервью, можно сформулировать ряд выводов.

В текстах обоих глубинных интервью наблюдаются как более, так и менее типичные в интонационном плане фрагменты. Более типичными мы называем такие, в которых завершенность и незавершенность получают стандартную, вполне ожидаемую интонационную маркированность: завершенность оформляется с помощью понижения тона, а незавершенность – с помощью его повышения. Менее типичные случаи в нашем понимании представляют собой фрагменты, в которых нет однозначного соответствия между завершенностью и

понижением тона: понижение может находиться и не в конце фрагмента и, кроме того, его можно заменить восходящей интонацией, которая не изменит содержание высказывания, а наоборот, будет соответствовать фазовому значению незавершенности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, по крайней мере, в анализируемых текстах нисходящий акцент типа ИК-1 во многих случаях можно назвать немаркированным, т.к. он не имеет функциональной значимости, являясь неким фоном для функционально значимых, маркированных акцентов типа ИК-3 и ИК-4.

Важно также отметить, что наличие довольно большого количества нетипичных случаев интонационного оформления в глубинном интервью Д. Д. свидетельствует, как представляется, о высокой степени спонтанности его речи: если говорящий не маркирует незавершенность, то, возможно, он демонстрирует неподготовленность высказывания, которое может завершиться в любой момент.

Кроме того, в проанализированном материале не наблюдается связь между структурой высказывания и маркированием значений завершенности / незавершенности. Среди рассмотренных нетипичных примеров встречаются простые предложения, а среди типичных случаев, наоборот, довольно много сложных предложений. Нисходящий тон (в тех случаях, когда он не указывает на фазовое значение завершенности) свидетельствует, таким образом, не столько об интонационной адаптации частей сложного высказывания, сколько о спонтанности речи и функциональной опустошенности акцента типа ИК-1.

Проведенный анализ позволил сделать важное заключение о способности интонационных конструкций выражать информацию прагматического характера: ИК-1 в нашем материале является не особой интонацией, наделенной прагматической нагрузкой, а скорее ее «отсутствием». И в этом плане ИК-1 противопоставлена прагматически нагруженным ИК-3 и ИК-4. Доказательством нейтральности ИК-1 также могут служить наблюдаемые в речи обоих говорящих

неозвученные концовки высказываний, т.е. по-настоящему выраженным в рассмотренных текстах является только фазовое значение незавершенности.

Данные выводы коррелируют с теми, которые были сделаны в результате анализа связи просодии и семантики. А именно, ИК-1, противопоставленная ИК-2, которая выражает информацию семантического характера, скрытую на вербальном уровне, как семантически нейтральная, обнаруживает себя и как прагматически нейтральная.

4.2 Интонационная структура высказывания как маркер коммуникативного статуса говорящего⁷

Интонационная структура реплик, как будет показано в данном разделе работы, является одним из маркеров коммуникативного статуса участника общения. Под коммуникативным статусом мы понимаем приблизительно то, что у И. Н. Борисовой обозначено термином *психологический ролевой статус* [Борисова, 2009, с. 44]. Коммуникативный статус является переменной характеристикой коммуниканта, т.е. такой, которая присуща ему в рамках одного или нескольких коммуникативных событий и представляет собой позицию, занимаемую коммуникантом для достижения определенных целей в общении. На самом высоком уровне обобщения можно выделить коммуникативные статусы ведущего и ведомого. Чтобы доказать, что интонация действительно может быть одним из показателей коммуникативного статуса участника общения, обратимся к примерам.

Ранее (см. параграф 2.2) были проанализированы реплики Горшкова в составе диалога, среди которых были обнаружены волеизъявительные высказывания, относящиеся к требованиям. Интенцию требования, напомним, формирует такое просодическое средство, как ИК-2.

⁷ Данный параграф написан с использованием материалов, ранее изложенных в статье [Бурова, 20196].

Побудительная интенция в категоричной форме, выраженная с помощью вербальных средств и ИК-2, реализуется и в следующих репликах Горшкова.

(1) *Надо будет **выехать**.*

В приведенном высказывании побудительная интенция выражается с помощью слова *надо* ('необходимо, следует; нужно' [МАС]) и типичной ИК-2, характеризующейся резким падением тона на ударном слоге акцентоносителя с последующим понижением тона (Рисунок 155).

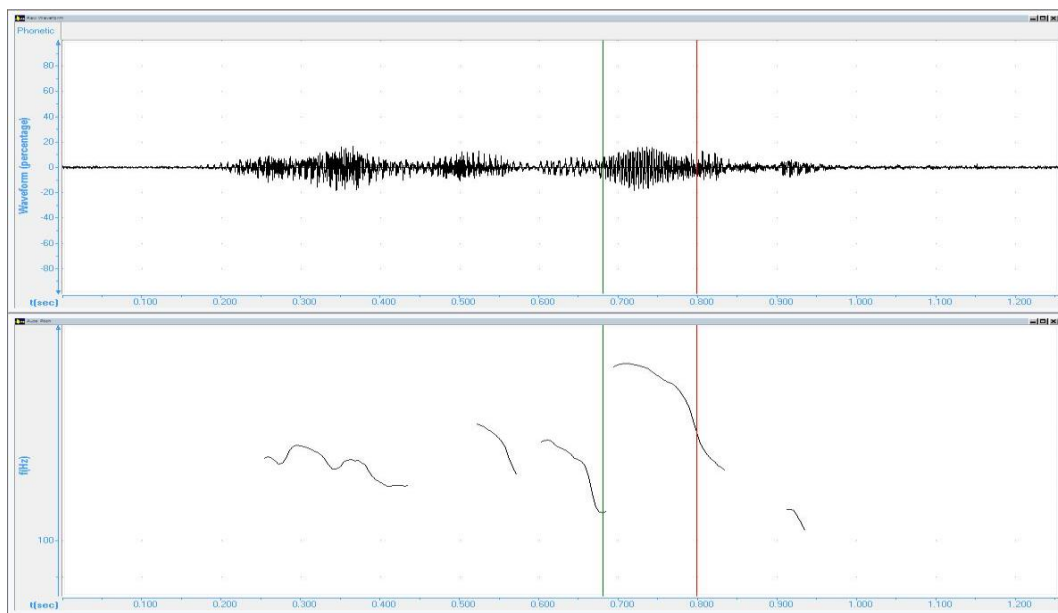

Рисунок 155 – Осциллограмма и тонограмма примера (1)

В следующих примерах побудительная интенция выражается на вербальном уровне с помощью грамматического средства – формы императива адресата.

(2) *А вот **подумай**, чтобы обставиться.*

Слово *подумай* в данном примере выполняет функцию акцентоносителя и оформляется с помощью ИК-2. На графике (Рисунок 156) отражается достаточно типичная для ИК-2 структура, которая состоит из предцентра, центра и постцентра, уровень тона в предцентре ниже тона в центре, в центре происходит падение тона, продолжающееся в постцентре. Падение тона на акцентоносителе является достаточно резким. Реплики с такой интонационной структурой весьма свойственны Горшкову. При использовании императива адресата, обращаясь к Мужчине, Горшков избирает такую интонационную схему довольно регулярно.

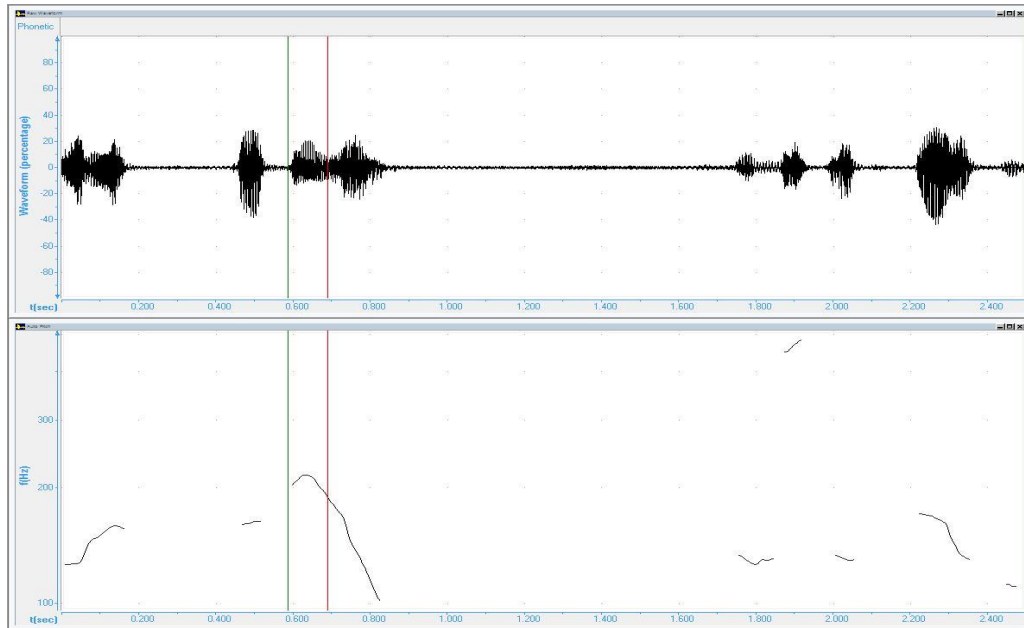

Рисунок 156 – Осциллограмма и тонограмма примера (2)

(3) То есть *подумай*, как это сделать.

В данном случае мы наблюдаем реализацию схемы, аналогичной той, о которой шла речь ранее (см. пример (2)), Горшков снова пользуется типичной ИК-2 со значительным понижением тона на акцентоносителе (Рисунок 157). На вербальном уровне здесь снова имеется императив адресата *подумай*, используемый Горшковым в диалоге многократно, что, естественно, должно усиливать влияние на собеседника.

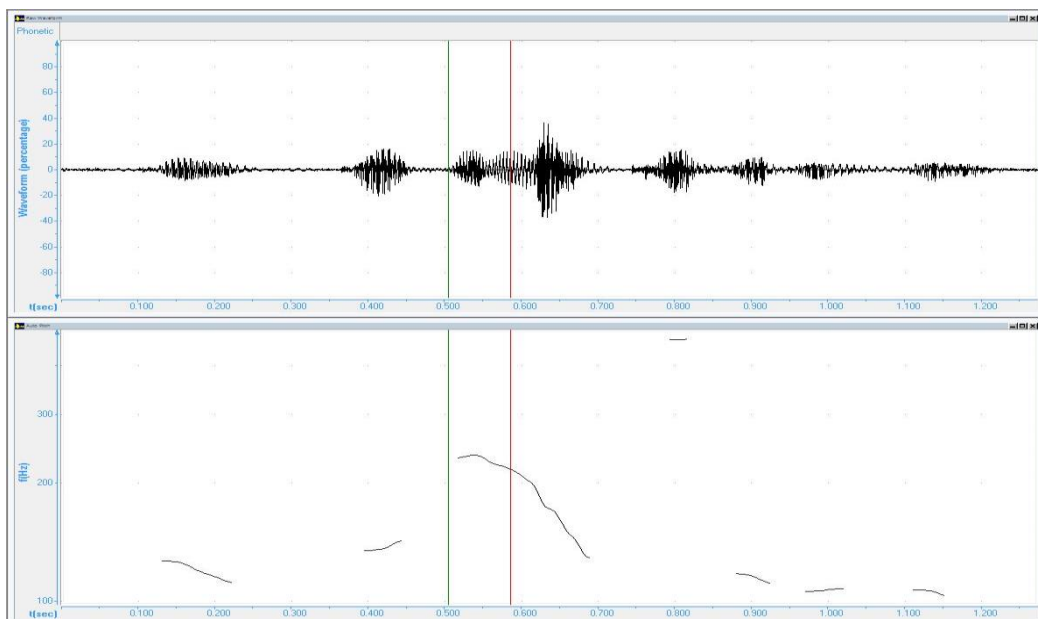

Рисунок 157 – Осциллограмма и тонограмма примера (3)

(4) *Че-то если еще надо, спрашивай.*

В рассматриваемом примере представлена интонационная структура, в некоторой степени отличающаяся от предыдущей: в ней отсутствует предцентр, т.к. акцентоноситель *спрашивай*, который нужно рассматривать в качестве отдельной части в составе сложного предложения, характеризуется ударением на первом слоге. Однако мы снова наблюдаем понижение тона в центре, а уровень тона в постцентре значительно ниже начального уровня тона в центре, т.е. мы можем констатировать значительное тональное понижение (Рисунок 158). В контексте побудительного речевого акта данная интонационная структура соотносится с ИК-2.

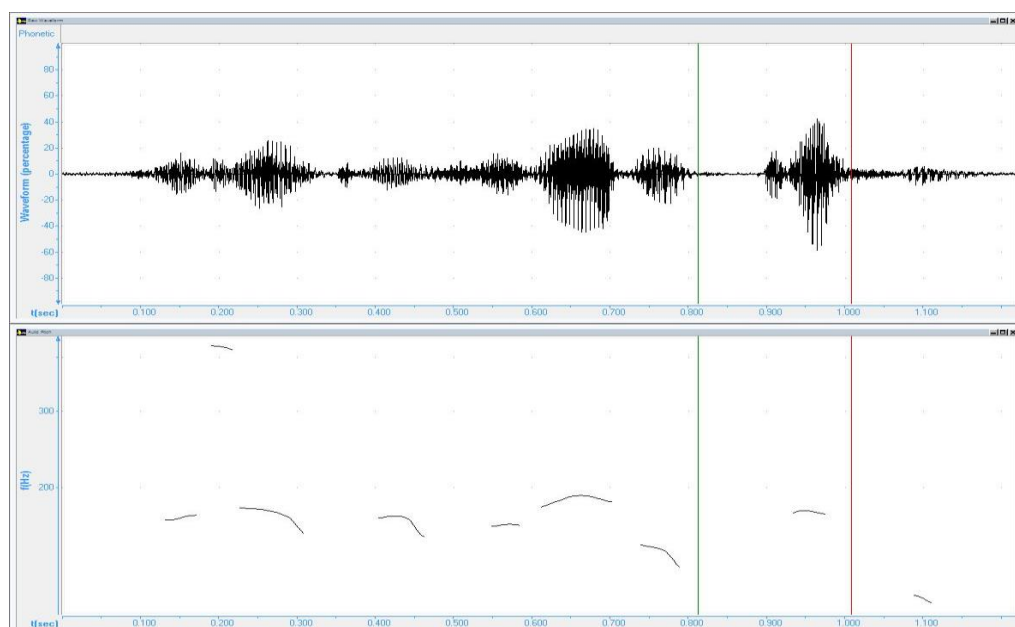

Рисунок 158 – Осциллограмма и тонограмма примера (4)

На основании проведенного анализа можно еще раз отметить, что Горшков выражает с помощью волеизъявительных (побудительных) высказываний интенцию требования. Если бы интонация всех рассмотренных побудительных высказываний Горшкова соответствовала ИК-3, то мы бы скорее отнесли их к категории просьб. Использовать ИК-2, являющуюся показателем категоричности, для выражения побуждения может только коммуникант, занимающий в диалоге более высокую позицию, чем его партнер по общению. Следовательно, коммуникативный статус Горшкова в анализируемом диалоге может быть

квалифицирован как статус ведущего. Кроме того, как было установлено во второй главе, Горшков использует ИК-2 в случаях отсутствия императива и лексических средств формирования побуждения, что является еще одним подтверждением его доминирования в диалоге. Даже в отсутствие вербальных средств, выражающих требование, Горшков использует ИК-2, чтобы соответствующим образом повлиять на собеседника.

Коммуникативный статус второго участника диалога (Мужчины) реализуется в иной интонационной структуре, что выяснилось в результате анализа, осуществлённого в несколько этапов.

1. В первую очередь были рассмотрены немногочисленные инициальные реплики Мужчины, т.е. реплики, начинающие коммуникативный акт (реплики-стимулы).

(5) *А все стоянка вот здесь, да?*

Как можно увидеть на представленном ниже Рисунке 159, тон на акцентоносителе *да* повышается. Такая интонация типична для общего вопроса, оформляющегося с помощью ИК-3.

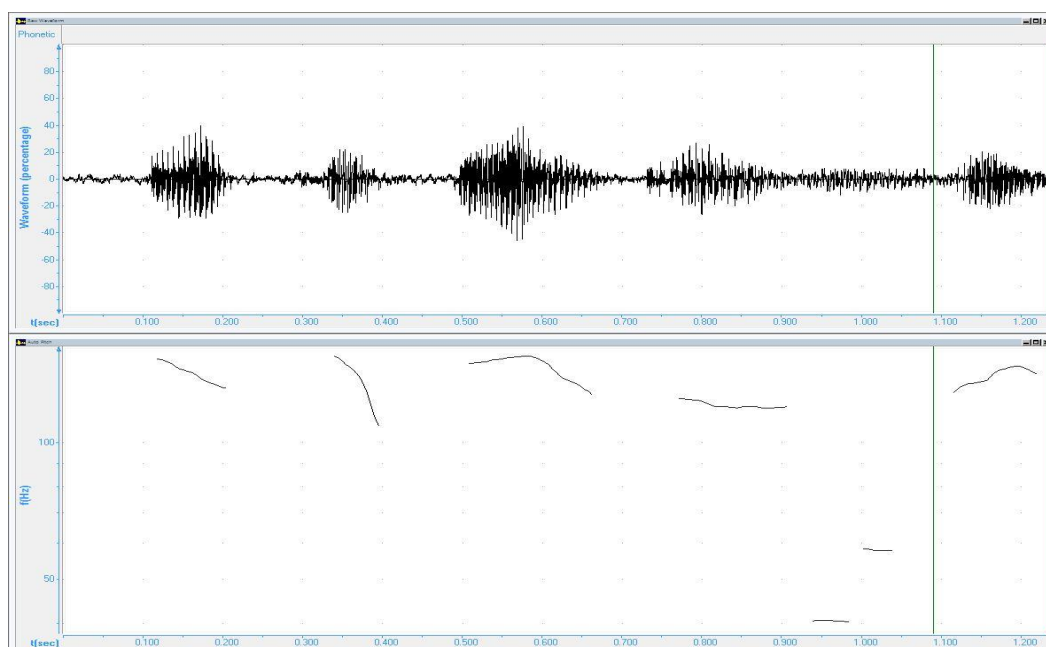

Рисунок 159 – Осциллограмма и тонограмма примера (5)

(6) *Восемьдесят восьмой?*

Ровный тон в ударном слоге акцентоносителя мы можем отождествить с ИК-3 в контексте представленного здесь общего вопроса (Рисунок 160).

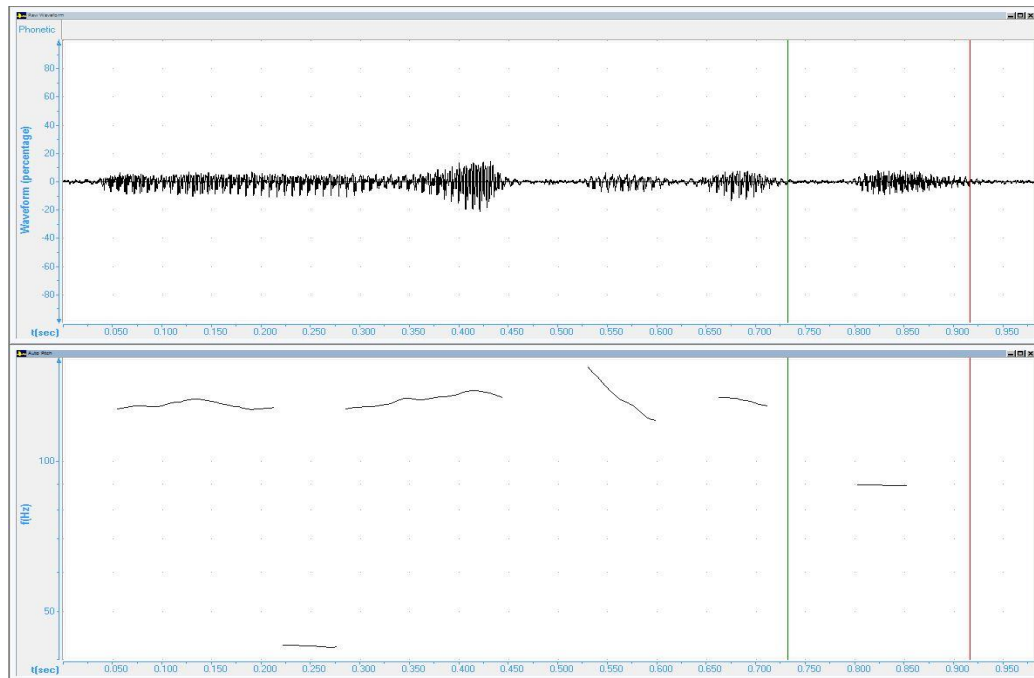

Рисунок 160 – Осциллограмма и тонограмма примера (6)

(7) *По времени че?*

В данном примере мы наблюдаем достаточно типичную для ИК-3 структуру: на гласном центра восходящий тон выше уровня тона предцентра, уровень тона постцентра ниже тона предцентра (Рисунок 161). Но стоит обратить внимание на один немаловажный факт: ИК-3 свойственна общим вопросам, а в рассматриваемом случае перед нами специальный вопрос, требующий развернутого ответа (по крайней мере, ответ *да* или *нет* в данной ситуации неуместен). Такие вопросы обычно характеризуются ИК-4, которая, в свою очередь, является маркером категоричности высказывания, наряду с ИК-2 [Безяева, 2002, с. 69]. Если задать приведенный выше вопрос, используя ИК-4, то он будет звучать как вопрос-требование: говорящий требует от адресата отчитаться о времени, которое он считает нужным затратить для совершения обсуждаемого действия. Однако Мужчина избегает ИК-4 и избирает другую ИК, характерную для просьб и общих вопросов, т.е. для некатегоричных высказываний. Кроме того, даже на вербальном уровне мы наблюдаем некоторое

несоответствие структуры рассматриваемого высказывания стандартной структуре специального вопроса. Специальный вопрос должен начинаться с вопросительного слова, а Мужчина располагает вопросительное слово в конце. Как кажется, это обусловлено смещением акцента с иллокуции вопроса на желание говорящего показать, что ему важна информация о времени. Именно поэтому сочетание *по времени* находится в высказывании на первом месте.

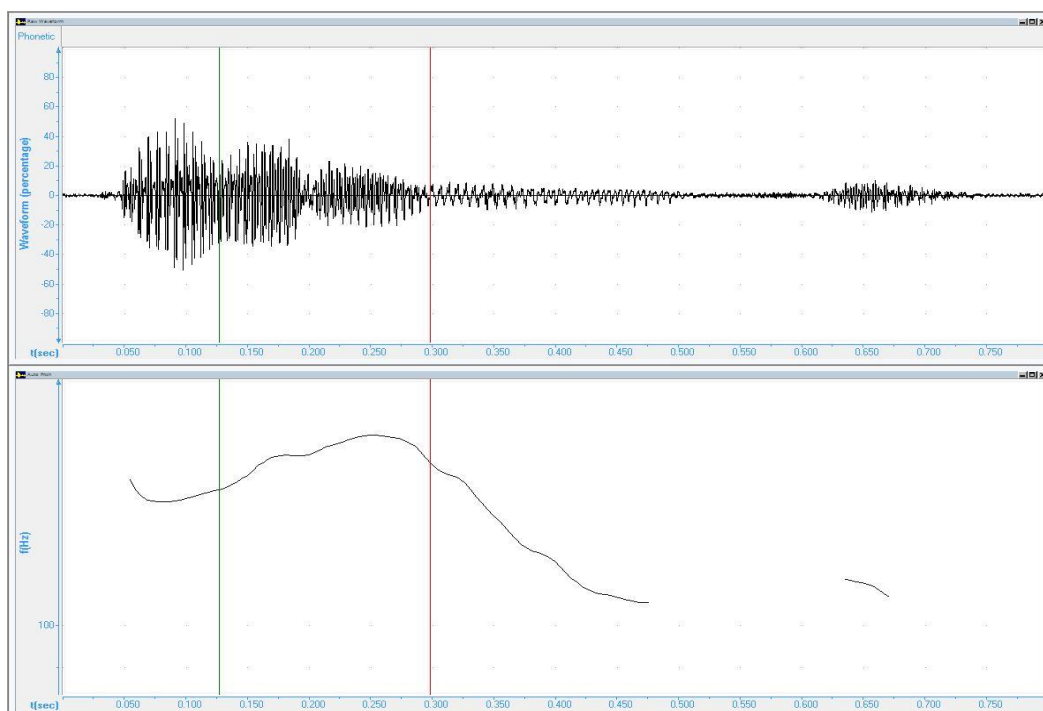

Рисунок 161 – Осциллограмма и тонограмма примера (7)

(8) *Стоянка где, недалеко?*

В данном случае тон в ударном слого акцентоносителя почти ровный, что позволяет в контексте общего вопроса отождествить имеющуюся тональную кривую с ИК-3 (Рисунок 162).

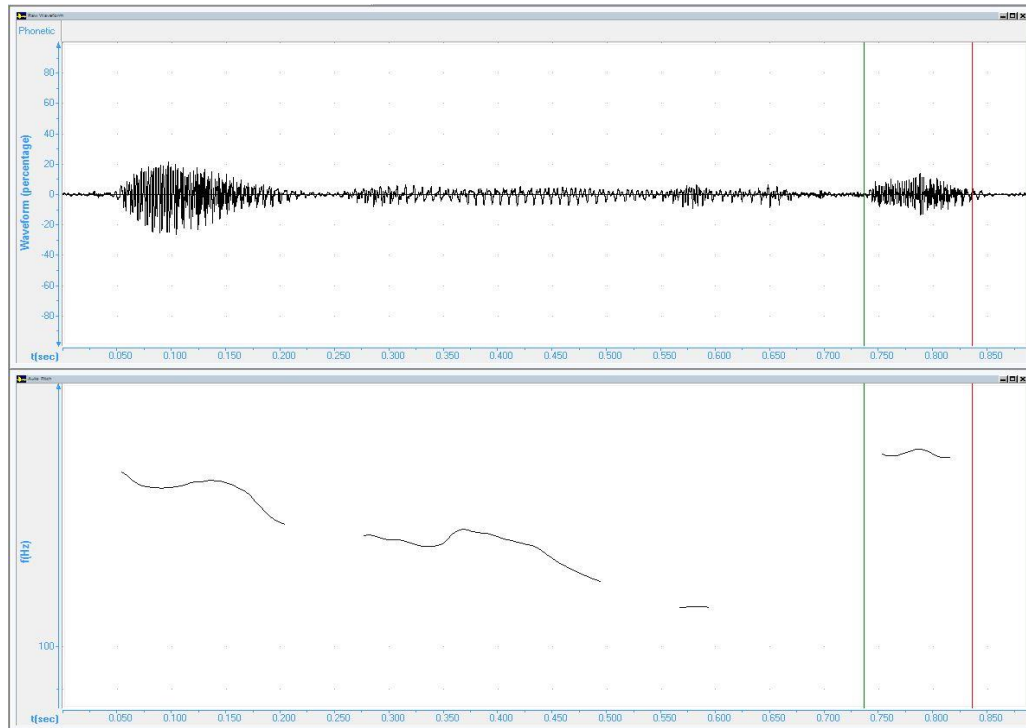

Рисунок 162 – Осциллограмма и тонограмма примера (8)

(9) *Че там / э-э / с-с / преждевременный задаточек.*

Приведенное высказывание, являющееся, на первый взгляд, вопросительным, содержит ИК-1: тон на акцентоносителе *здаточек* последовательно понижается, уровень тона предцентра выше тона в центре (Рисунок 163). Как кажется, рассматриваемый пример является одним из самых показательных для анализа коммуникативного статуса участника общения. При порождении данной реплики происходит речевой сбой. Он выражается в том, что Мужчина перестраивает высказывание в процессе его производства. Начало реплики указывает на то, что Мужчина собирается задать определенный специальный вопрос. Об этом свидетельствует уже произнесенное им вопросительное слово *чѐ*. Однако на предлоге *с* Мужчина перестраивает высказывание. На вербальном уровне происходит грамматическое изменение (вместо формы творительного падежа *с предварительным задаточком* употребляется форма именительного падежа *предварительный задаточек*). Интонационный уровень тоже претерпевает изменения. Специальный вопрос (например, *Что там с преждевременным задаточком?*) обычно оформляется с

помощью ИК-4, однако Мужчина использует ИК-1, превращая вопрос в сообщение. Видимо, речевой сбой и, как следствие, изменение структуры высказывания (в том числе интонационной) возникают вследствие нежелания Мужчины использовать категоричные высказывания. ИК-4, напомним, маркирует именно категоричные конструкции, в которых говорящий подразумевает, что произнесенные им слова выражают единственно правильное, верное решение. У Мужчины, который в действительности не является киллером, есть цель, скрытая от Горшкова: он хочет, чтобы Горшков рассказал подробно о своих планах, чтобы он дал как можно более развернутые указания, которые потом смогут послужить доказательством его вины. Поэтому Мужчина избирает позицию подчиненного, и эта позиция вместе с целью влияют на него и заставляют отказаться от вопросов-требований.

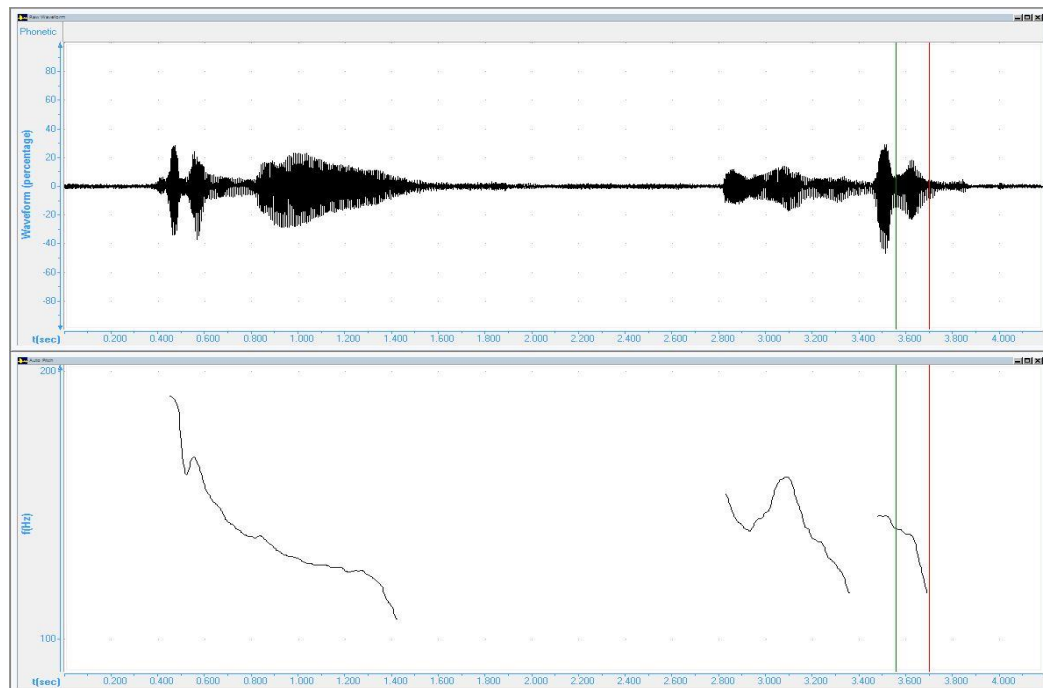

Рисунок 163 – Осциллограмма и тонограмма примера (9)

(10) *Копеек маленько.*

Данное высказывание, следующее сразу за рассмотренным выше, по интонационной составляющей сходно с ним, т.е. оформляется как повествовательное предложение (сообщение), с помощью ИК-1 (Рисунок 164).

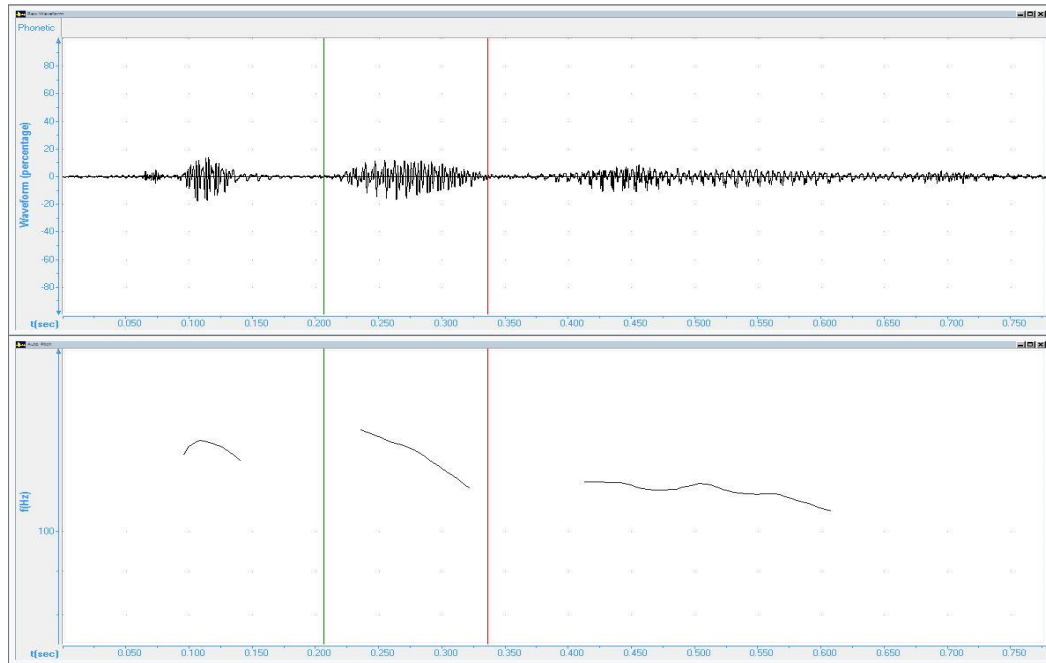

Рисунок 164 – Осциллограмма и тонограмма примера (10)

Инициальные реплики Мужчины, как было показано, не содержат ИК-2 и ИК-4, т.е. не характеризуются интонацией требования. Мужчина не ставит перед Горшковым никаких условий, не принуждает к выполнению каких-либо действий. Следовательно, интонация инициальных реплик показывает, что Мужчина является в диалоге ведомым.

2. После инициальных реплик Мужчины последовательно были рассмотрены реплики-реакции. Реактивные реплики носят в основном характер подтверждения слов Горшкова, выражают полное согласие с собеседником:

(11) Ага.

(12) Не, ну это все ясно.

(13) Да вообще тогда не вопрос.

(14) Ну, это понятно все.

(15) Всё-всё-всё, это ясно.

(16) Нет, всё-всё, не вопрос.

(17) Не, ну это нормально, конечно.

(18) Ну да.

(19) Ну конечно.

- (20) *Разговора нет.*
 (21) *Да всё, понял.*
 (22) *Ясенько.*
 (23) *Ну давай сделаем так.*
 (24) *Но, я понял.*
 (25) *Понятно.*

Как можно заметить, реакция Мужчины довольно однообразна во всех перечисленных случаях. Вербальная составляющая его реплик свидетельствует о том, что он безоговорочно принимает все условия Горшкова, со всем соглашается, на все дает положительный ответ. Просодическая составляющая данных реплик Мужчины отражается в их тональных контурах.

- (12) *Не, ну это все **ясно**.*

На Рисунке 165 интонационный контур в ударном слове акцентоносителя (слова *ясно*) отображает восходяще-нисходящее движение тона, что в повествовательном предложении можно квалифицировать как ИК-1.

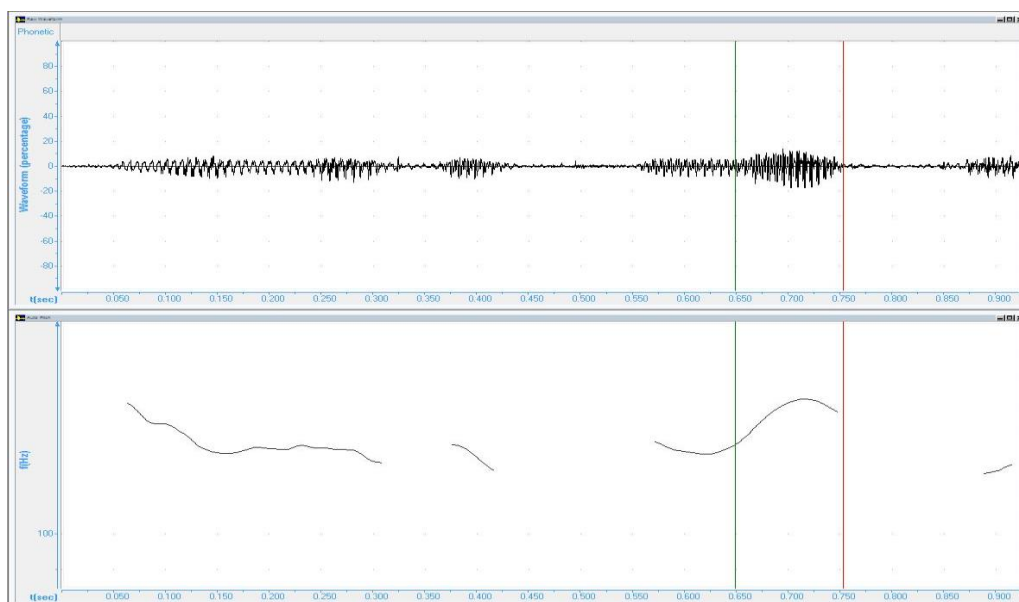

Рисунок 165 – Осциллограмма и тонограмма примера (12)

- (13) *Да вообще тогда не **вопрос**.*

На Рисунке 166 мы видим небольшое понижение тона на акцентоносителе *вопрос*, завершающем предложение. Данная интонационная структура типична для ИК-1.

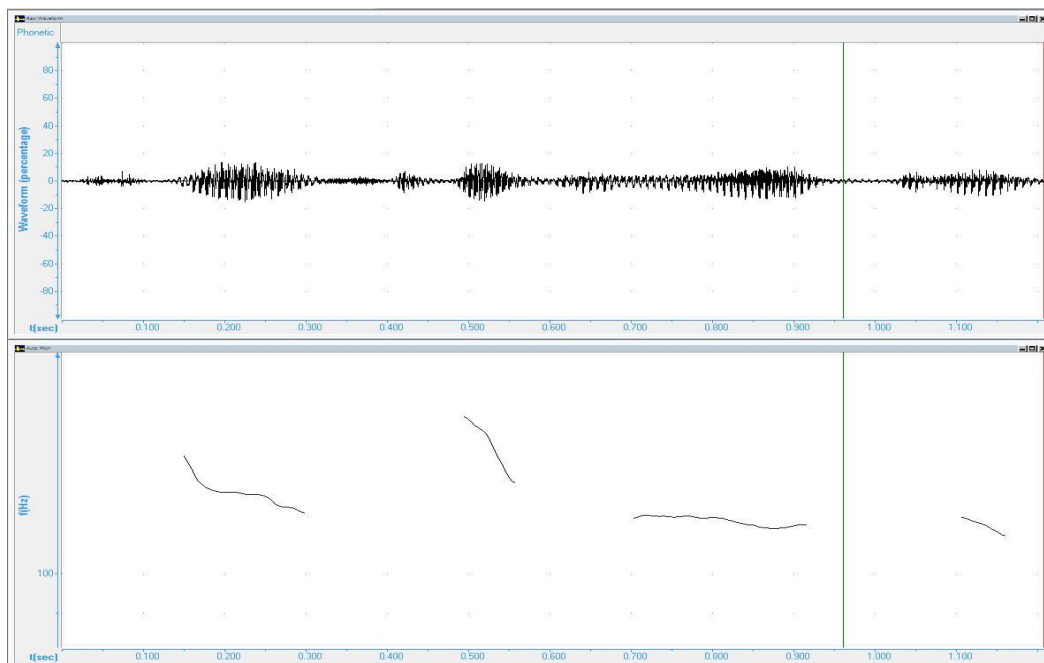

Рисунок 166 – Осциллограмма и тонограмма примера (13)

(17) *He, ну это нормально, конечно.*

На Рисунке 167 в ударном слоге акцентоносителя наблюдается восходяще-нисходящий тон, причем нисходящее движение тона приходится на конец слога, т.е. на гласный звук. Такая тональная характеристика свойственна ИК-1.

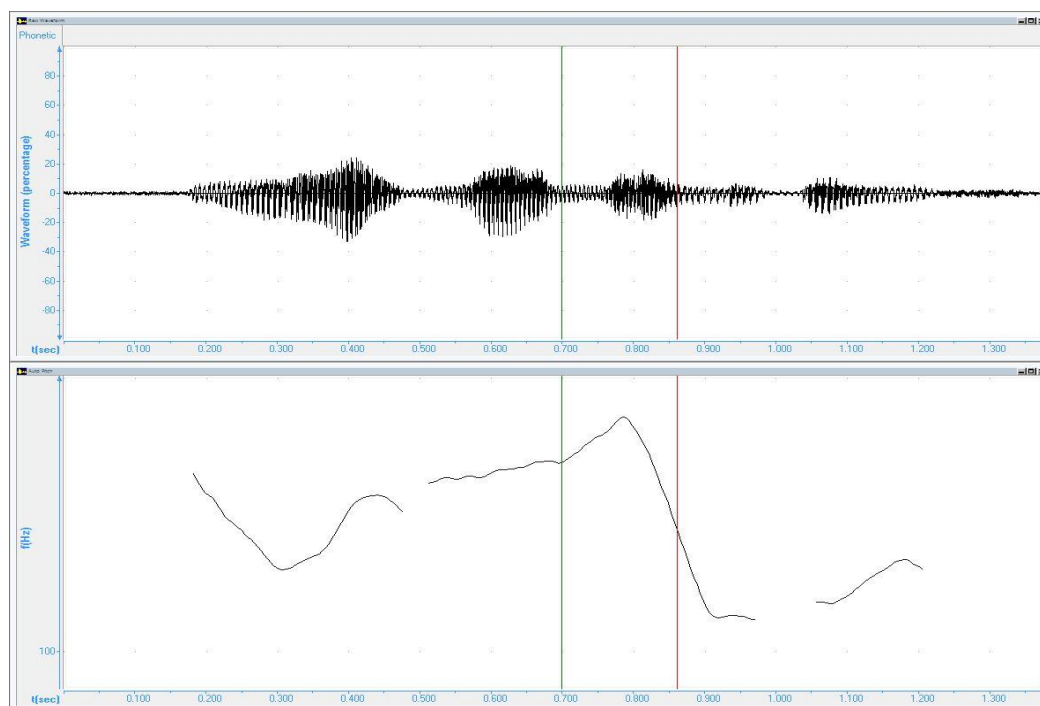

Рисунок 167 – Осциллограмма и тонограмма примера (17)

(20) *Разговора нет.*

В данном повествовательном предложении снова представлены признаки, характерные для ИК-1: небольшое понижение тона на ударном слоге акцентоносителя, отсутствие резкого падения тона (Рисунок 168).

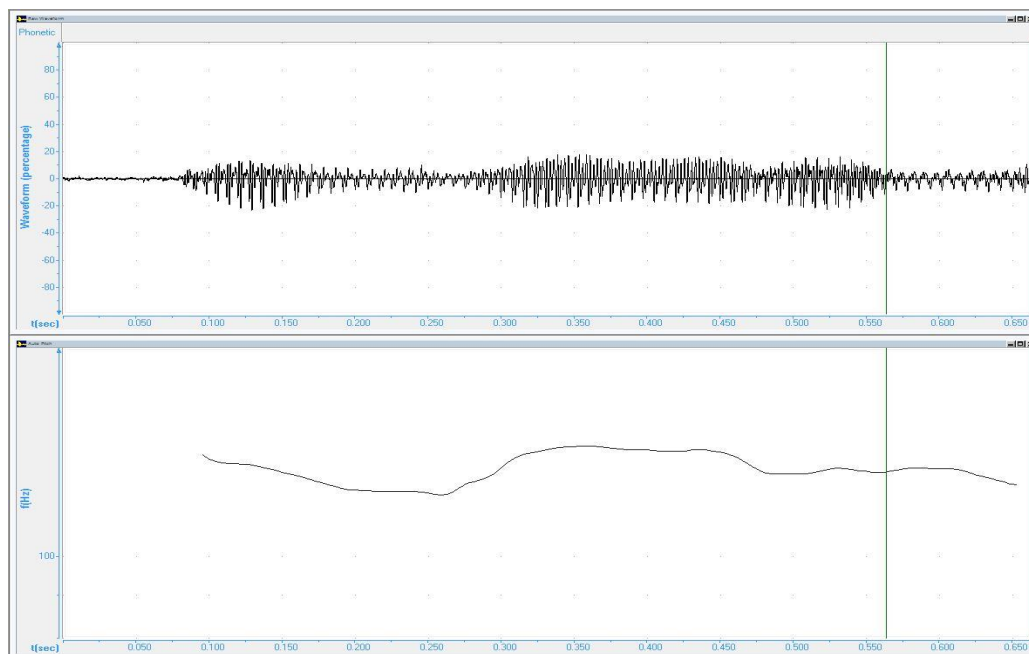

Рисунок 168 – Осциллограмма и тонограмма примера (20)

(23) *Ну давай сделаем так.*

В данной реактивной реплике Мужчина употребляет императив совместности *давай сделаем*. Однако интонация данного высказывания не соответствует ни интонации требования, ни интонации просьбы. Данное высказывание вновь оформляется с помощью ИК-1: тонограмма на Рисунке 169 демонстрирует незначительное понижение тона на слове *так*. Интонационный компонент данной реплики, в частности акцент на слове *так*, свидетельствуют о том, что высказывание Мужчины не содержит побудительной интенции, а выражает согласие с теми условиями, которые ранее предложил Горшков.

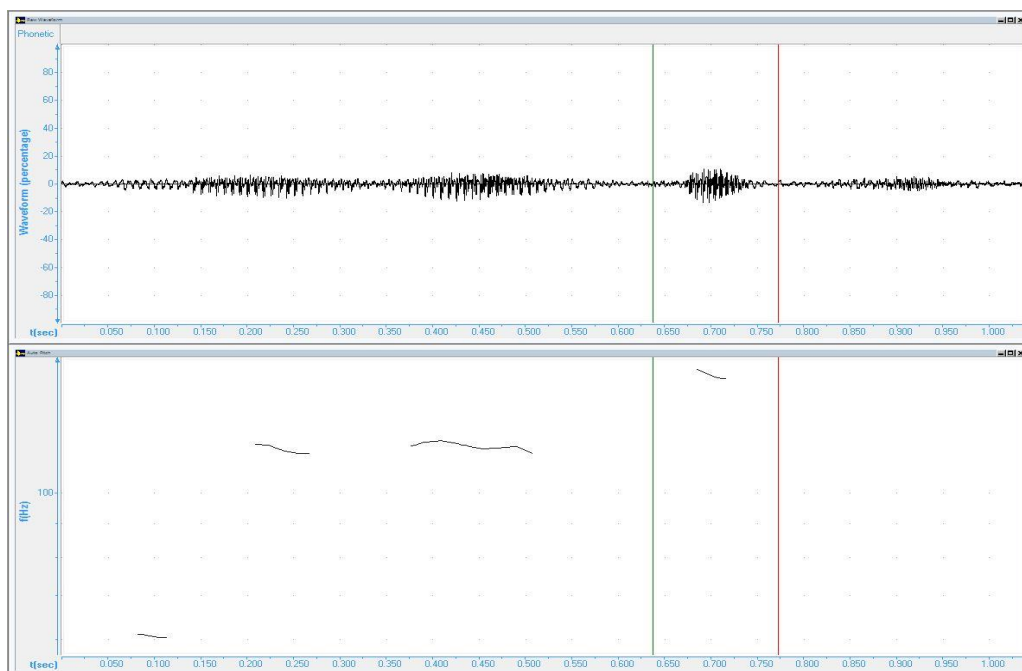

Рисунок 169 – Осциллограмма и тонограмма примера (23)

Однообразие на вербальном уровне согласуется с интонационным однообразием: во всех проанализированных репликах представлена некатегоричная ИК-1, показатель иллокуции сообщения. Следовательно, ответные реплики также свидетельствуют о коммуникативном статусе ведомого у Мужчины.

3. Последним этапом нашего анализа явилось рассмотрение маркеров хезитации, таких как заполненные паузы и удлиненная реализация фонем, т.е. так называемых долексических сигналов речевых сбоев и затруднений [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 181-182, 183]. Согласно утверждению А. А. Кибрика и

В. И. Подлесской, заполненные паузы и удлинённая реализация фонем, являющиеся наиболее частотными маркерами хезитации, функционально близки друг другу и сигнализируют о том, что говорящий затрачивает на процесс речепорождения некоторые усилия.

На наш взгляд, данные маркеры хезитации напрямую связаны с проблемой определения коммуникативного статуса говорящего в диалоге. Можно предположить, что существует следующая зависимость: чем больше в речи пауз и удлинённых реализаций фонем, тем больше усилий затрачивает говорящий на порождение высказываний. Следовательно, если один из собеседников испытывает больше затруднений при речепорождении, чем другой, то, видимо, он занимает более низкую позицию, чем его партнер по общению, т.е. является ведомым.

В диалоге, который подвергается анализу, Мужчина говорит значительно меньше, чем Горшков, его реплики намного короче. Однако в его речи обнаруживается больше заполненных пауз и удлинений, чем в речи Горшкова, причем в некоторых высказываниях можно констатировать наличие сразу двух маркеров хезитации. Но одного количественного аспекта, по нашему мнению, недостаточно, чтобы сделать вывод о том, что сигналы хезитации указывают на статус Мужчины как ведомого. Большую достоверность результатам, полученным с помощью количественных данных, как кажется, способен обеспечить качественный анализ. Для этого были рассмотрены заполненные паузы и удлинения звуков в речи Мужчины и сопоставлены с аналогичными маркерами хезитации в речи Горшкова.

(26) *Че в-в плане-э...*

«Представленная выше реплика является незавершенной и характеризуется сразу двумя случаями удлинения звука. В первом случае происходит удлинение согласного звука [ф], фонетического варианта предлога *в*. Тоннограмма на данном участке ничего не отображает, тональный контур отсутствует, т.к. звук является глухим, фонации при его произнесении не происходит. Осциллограмма

изображает практически прямую линию. Удлиненный согласный [ф] находится между курсорами на первом из нижеприведенных графиков и длится приблизительно 0,65 секунды (Рисунок 170).

На втором графике (Рисунок 171) представлен удлиненный гласный (от курсора и до конца временной шкалы). Как можно заметить, на данном гласном происходит понижение тона. Длительность гласного равна примерно 0,5 секунды.

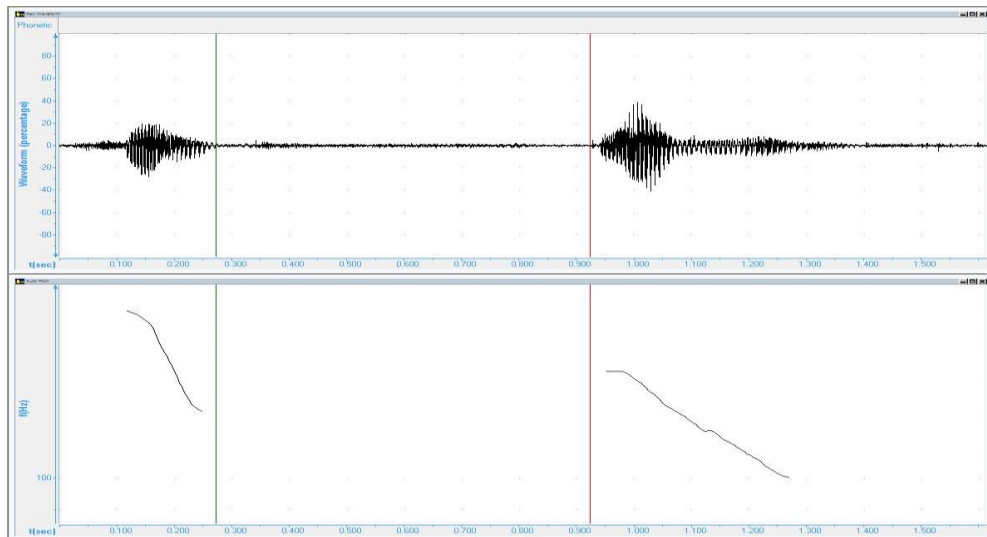

Рисунок 170 – Осциллограмма и тонограмма примера (26):
предлог *в*

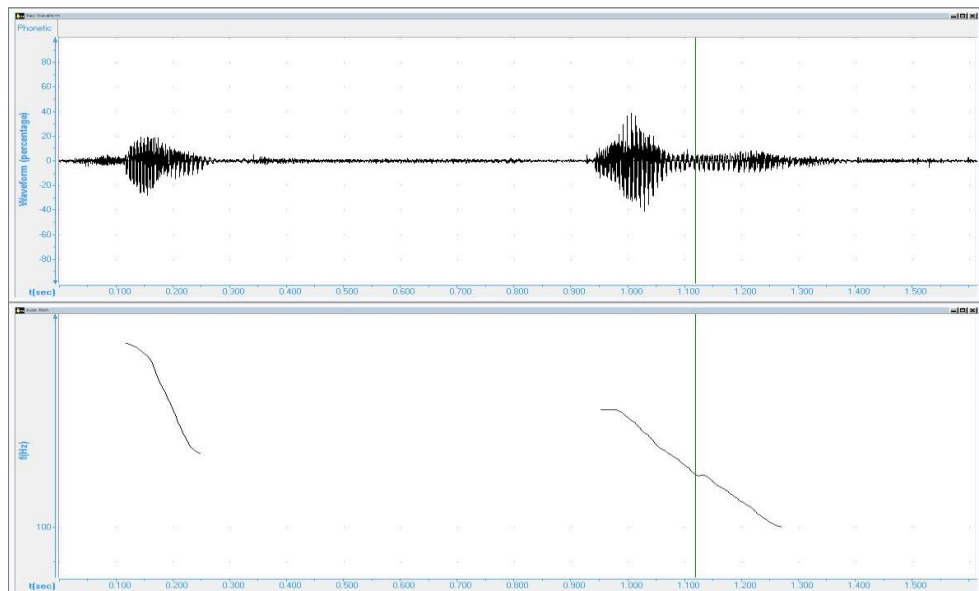

Рисунок 171 – Осциллограмма и тонограмма примера (26):
удлиненная реализация гласной фонемы

(27) *Че там / э-э / с-с / преждевременный задаточек.*

На первом графике (Рисунок 172) между курсорами фиксируется движение тона в заполненной паузе хезитации. Хорошо заметно понижение тона, происходящее в два этапа: сначала он понижается медленно и незначительно, затем происходит более быстрое и значительное понижение частоты основного тона. Пауза длится примерно 1,1 секунды.

На втором графике (Рисунок 173) между курсорами виден удлинненный согласный звук [с]. Снова, как и в предыдущем примере, тонограмма не фиксирует движение тона в силу отсутствия фонации. Длительность звука [с] равна примерно 0,9 секунды.

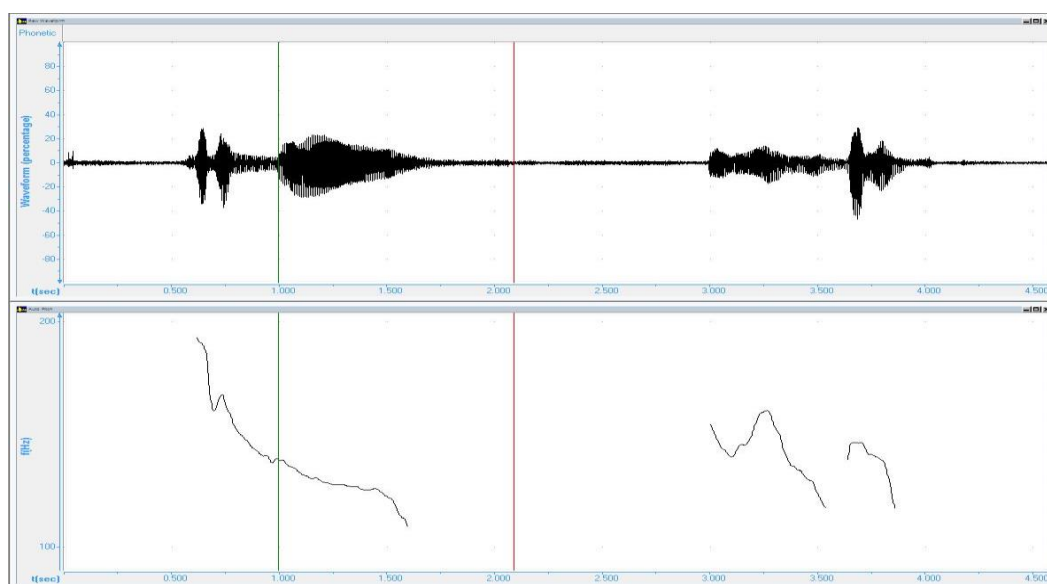

Рисунок 172 – Осциллограмма и тонограмма примера (27):
заполненная пауза хезитации

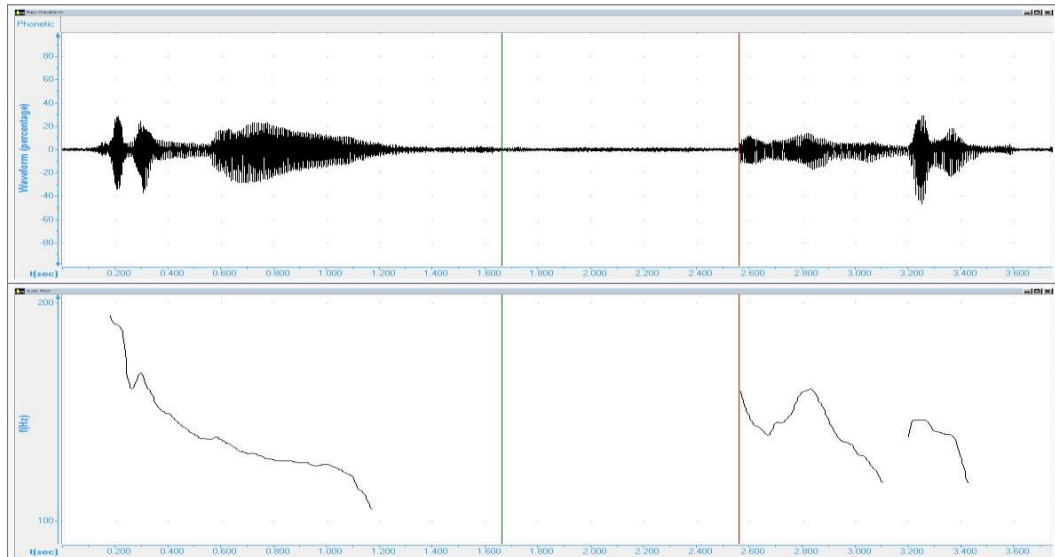

Рисунок 173 – Осциллограмма и тонограмма примера (27):
предлог с

(28) Ну короче как / э-э / обыкновенная хулиганка.

В данном случае перед нами заполненная пауза хезитации, тональный контур которой находится между курсорами. Тон в этой паузе незначительно и медленно понижается, остается практически ровным. Пауза длится чуть больше 0,5 секунды (Рисунок 174).

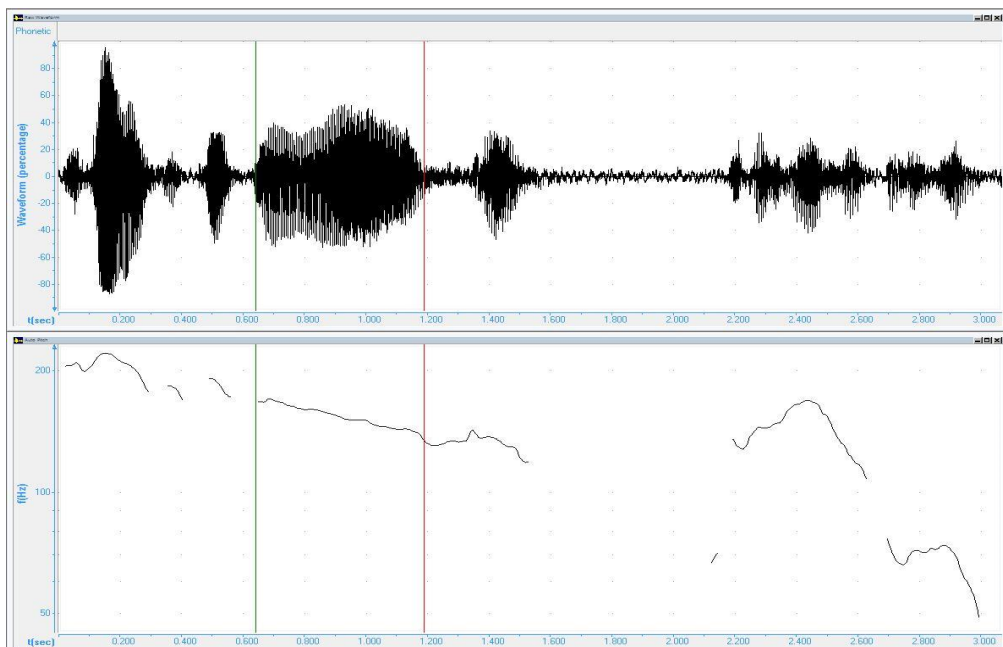

Рисунок 174 – Осциллограмма и тонограмма примера (28)

(29) И-и / потом, если че, сразу звякну.

Рисунок 175 отображает изменение частоты основного тона в удлинненном гласном [и]. Тонограмма фиксирует восходяще-нисходящее движение. Союз *и* в данном высказывании длится чуть меньше 0,3 секунды.

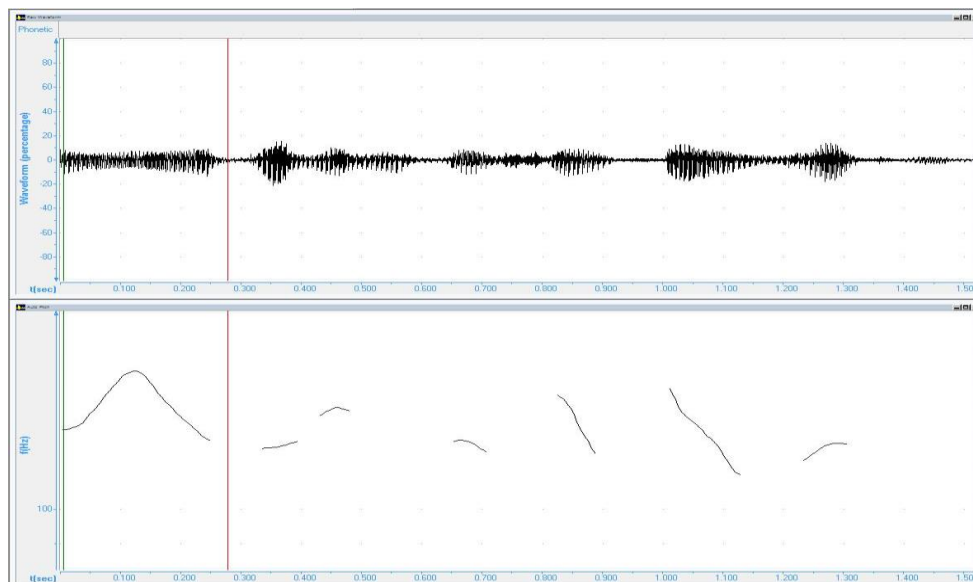

Рисунок 175 – Осциллограмма и тонограмма примера (29)

(30) *Я в принципе всю дорогу / в-в / одну харю.*

Между курсорами на графике изображено удлинение согласного звука [в], допущенное Мужчиной в приведенном примере. Тонограмма фиксирует движение тона в данном звуке, т.к. он является звонким. Можно заметить, что тон в звуке неровный, тональный контур изрезанный. Длительность звука приблизительно равна 0,9 секунды (Рисунок 176).

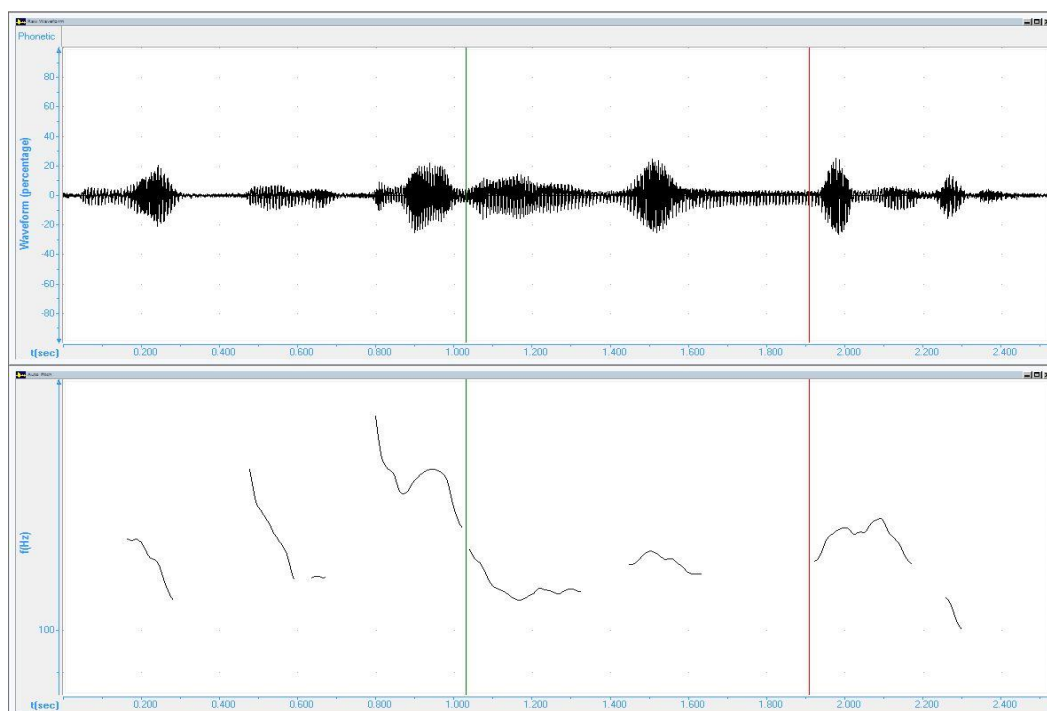

Рисунок 176 – Осциллограмма и тонограмма примера (30)

Охарактеризовав далее аналогичным образом (по тем же самым параметрам) заполненные паузы и удлиненные реализации фонем в высказываниях Горшкова, возможно найти различия между маркерами хезитации в речи обоих коммуникантов.

(31) Такая тема, как обстава под /э-э/ некриминал, возможна?

Так, например, в репликах Горшкова была обнаружена только одна заполненная пауза хезитации. Она отображается на графике ниже (Рисунок 177). Тон в паузе незначительно понижается, остается практически ровным. Длительность паузы составляет примерно 0,3 секунды.

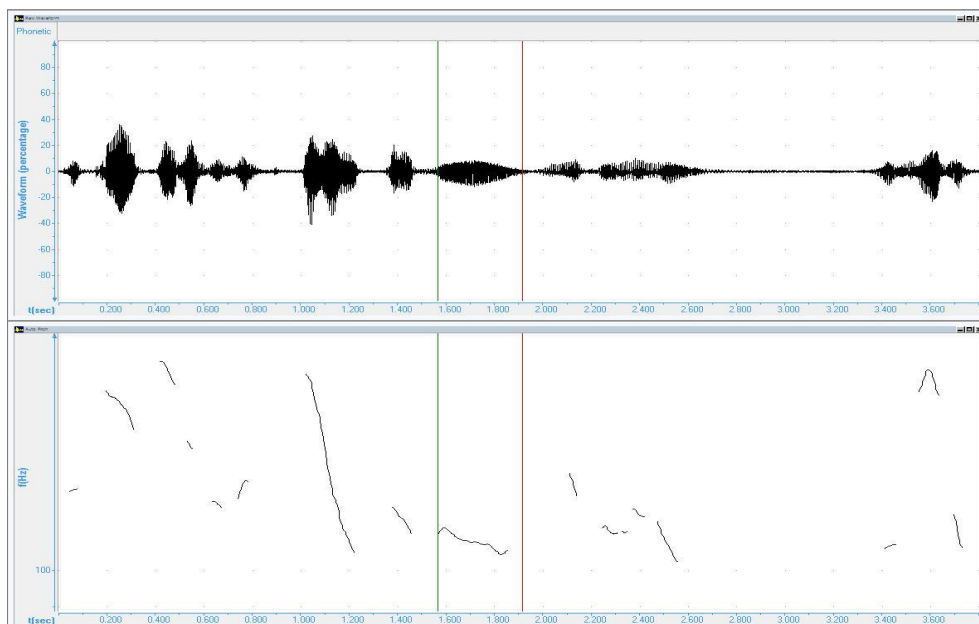

Рисунок 177 – Осциллограмма и тонограмма примера (31)

(32) *Но-о / торопить не буду.*

В данном случае программа фиксирует удлинение гласного звука [о], входящего в состав союза *но*. Как можно заметить на Рисунке 178, тонограмма отображает восходяще-нисходящее движение тона в удлинненном гласном, но нисходящее движение тона более значительно, оно характеризуется *большим* диапазоном. Гласный [о] длится около 0,35 секунды.

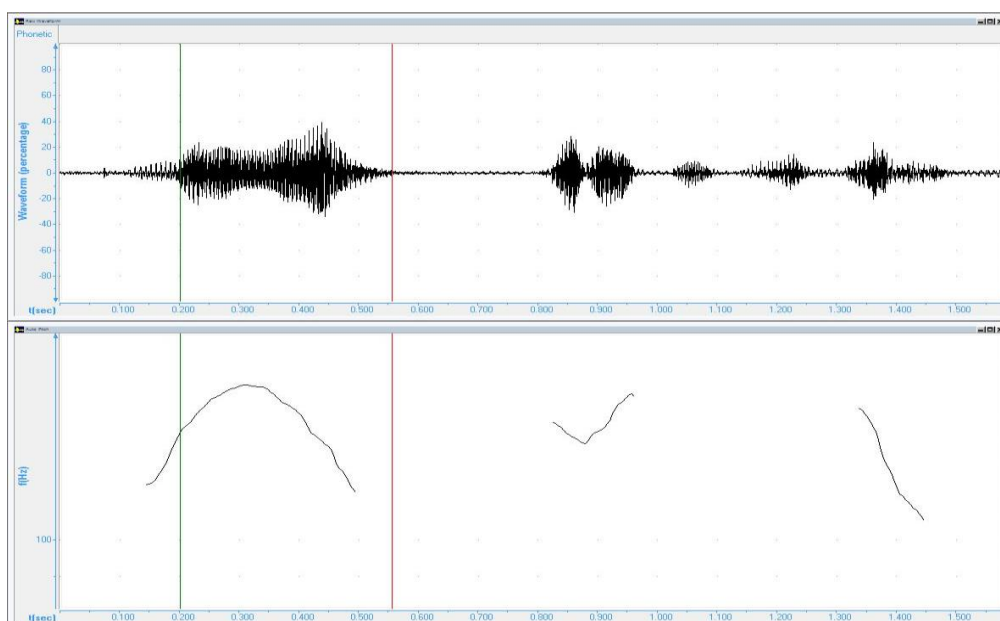

Рисунок 178 – Осциллограмма и тонограмма примера (32)

(33) *Два-а / пассажира.*

Если посмотреть на Рисунок 179, то можно заметить, что в рассматриваемом примере мы вновь сталкиваемся с удлинением конечного гласного: в слове *два* произносится долгий звук [a]. Тон в звуке [a] нисходящий, причем изменение здесь довольно значительно, уровень тона в конце произнесения намного ниже тонального уровня в начале. Длительность рассматриваемого гласного достигает примерно 0,33 секунды.

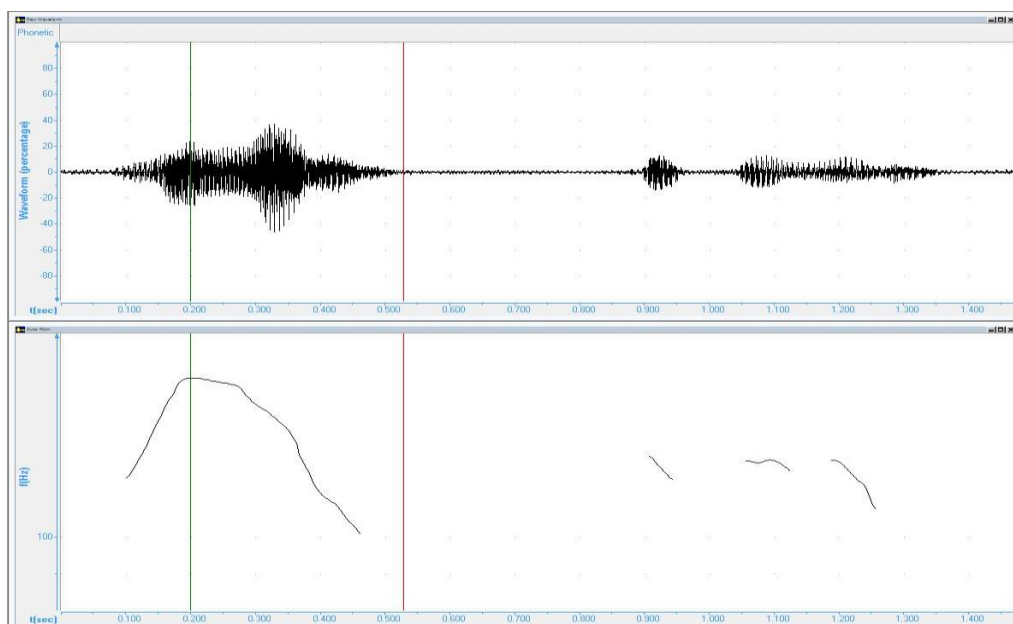

Рисунок 179 – Осциллограмма и тонограмма примера (33)

(34) *То есть я-а / как бы считаю...*

В приведенной реплике, осциллограмма и тонограмма которой изображены на Рисунке 180, снова наблюдается удлинение гласного звука. В этот раз Горшков придает долготу звуку [a] в местоимении *я*. Удлиненный звук характеризуется нисходящим тоном и длится приблизительно 0,3 секунды.

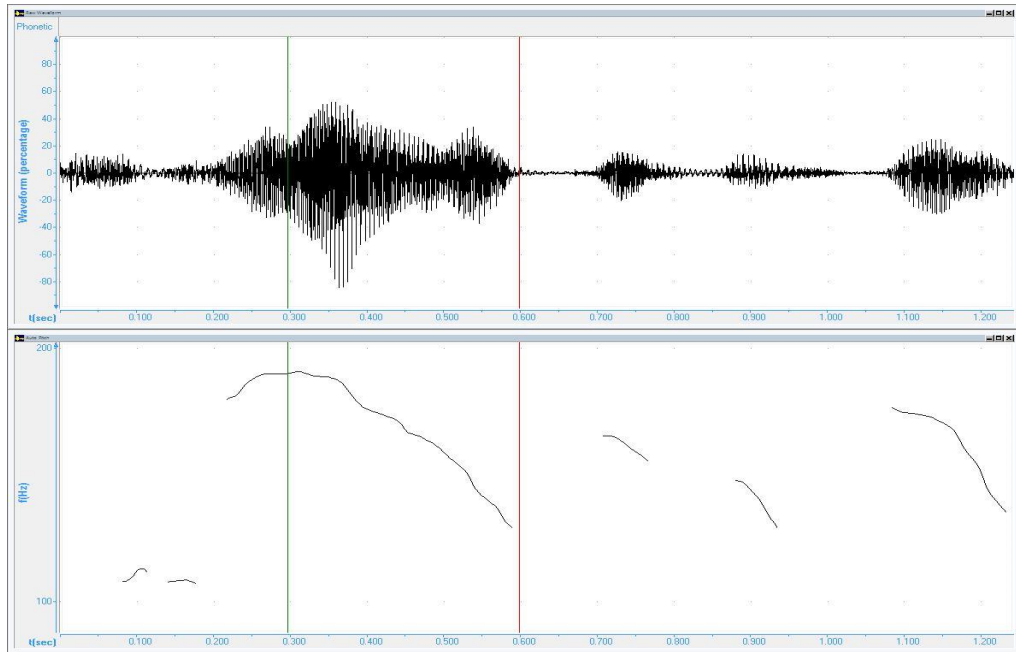

Рисунок 180 – Осциллограмма и тонограмма примера (34)

(35) *И-и / Леша как бы объяснял...*

Данный пример, осциллограмма и тонограмма которого изображены на Рисунке 181, демонстрирует удлинение гласного на союзе *и*. Тональной характеристикой удлиненного гласного является ровный, практически без изменений тон. Длительность звука [и] составляет около 0,45 секунды.

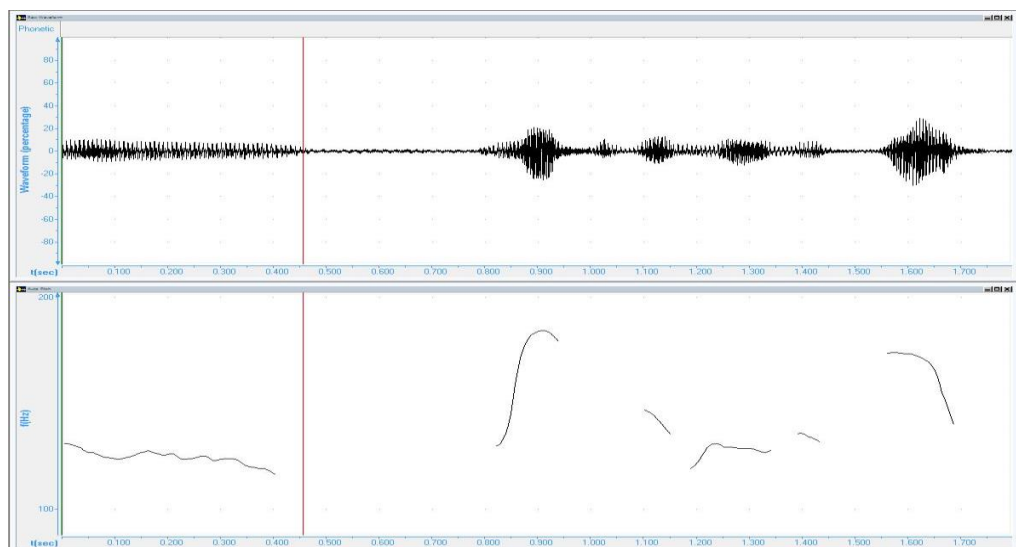

Рисунок 181 – Осциллограмма и тонограмма примера (35)

После рассмотрения заполненных пауз и удлиненных реализаций фонем выявились различия между характеристиками данных маркеров хезитации в речи Мужчины и в речи Горшкова. Попробуем объяснить имеющиеся различия.

1) Первое несовпадение касается временного параметра представленных пауз и удлинений. У Мужчины длительность пауз и удлиненных звуков достаточно разнообразна, демонстрируется довольно большой разрыв между значениями временных показателей (0,65; 0,5; 1,1; 0,9; 0,3). У Горшкова отсутствуют большие различия между значениями временных параметров, паузы и удлинения в целом являются более короткими, чем у Мужчины (почти всегда около 0,3 секунды). Колебания длительности пауз и удлиненных звуков в речи Мужчины, а также в целом большая временная протяженность данных маркеров хезитации являются, на наш взгляд, показателями коммуникативного статуса ведомого. Временные колебания могут говорить об эмоциональной нестабильности говорящего в момент речи, а более длинные, чем у собеседника, сигналы хезитации свидетельствуют о больших коммуникативных затруднениях, отражающих, как нам кажется, некоторую неуверенность говорящего в общении с собеседником.

2) Второе отличие касается движения тона в паузах и удлиненных реализациях фонем. Как можно заметить, у Горшкова тон практически всегда равномерно понижается или даже остается ровным, а у Мужчины, наряду с ровным тоном, имеется неравномерное понижение тона (в два этапа), также тон в гласном может быть восходяще-нисходящим, а в одном случае наблюдается изрезанный тональный контур, т.е. некоторые тональные колебания. Такие тональные показатели могут свидетельствовать об эмоциональной нестабильности Мужчины во время разговора, о недостатке уверенности и, следовательно, могут служить еще одним доказательством того, что в рассматриваемом диалоге коммуникативный статус Мужчины можно квалифицировать как статус ведомого.

3) Наконец, последним отличием реплик Мужчины от реплик Горшкова в аспекте представленных в них заполненных пауз и удлинений звуков является наличие удлиненных согласных. Речь здесь идет о щелевых звуках [в], [ф] и [с]. Благодаря тому что данные звуки артикулируются с помощью создания органами

речи щели, возникает возможность их долгого произнесения: органы речи не меняют своего положения и происходит длительное, медленное прохождение через них воздушной струи; иногда в процессе произнесения звука участвуют и голосовые связки, тогда происходит процесс фонации. Долгое произнесение щелевых согласных свойственно в данном диалоге исключительно Мужчине (см. примеры (26), (27) и (30)).

Удлиненная реализация фонем в приведенных примерах допускается на предлогах (*в*, *с*). По нашему мнению, данные удлинения имеют специфическую природу: они возникают в том случае, когда у говорящего появляется сомнение в уместности или необходимости произнесения той конструкции, которая уже сложилась на этапе внутренней речи. Доказательством этого служит произнесенный предлог, являющийся сигналом того, что грамматическая конструкция на уровне внутренней речи уже сформировалась. Кроме того, в одном из представленных выше высказываний использован звонкий вариант предлога *в* (программа в данном случае фиксирует движение тона), а в другом – глухой вариант того же предлога (программа фиксирует отсутствие фонации). Данный факт свидетельствует о том, что в приведенных репликах в момент произнесения предлога на уровне внутренней речи уже сформирована и лексическая структура высказывания. Артикуляционный аппарат уже приготовился к произнесению звука, являющегося начальным звуком следующего за предлогом слова. Согласно фонетическим законам, в примере (26) следующим звуком должен быть глухой согласный, а в (30) – звонкий / сонорный согласный или гласный. И в обоих приведенных примерах происходит именно так: в первом случае говорящий произносит вслед за предлогом глухой согласный, а во втором – гласный звук. Таким образом, органы речи при произнесении предлога уже готовы к произнесению следующей лексической единицы, а хезитационное удлинение возникает вследствие сомнения говорящего в приемлемости данного слова или конструкции. В примере (27) такое сомнение приводит к отказу от уже выстроенной в сознании грамматической структуры. Иными словами, Мужчина

пытается контролировать себя, оценивает свои слова с точки зрения их допустимости в диалоге, т.е. выглядит как более слабый в коммуникативном смысле участник общения. В репликах Горшкова, как уже упоминалось ранее, удлинения согласных отсутствуют, а имеющиеся удлиненные гласные являются, по-видимому, маркерами поиска. Так, произнося высказывание (33), Горшков, как кажется, не думает о том, стоит ли ему использовать слово *пассажир*, а просто пытается найти для некоторых объектов подходящую номинацию. По крайней мере, эксплицитные свидетельства сомнений Горшкова в уместности произнесения слова или конструкции отсутствуют в данной реплике, впрочем, как и во всем диалоге.

Итак, рассмотрев начальные и ответные реплики Мужчины, а также имеющиеся в его речи маркеры хезитации, мы можем заключить, что просодический компонент является в данном случае маркером коммуникативного статуса ведомого» [Бурова, 2019б, с. 13-17].

В заключение хотелось бы отметить еще одну особенность речи Мужчины, которая уже не относится к паузам и удлиненным реализациям фонем, но, как кажется, является речевым сбоем, определенным образом маркирующим коммуникативный статус Мужчины. Эта особенность заключается в быстром, без пауз повторе слова, начинающего высказывание. Для того чтобы было понятно, о чем идет речь, приведем несколько примеров.

(36) *Это, это, это самое простое.*

В данном примере говорящий три раза повторяет слово *это*, тем самым удлиняя высказывание. Между курсорами на Рисунке 182 запечатлено движение тона в повторяющихся словах. Тон сначала понижается (на первом употреблении местоимения *это*), затем незначительно повышается, остается практически ровным. Непрерывный тональный контур, отражающий медленное и незначительное повышение тона, сближает рассматриваемый повтор с заполненными паузами хезитации, также часто характеризующимися практически ровным тоном, что, возможно, свидетельствует об их функциональной близости.

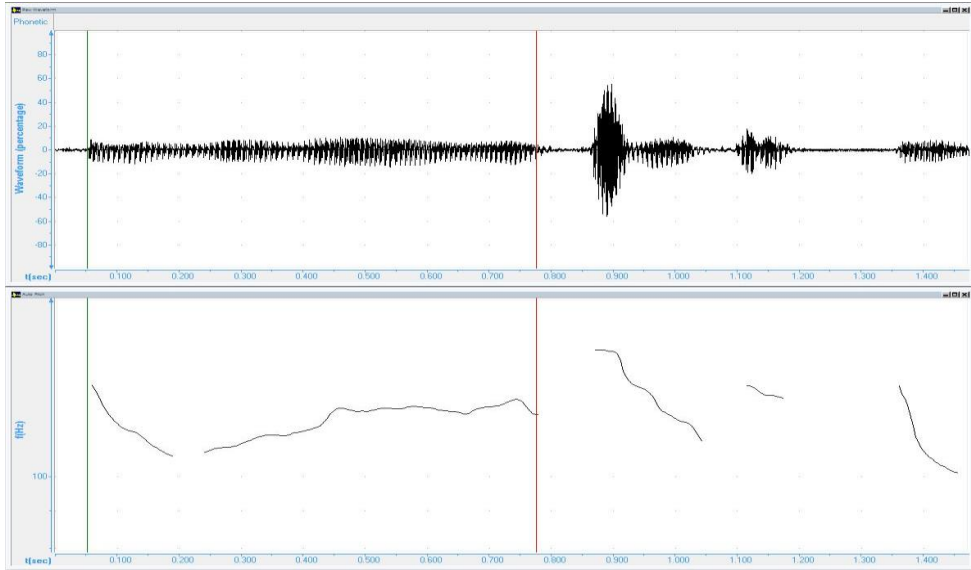

Рисунок 182 – Осциллограмма и тонограмма примера (36)

(37) *Я, я сегодня посмотрю че, как.*

Здесь наблюдается повтор местоимения *я*, причем в первом случае, который находится на тонограмме между курсорами, вначале происходит резкий подъем тона. Во втором случае тональный подъем осуществляется уже в меньшем диапазоне (Рисунок 183). Возможно, с помощью повтора говорящий пытается лучше оформить высказывание, избежать тональных перепадов.

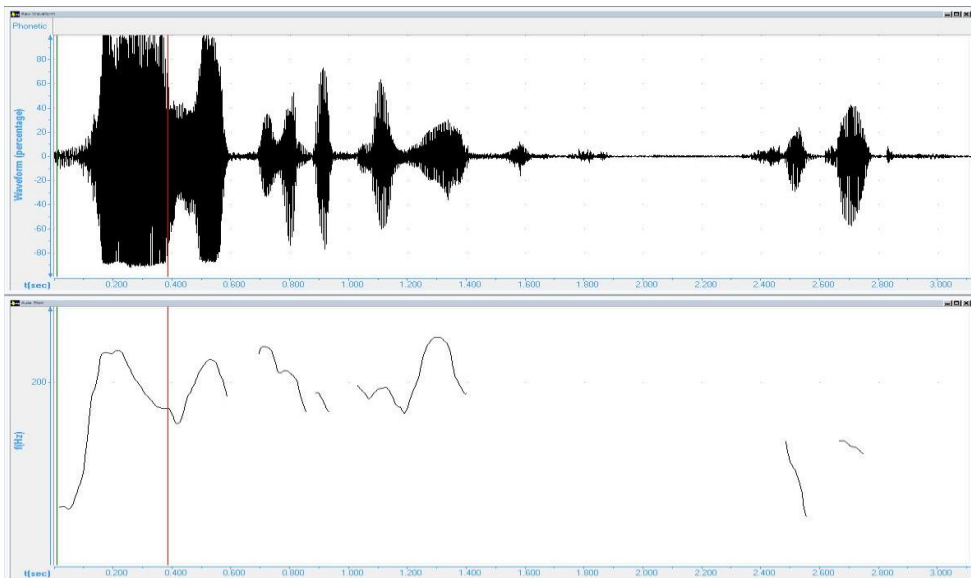

Рисунок 183 – Осциллограмма и тонограмма примера (37)

(38) *Она, она, она, одна, одна, одна там стоит.*

В этой реплике повторяются сразу два начальных элемента, каждый из них произносится Мужчиной трижды. Повтор занимает в приведенном примере практически все высказывание. Движение тона в повторяющихся словах весьма разнообразно, можно увидеть значительные тональные колебания, которые указывают, скорее всего, на эмоциональную нестабильность и неуверенность говорящего (Рисунок 184).

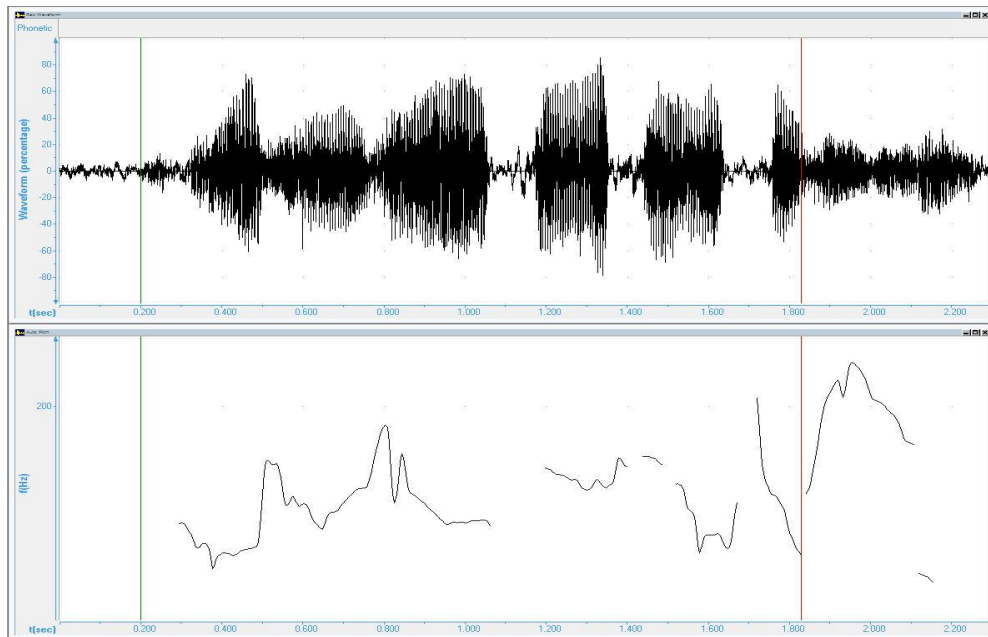

Рисунок 184 – Осциллограмма и тонограмма примера (38)

Как видно из примеров, повторы занимают достаточно много времени в высказывании и сигнализируют, в частности с помощью интонационных средств, об определенных затруднениях при речепорождении. Такие затруднения являются еще одним доказательством того, что Мужчина в данном диалоге обладает коммуникативным статусом ведомого.

Таким образом, интонационный (просодический) уровень звучащей речи является достаточно значимым показателем коммуникативного статуса участника общения. Тональные и временные параметры, характеризующие высказывание, могут отражать некоторые когнитивные процессы, происходящие в сознании говорящего, а также его коммуникативную цель. Полученные в ходе анализа результаты доказывают несомненную важность просодии для понимания механизмов коммуникативного взаимодействия.

Выводы по главе 4

Коррелируя с прагматикой высказывания и обладая функциональной значимостью, просодия выражает различные типы информации, относящиеся к ситуации общения. Такие средства, как просодические маркеры хезитации и тональные изменения, по нашему мнению, служат для характеристики говорящих с точки зрения их коммуникативных статусов, а также для маркирования коммуникативного значения незавершенности.

Первым важным результатом, описанным в данной главе, является возможность определения коммуникативного статуса участника диалога с помощью просодических средств. Отметим, что в диалоге между Мужчиной, выступающим в роли киллера, и Горшковым (заказчиком убийства) коммуникативные статусы ведущего и ведомого, вероятно, обусловлены самой ситуацией общения, однако просодия в данном случае является важным источником сведений о них. Так, Горшков часто использует ИК-2, выражающую категоричность, что может свидетельствовать о его доминировании в диалоге. В высказываниях Мужчины обнаруживается больше просодических маркеров хезитации, чем в речи Горшкова. Среди них выделяются паузы различной продолжительности, а также специфические удлиненные реализации фонем (удлинение согласного звука в предложениях). Все это может указывать на более низкую позицию данного участника, на статус ведомого. Экстралингвистические факторы, таким образом, полностью соответствуют просодическому оформлению текста, что еще раз подчеркивает значимость несегментных фонетических средств для выражения информации о коммуникативном статусе говорящего. Перспективой подобных исследований является выявление роли говорящих в сложных случаях, когда определить коммуникативный статус исходя из экстралингвистических факторов проблематично.

Еще одним существенным результатом является выявление особой прагматической значимости ИК-3 и ИК-4 как маркеров незавершенности и

прагматической нейтральности ИК-1. Как показал анализ разных синтаксических конструкций (простых предложений, простых осложненных предложений и сложных предложений), тип информации, называемый фазовым значением незавершенности, маркируется акцентами типа ИК-3 и ИК-4, содержащими восходящее движение тона. Акцент типа ИК-1 является нейтральным, немаркированным интонационным «нулем», способным употребляться как в значении завершенности, так и в значении незавершенности.

Заключение

Одной из важнейших задач современной лингвистики, ориентированной на изучение устной речи, является получение подробной информации о невербальном уровне коммуникации. Для решения данного вопроса в случае исследования звучащей речи лингвист должен обращать внимание на ее несегментные фонетические аспекты. Анализ разнородного фактического материала позволяет выявить и охарактеризовать некоторые типы информации, выражаемые просодическим компонентом неподготовленной звучащей речи. По результатам исследования можно сделать следующие **выводы**.

1. Просодическая система языков (в том числе русского) является одним из центральных объектов исследования современной лингвистики. Об этом свидетельствует увеличение объема сведений о просодии в современном учебнике по фонетике и особый интерес к просодии таких разделов языкознания, как семантика, теория дискурса и теория коммуникации.

2. Просодия как означающее спонтанных (неподготовленных) высказываний особым образом соотносится с тремя аспектами функционирования знака. Установлено, что в наибольшей степени просодия взаимодействует с семантикой и прагматикой высказывания.

3. Просодия выражает информацию, которую можно квалифицировать как собственно семантическую, поскольку это сведения о референциальном статусе слова и об интенции говорящего. Обычно такая информация выражается с помощью набора стандартных вербальных языковых средств. Однако при отсутствии соответствующих вербальных средств в высказывании интонация становится единственным источником сведений такого рода. Особой семантической самостоятельностью интонация обладает в случае несовпадения вербального и просодического компонентов речи. В результате исследования выявилась важность ИК-2 для передачи идеи требования в повествовательных предложениях, не содержащих вербальных средств побудительности.

4. С синтактикой просодия больших сегментов речи связана, по нашему мнению, в наименьшей степени. В неподготовленных текстах паузы не столько отделяют друг от друга синтаксически не связанные элементы, сколько демонстрируют трудности в речепорождении, а произнесение фрагмента без пауз, наоборот, может свидетельствовать не о тесной синтаксической связи элементов внутри этого фрагмента речи, а об отсутствии речевых сбоев. Поэтому сегментация неподготовленных текстов не может быть основана исключительно на просодических критериях.

5. Просодия выражает информацию прагматического характера, в частности о коммуникативном статусе участника диалога. Преобладающий тип ИК, особенности просодических маркеров хезитации в речи коммуниканта позволяют охарактеризовать его как ведущего или же ведомого. Анализ интонации также показал, что коммуникативный статус говорящего в диалоге является постоянным: при помощи реплик-стимулов (инициальных реплик), реплик-реакций, а также с помощью маркеров хезитации (заполненных пауз и удлиненных звуков) реализуется одна и та же коммуникативная стратегия.

Кроме того, просодия способна маркировать значение незавершенности в тексте с помощью акцентов типа ИК-3 и ИК-4. Вопреки распространенному представлению о корреляции нисходящего тона со значением завершенности, в имеющемся материале обнаруживается отсутствие такого однозначного соответствия. Как показывает анализ, в неподготовленном нарративе исключительной значимостью обладает повышение тона, всегда выражающее значение незавершенности. Вероятно, говорящий маркирует незавершенность в тех случаях, когда знает, что продолжение мысли обязательно последует, и на это необходимо обратить внимание слушающего.

6. Результаты исследования, изложенные в главах 2 и 4, позволяют сделать вывод о свойствах такой ИК русского языка, как ИК-1. Наш анализ показал, что данная конструкция играет роль «интонационного нуля», неспособного выразить

информацию семантического и прагматического характера и являющегося фоном для семантически и прагматически маркированных ИК-2, ИК-3 и ИК-4.

Разумеется, представленные в диссертации наблюдения о типах информации, выражаемых просодией, не претендуют на исчерпывающий характер. Более детальное изучение значимости просодического компонента звучащей речи – предмет дальнейших исследований. Например, в более подробном изучении нуждается соотношение тональных свойств высказывания с его синтаксической организацией и свойствами последующих отрезков речи. Кроме того, наше исследование обозначило довольно интересную научную перспективу – изучение степени спонтанности устных текстов в связи с их интонационной структурой. Вопрос о степени спонтанности имеет отношение к так называемому феномену «пластинки», т.е. информации, часто повторяемой говорящим в различных ситуациях. Как кажется, при анализе большого массива устных неподготовленных текстов, особенно в жанре глубинного интервью, могут быть подробно изучены и систематизированы интонационные свойства текстов подобного рода.

Список литературы

1. Активный словарь русского языка. Т. 3. Д-3 / Редакторы тома: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин; Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 768 с.

2. Анисимов, В. Н. Синхронная регистрация движений глаз и ЭЭГ: применение в психолингвистике / В. Н. Анисимов, О. В. Федорова, А. В. Латанов // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. / Под ред. В. А. Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 349-354.

3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

4. Апресян, Ю. Д. О Московской семантической школе / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3-30.

5. Балаш, М. А. Использование текстов фонограмм, установленных в ходе производства фоноскопических исследований, в качестве объекта лингвистической экспертизы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков / М. А. Балаш // Юрислингвистика –7: Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 400 с.

6. Балли, Ш. Общая лингвистика и проблемы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

7. Банков, А. С. «Просодия 1.0» – компьютерная программа анализа фразовой просодии / А. С. Банков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). – Ч. I. – С. 33-35.

8. Баранов, А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – М.: Помовский и партнеры, 1993. – 207 с.

9. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: УРСС, 2000. – 360 с.
10. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
11. Безяева, М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге / М. Г. Безяева. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 752 с.
12. Беленикина, Л. Н. Полифункциональность речевой просодии / Л. Н. Беленикина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – Вып. 10 (90). – С. 155-160.
13. Богданова, Н. В. О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания / Н. В. Богданова, И. С. Бродт, В. В. Куканова, О. В. Павлова, Е. М. Сапунова, Н. С. Филиппова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 7. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – С. 57-61.
14. Богданова, Н. В. О корпусе текстов живой речи: новые поступления и первые результаты исследования / Н. В. Богданова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 9. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 35-40.
15. Болинджер, Д. Интонация как универсалия / Д. Болинджер // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 214-230.
16. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка / Л. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 276 с.
17. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

18. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н. Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009а. – 252 с.

19. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза: справочные материалы / К. И. Бринев. – Барнаул; Кемерово: Лексис, 2009б. – 17 с.

20. Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. – М.: Русский язык, 1977. – 279 с.

21. Брызгунова, Е. А. Интонация [Электронный ресурс] / Е. А. Брызгунова // Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980. – Т.1. – Режим доступа: <https://rusgram.narod.ru/>

22. Брызгунова, Е. А. Вводный фонетико-разговорный курс русского языка / Е. А. Брызгунова. – М.: Рус. яз., 1982. – 158 с.

23. Бурова, Е. Е. Современные информационные технологии в структуре магистерской программы «Лингвокриминалистика»: программа Speech Analyzer как инструмент лингвистической экспертизы звучащей речи / Е. Е. Бурова // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения: материалы Первой всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Иркутск: ИрГУПС, 2016а. – С. 180-183.

24. Бурова, Е. Е. Интонационная структура высказывания как маркер коммуникативного статуса говорящего / Е. Е. Бурова, М. Б. Ташлыкова // Вестник Иркутского университета. – 2016б. – Вып. 19. – С. 320-321.

25. Бурова, Е. Е. Соотношение вербального и просодического компонентов устной речи: роль интонации в формировании содержательной стороны высказывания / Е. Е. Бурова // Сибирский филологический журнал. – 2019а. – № 1. – С. 185-192.

26. Бурова, Е. Е. Просодические маркеры хезитации в контексте определения коммуникативного статуса говорящего / Е. Е. Бурова // Вестник Томского государственного университета. – 2019б. – № 441. – С. 12-18.

27. Булова, Е. Е. Сегментация речи при создании корпуса устных текстов. / Е. Е. Булова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 9. – С. 2657-2663.

28. Булова, Е. Е. Рассказ-«пластинка» vs спонтанный нарратив в свете сопоставительного анализа языковых особенностей / Е. Е. Булова, А. А. Рачёва, У. Э. Чекмез // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 5. – С. 48-68. – [Doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-48-68)

29. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.

30. Великая, Е. В. Просодия в стилевой дифференциации языка / Е. В. Великая. – М.: Прометей, 2008. – 256 с.

31. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого [Электронный ресурс] / Х. Вельцер // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html>

32. Вольская, Н. Б. О паузе и не только о ней / Н. Б. Вольская // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера: сб. статей / науч. ред. Л. Б. Бондарко. – СПб.: Филологический университет СпбГУ, 2004. – С. 129-136.

33. Галяшина, Е. И. Лингвистический анализ в системах идентификации диктора: интегративный комплексный подход на базе экспертологии / Е. И. Галяшина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 14. – Т. 1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 156-169.

34. Гарцов, А. Д. Интонация побудительной речи / А. Д. Гарцов. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 53 с.

35. Грайс, Х. В. Логика и речевое общение / Х. В. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

36. Гранева, И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения / И. Ю. Гранева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». – 2008. – Вып. 4. – С. 206-210.

37. Гращенков, П. В. Синтаксические факторы, влияющие на просодию / П. В. Гращенков, А. А. Кириллова, О. С. Смирнова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 17. – М.: Изд-во РГГУ, 2018. – С. 227-239.

38. Гришина, Е. А. Устная речь в Национальном корпусе русского языка / Е. А. Гришина // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Итоги и перспективы. – М.: Индрик, 2005. – С. 94-110.

39. Гришина, О. А. Русская интонология / О. А. Гришина. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. – 136 с.

40. Дараган, Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоях и обслуживающие его вербальные средства [Электронный ресурс] / Ю. В. Дараган // Труды международной конференции Диалог' 2003 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Daragan.htm>

41. Демонова, Ю. М. О метаязыке семантики недовольства, выраженной просодией (на материале английского и русского языков) / Ю. М. Демонова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 102-106.

42. Дудина, С. П. Просодия и интонация в истории лингвистических учений [Электронный ресурс] / С. П. Дудина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 2 (24). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosodiya-i-intonatsiya-v-istorii-lingvisticheskikh-ucheniy>

43. Елистратов, В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг. / В. С. Елистратов. – М.: Азбуковник, 2000. – 694 с.

44. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: Ком Книга, 2006. – 248 с.
45. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
46. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1983. – 240 с.
47. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Наука; Флинта, 2004. – 240 с.
48. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.
49. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
50. Касаткин, Л. Л. Современный русский язык: Фонетика / Л. Л. Касаткин. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 256 с.
51. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич. – М.: Наука, 1983. – 295 с.
52. Касевич, В. Б. Ударение и тон в языке и речевой деятельности / В. Б. Касевич, Е. М. Шабельникова, В. В. Рыбин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 244 с.
53. Касевич, В. Б. Анкета «Об основах теории интонации» / В. Б. Касевич // Проблемы фонетики. – М.: Изд-во РАН, 1993. – С. 54-60.
54. Кауфова, И. Б. Просодические характеристики синтагм с незавершенностью в политическом дискурсе / И. Б. Кауфова // Университетские чтения-2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – Ч. II. – С. 99-105.
55. Кибрик, А. А. Просодическая транскрипция: уровни детализации / А. А. Кибрик, С. В. Кодзасов, М. В. Худякова // Компьютерная лингвистика и

интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 8. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 143-148.

56. Кибрик, А. А. Мультиmodalная лингвистика / А. А. Кибрик // Когнитивные исследования. – Вып. IV. – М.: ИП РАН, 2010. – С. 134-152.

57. Кибрик, А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы / А. А. Кибрик // Психологический журнал. – 2018. – № 39 (1). – С. 70-80.

58. Князев, С. В. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов / С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. – 430 с.

59. Князев, С. В. Редукция гласного как показатель его ударности в современном русском литературном языке / С. В. Князев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 14. – Т. 1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 284-293.

60. Князев, С. В. Коартикуляция на стыках слов как показатель наличия просодического шва в русском языке / С. В. Князев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 15. – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 251-263.

61. Князев, С. В. Коартикуляционные изменения носовых согласных как показатель наличия просодического шва и порядка применения фонологических правил в русском языке / С. В. Князев, А. С. Утешева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 16. – Т. 2. – М.: Изд-во РГГУ, 2017. – С. 175-195.

62. Князев, С. В. Коартикуляция по голосу в сочетаниях велярный + звонкий губно-зубной спонант внутри и на стыках фонетических слов в

современном русском языке / С. В. Князев, А. В. Красько // Русский язык в научном освещении. – 2019. – Т. 38. – № 2 – С. 9-24.

63. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 702 с.

64. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: Эдито-риал УРСС, 2000. – 352 с.

65. Кобозева, И. М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения / И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». – М.: Изд-во РГГУ, 2007. – С. 250-255.

66. Кобозева, И. М. Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации / И. М. Кобозева, Л. М. Захаров // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. – № 2 (36). – С. 27-31.

67. Ковалев, Ю. В. Интонация коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ковалев Юрий Владимирович. – М., 1980. – 244 с.

68. Коваленко, Н. А. Системный подход к фразовой просодии слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Коваленко Ната Афанасьевна. – М.: РАН, 2002. – 42 с.

69. Кодзасов, С. В. Об универсальном наборе фонетических признаков / С. В. Кодзасов // Экспериментальные исследования в психолингвистике. – М.: Ин-т языковедения, 1982. – С. 94-108.

70. Кодзасов, С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии / С. В. Кодзасов // Просодический строй русской речи. – М.: Изд-во РАН, 1996. – С. 85-123.

71. Кодзасов, С. В. Уровни, единицы и процессы в интонации / С. В. Кодзасов // Проблемы фонетики. – 1999. – № 3. – С. 197-215.

72. Кодзасов, С. В. Общая фонетика / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 592 с.

73. Кодзасов, С. В. Фазовая символика тона / С. В. Кодзасов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 2002. – Т. 21. – С. 309-320.

74. Кодзасов, С. В. Исследования в области русской просодии / С. В. Кодзасов. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 496 с.

75. Коростелёва, А. А. О различных тенденциях в русской и польской переводческой практике (на материале перевода зарубежных фильмов) / А. А. Коростелёва // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2010. – № 4. – С. 48-58.

76. Коростелёва, А. А. Проблема русификации коммуникативной дорожки в звучащем переводе (эмоциональный диалог в кино) / А. А. Коростелёва // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2011. – № 3. – С. 42-58.

77. Коротаев, Н. А. Коммуникативно-просодический подход к выявлению элементарных дискурсивных единиц в устном монологическом тексте / Н. А. Коротаев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 14. – Т. 1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 294-307.

78. Коротаев, Н. А. Интонационная структура устного рассказа в контексте незавершенности / Н. А. Коротаев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 17. – М.: Изд-во РГГУ, 2018. – С. 342-355.

79. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин. – М.: НЛО, 2002. – 592 с.

80. Кривнова, О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: опыт теоретико-экспериментального исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кривнова Ольга Федоровна. – М., 2007. – 53 с.

81. Кривнова, О. Ф. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка. / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, Е. В. Моисеева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2016. – № 4. – С. 7-33.

82. Кривнова, О. Ф. Фонетические характеристики дыхательных пауз с разной текстовой локализацией / О. Ф. Кривнова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 16. – Т. 2. – М.: Изд-во РГГУ, 2017. – С. 207-220.

83. Кривнова, О. Ф. Интонационное членение и сегментирующая сила словоразделов в звучащем тексте (данные перцептивного эксперимента) / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, О. С. Смирнова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2018. – Вып. 17. – С. 128-139.

84. Кривнова, О. Ф. Интроспективная просодическая разметка письменного текста и его реальное озвучивание (сравнительный анализ на материале коллекции текстов Р. И. Аванесова) / О. Ф. Кривнова, О. С. Смирнова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 18. – М.: Изд-во РГГУ, 2019. – С. 295-309.

85. Крючкова, О. Ю. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации / О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 7. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – С. 268-273.

86. Кузнецов, П. С. Об основных положениях фонологии / П. С. Кузнецов // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии / А. А. Реформатский. – М.: Наука, 1970. – С. 470-480.

87. Кузнецова, М. С. Роль просодии в экспликации уступительности в современном русском и английском языках / М. С. Кузнецова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-2. – С. 100-103.

88. Леонтьева (Торсуева), И. Г. Функциональная теория интонации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Леонтьева (Торсуева) Ирина Георгиевна. – М., 1975. – 354 с.

89. Лобанов, Б. М. Универсальные мелодические портреты интонационных конструкций русской речи / Б. М. Лобанов, Т. И. Окрут // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 13. – М.: Изд-во РГГУ, 2014. – С. 330-339.

90. Лобанов, Б. М. Опыт создания мелодических портретов сложных повествовательных предложений русской речи / Б. М. Лобанов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 14. – Т. 1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 414-426.

91. Михалёва, О. Л. Глубинное интервью как материал для лингвистического исследования: учеб. пособие / О. Л. Михалёва, Е. В. Васильева, Е. В. Стародворская, М. Б. Ташлыкова; под общ. ред. О. Л. Михалёвой. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 623 с.

92. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. Сборник переводов / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1982. – 640 с.

93. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков / Т. М. Николаева. – М.: Изд-во Наука, 1977. – 281 с.

94. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1982. – 103 с.

95. Николаева, Т. М. Ответы на анкету «Об основах теории интонации» / Т. М. Николаева // Проблемы фонетики. – М.: Изд-во РАН, 1995. – С. 190-192.

96. Николаева, Ю. В. Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение) / Ю. В. Николаева // Московский лингвистический журнал. – 2004. – Т. 8. – № 2. – С. 89-117.

97. Новикова, Н. С. Ядро системы русских интоном и проблема безопасности в интонологии / Н. С. Новикова // Просодия текста. – М.: МГПИИЯ, 1982. – С. 47-49.

98. Норк, О. А. К вопросу о фонологической функции интонации / О. А. Норк, К. Г. Крушельницкая // Тезисы докладов межвузовской конференции «Синтаксис и интонация». – М.: МГПИИЯ, 1962. – С. 12-14.

99. Норман, Б. Ю. Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian Linguist. Netherland: Kluwer Academic Publishers, 2002. – С. 218-234.

100. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс / Б. Ю. Норман. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 296 с.

101. Норман, Б. Ю. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (34). – С. 126-138.

102. Павлова, А. В. Значение просодической информации в лексикографическом толковании полисемии и омонимии / А. В. Павлова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 7. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – С. 407-411.

103. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М.: изд-во Наука, 1985. – 272 с.

104. Падучева, Е. В. Коммуникативная структура предложения [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – 2015. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>

105. Пак Кын У. Интонационные корреляты средств речевого контакта в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пак Кын У. – М., 1997. – 199 с.

106. Палько, М. Л. Просодия обращений в немецком языке в сопоставлении с русским / М. Л. Палько // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 8. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 379-383.

107. Панов, М. В. Современный русский язык. Фонетика / М. В. Панов. – М.: Высшая школа, 1979. – 256 с.

108. Панова, М. Н. Интонационные модификации с частицами «разве» и «неужели» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Панова Марина Николаевна. – М., 1981. – 233 с.

109. Петрянкина, В. И. Функционально-семантический анализ интонации / В. И. Петрянкина. – М.: УДН, 1988. – 191 с.

110. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М.: Изд-во РГГУ, 2011. – 672 с.

111. Потапова, Р. К. Коннотативная паралингвистика / Р. К. Потапова. – М.: Триада, 1997. – 67 с.

112. Потапова, Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика / Р. К. Потапова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 600 с.

113. Потапова, Р. К. Функционально-речевая специфика просодии и семантики / Р. К. Потапова // Речевые технологии. – 2014. – № 2. – С. 3-22.

114. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

115. Рачёва, А. А. Дейктические единицы с пространственной семантикой в устном дискурсе: маркирование дискурсивных процессов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рачёва Александра Андреевна. – Кемерово, 2019. – 23 с.

116. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – М.: НОРМА, 2006. – 656 с.

117. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
118. Рычкалова, Л. А. Лингвистические методы анализа звучащей речи в криминалистике / Л. А. Рычкалова // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 104-113.
119. Сафронский, Г. Э. Судебная фоноскопическая экспертиза на стадии судебного разбирательства по уголовным делам / Г. Э. Сафронский // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 169-172.
120. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка / Н. Д. Светозарова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 174 с.
121. Светозарова, Н. Д. Просодическая организация русской спонтанной речи / Н. Д. Светозарова, Н. Б. Вольская, А. В. Павлова, Л. Ф. Шитова // Фонетика спонтанной речи / ред. Н. Д. Светозарова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – С. 141-182.
122. Светозарова, Н. Д. Ответы на анкету «Об основах теории интонации» / Н. Д. Светозарова // Проблемы фонетики. – М.: Изд-во РАН, 1995. – С. 193-196.
123. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 151-169.
124. Синёв, А. Д. Просодия как суперсегментное фонологическое явление в контексте современных лингвистических исследований / А. Д. Синёв // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 17 (198). – С. 104-113.
125. Сиротинина, О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – М.: Знание, 1974. – 260 с.
126. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – 4 т.
127. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук.

Ответственный редактор: доктор филологических наук В. Ю. Михальченко, 2006. – 315 с.

128. Современный русский язык: учебник для филологических специальностей университетов / ред. В. А. Белошапкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.

129. Современный русский литературный язык: Учебник / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин; под ред. П. А. Леканта. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 766 с.

130. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера; пер. со 2-го фр. изд. А. М. Сухотина; под ред. и с примеч. Р. И. Шор. – 4-е изд. – М.: Кн. дом «Либроком», 2009. – 272 с.

131. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 311 с.

132. Степанов, Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.

133. Тер-Аванесова, А. В. Лексико-грамматические базы данных и сравнительное изучение русских диалектных акцентных систем / А. В. Тер-Аванесова, С. А. Крылов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 9. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 507-511.

134. Торсуева, И. Г. Интонация и смысл высказывания / И. Г. Торсуева. – М.: Наука, 1979. – 111 с.

135. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

136. Фаустова, Н. А. Сопоставительный анализ английской, французской и русской интонации / Н. А. Фаустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 527-533.

137. Федорова, О. В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций / О. В. Федорова // Вопросы языкознания. – 2008. – № 6. – С. 98-120.

138. Федорова, О. В. О коммуникативной функции взгляда / О. В. Федорова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2019. – № 21. – С. 222-241.

139. Федорова, О. В. Основы экспериментальной психолингвистики. Метод регистрации движений глаз / О. В. Федорова. – М.: МГУ, 2020. – 69 с.

140. Фрейдина, Е. Л. Просодия публичной речи: Монография / Е. Л. Фрейдина, Н. А. Ковпак, Ю. П. Королева, Т. М. Пчелина, М. Ю. Сейранян, О. Н. Смирнова. – М.: Прометей, 2013. – 224 с.

141. Фунтова, И. Л. Инновации в интонации современного русского литературного языка [Электронный ресурс] / И. Л. Фунтова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 7 (184). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-intonatsii-sovremennogo-russkogo-literaturnogo-yazyka>

142. Хромов, С. С. Интонация как универсалия / С. С. Хромов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2013. – № 1 (17). – С. 84-91.

143. Хромов, С. С. Семиотическая сущность интонации / С. С. Хромов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2014. – № 2 (21). – С. 108-118.

144. Черемисина, Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н. В. Черемисина. – М.: Русский язык, 1982. – 207 с.

145. Черемисина-Ениколопова, Н. В. Законы и правила русской интонации / Н. В. Черемисина-Ениколопова. – 2 изд-е. – М.: изд-во «Флинта», 2013. – 520 с.

146. Шевченко, Т. И. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика / Т. И. Шевченко, Н. А. Садовникова, Л. Н. Сибилева //

Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – Вып. 1 (634). – С. 175-187.

147. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

148. Язык и семиотика тела: В 2 т. / Г. Е. Крейдлин (отв. рук.), П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, С. И. Переверзева, Л. А. Хесед. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 1: 672 с., Т. 2: 488 с.

149. Янко, Т. Е. Интонация связного текста / Т. Е. Янко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 591-596.

150. Янко, Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. – М.: Языки славянских культур, 2008а. – 312 с.

151. Янко, Т. Е. Просодия в толковом словаре и словарь уникальных просодий / Т. Е. Янко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 7. – М.: Изд-во РГГУ, 2008б. – С. 595-601.

152. Янко, Т. Е. К проблеме сопоставительного анализа просодии: одесский региональный вариант русского языка vs. русская разговорная норма / Т. Е. Янко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 14. – Т. 1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2015. – С. 650-666.

153. Янко, Т. Е. Новые интонационные конструкции русского языка: разработка транскрипции / Т. Е. Янко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 15. – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 841-853.

154. Янко, Т. Е. Просодические стратегии чтения и устного нарратива / Т. Е. Янко // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 316-330.

155. Anisimov, V. N. Eye Movement Parameters in Reading Sentences with Syntactic Ambiguities in Russian / V. N. Anisimov, O. V. Fedorova, A. V. Latanov // *Human Physiology (Moscow)*. – 2014. – Vol. 40. – № 5. – P. 521-531.

156. Baumann, S. Information structure and prosody: linguistic categories for spoken language annotation / S. Baumann // *Methods in empirical prosody research* / S. Sudhoff et al. (eds.). – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2006. – P. 153-180.

157. Couper-Kuhlen, E. Prosody in conversation: Interactional studies / E. Couper-Kuhlen, M. Selting. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 471 p.

158. Dehé, N. Parentheticals in Spoken English: The Syntax-Prosody Relation / N. Dehé. – Cambridge University Press, 2014. – 262 p.

159. Elordieta, G. Prosody and Meaning / G. Elordieta, P. Prieto. – De Gruyter Mouton, 2012. – 390 p.

160. Gussenhoven, C. The phonology of tone and intonation / C. Gussenhoven. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 355 p.

161. Gussenhoven, C. Tones and Tunes: Experimental Studies in Word and Sentence Prosody (Phonology and Phonetics) / C. Gussenhoven, T. Riad. – Mouton de Gruyter, 2007. – 434 p.

162. Hirst, D. A survey of intonation systems / D. Hirst, A. Di Cristo // *Intonation systems. A survey of twenty languages* / D. Hirst and A. Di Cristo (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 1-44.

163. Horne, M. Introduction Prosody: Theory and Experiment / M. Horne // *Studies Presented to Gösta Bruce*. – Kaiser Academic Publishers, 2000. P.1-10.

164. Ladd, D. R. Intonational phonology / D. R. Ladd. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 334 p.

165. Niebuhr, O. Understanding prosody: the role of context, function and communication / O. Niebuhr. – De Gruyter, 2013. – 344 p.

166. Pierrehumbert, J. B. The meaning of intonational contours in the interpretation of discourse / J. B. Pierrehumbert, J. Hirschberg // *Intentions in*

communication / P. R. Cohen, J. Morgan and M. E. Pollack (eds.). – Cambridge: MIT Press, 1990. – P. 1-44.

167. Szczepiek Reed, B. *Analysing Conversation: An Introduction to Prosody* / B. Szczepiek Reed. – Palgrave, 2011. – 274 p.

168. Wennerstrom, A. *The Music of Everyday Speech: Prosody and Discourse Analysis* / A. Wennerstrom. – Oxford University Press, US, 2001. – 344 p.

169. Yanko, T. E. *Word Order and Accent Placement in Topics, Foci, and Markers of Discourse Continuity* / T. E. Yanko // *Oslo Studies in Language. Comparative Slavic Syntax and Semantics*. – 2017. – Vol. 9. – No. 1. – P. 45-57.